

ЗАХАРИЙ СТОЯНОВ

ББ

ОТЧИЗНЫ СЛАВНЫЕ СЫНЫ

БИБЛИОТЕКА • БОЛГАРИЯ •

ББ

СОФИЯ ПРЕСС

ЗАХАРИЙ СТОЯНОВ

ОТЧИЗНЫ СЛАВНЫЕ СЫНЫ

БИБЛИОТЕКА „БОЛГАРИЯ“

- © А. Йорданов, составитель, 1989
 - © Т. Нанчева, Л. Снегова, перевод с болгарского
 - © Жеко Алексиев, художественное оформление
 - © Текла Алексиева, художник
- c/o Jusautor, Sofia

ЗАХАРИЙ СТОЯНОВ

**ОТЧИЗНЫ
СЛАВНЫЕ
СЫНЫ**

СОФИЯ ПРЕСС
1989

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Первые публикации публицистики и прозы Захария Стоянова относятся к 1880 г. В 1881 г. он принимает участие в редактировании либерально-социалистической газеты „Работник“ („Рабочий“), издававшейся в городе Русе. Там выходит его очерк „Имена болгарских повстанцев, посягавших на свою жизнь“ (№ 28 за 29.IV.1881 г.). В том же году З. Стоянов задумывает написать воспоминания о болгарских восстаниях – Стара-загорском и Апрельском 1875-1876 годов. Постепенно замысел расширяется, писатель попытался воссоздать полностью историю болгарских восстаний против турецкого рабства в XIX веке. Захарий Стоянов начал собирать материалы о жизни и революционной деятельности Г.С. Раковско-го – первого идеолога болгарского национально-освободительного движения, о восстании 1856 г., о четах Филиппа Тотю, Стефана Караджи и Хаджи Димитра, о деятельности Болгарского революционного центрального комитета в 1869-1876 гг., о руководителях и идеологах национальной революции – Любене Каравелове, Василе Левском, Христо Ботеве. Свой замысел Захарий Стоянов успел осуществить лишь отчасти.

В 1883 г. вышел первый том „Записок о болгарских восстаниях“, в котором объектом мемуарно-художественного повествования становятся „некоторые подробности“ из жизни самого Стоянова, деятель-

ность революционного комитета в Русе и его связь с революционным комитетом в Джурджу, подготовка и ход Стара-загорского восстания 1875 г., в котором участвовал и сам автор, а также подготовка революции 1876 г.

Параллельно с работой над первым томом „Записок“ З. Стоянов пишет и биографию идеолога болгарского национально-освободительного движения Василя Левского. Она была закончена в ноябре 1883 г. и издана в январе 1884 г. До конца 1884 г. З. Стоянов успел написать второй и третий том „Записок“, но второй, повествующий о подготовке и ходе Апрельского восстания, вышел лишь в 1887 г., третий же, рассказывающий о судьбе автора, о его заключениях в турецких тюрьмах, о подавлении восстания в IV революционном округе, был издан после смерти писателя в 1892 г.

Одновременно с работой над „Записками“ и очерком „Васил Левский (Дьякон)“ З. Стоянов пишет и историю четнического движения в Болгарии, которую завершает осенью 1884 г. В 1885 г. она выходит под названием „Четы Филиппа Тотю, Хаджи Димитра и Стефана Караджи в Болгарии“.

Следующей книгой З. Стоянова, имевшей, как и другие его произведения, исключительное значение для болгарской истории и культуры, стала краткая биография Любена Каравелова, впервые прочитанная в качестве речи на вечере памяти писателя, состоявшемся 3 марта 1885 г. в Пловдиве.

Последняя книга Стоянова – биографический „роман“ о Христо Ботеве. Замысел его созрел долго, и работал над „романом“ автор дольше, чем над другими своими вещами, – на протяжении шести лет, с 1882 по 1888 год.

Не только то, что все произведения З. Стоянова были написаны за весьма краткий период, почти одновременно, дает основание воспринимать и толковать их как единое документально-художественное целое. Связи между ними не только очевидны, они сложны и комплексны. В них выразилась идея автора дать историографию национально-освободительных революционных движений второй половины XIX века в Болгарии и воссоздать образы выдающихся личностей того времени – идеологов, руководителей, участников этой борьбы. З. Стоянов оставил нам целостную объективную историческую картину и свое субъективное представление о болгарском революционном движении, о его самых ярких личностях.

В концепции данного издания акцент поставлен на второй стороне замысла З. Стоянова – на образах и героической судьбе участников национальной революции, от идеологов и руководителей до рядовых исполнителей. Иными словами, это издание дает представление о Захарии Стоянове прежде всего как о летописце подвигов великих личностей и простых людей.

Однако обе тенденции в прозе Захария Стоянова так крепко спаяны, их связь настолько органична, что четко разграничить их невозможно. Как уже говорилось в предисловии к первому тому нашего издания, портреты Народа и Личности – это не просто две опоры, на которых держится новое историко-художественное мышление, но и идейное целое. Не понимая этого, невозможно проникнуть в смысловое богатство и своеобразие прозы Стоянова.

Отсюда и трудности, возникшие при составлении издания. Основной задачей составителя было: акцентируя „личностное“ в книгах Захария Стоянова, об-

разы героев, показать и единство между биографическим и историко-описательным началом. Поэтому нельзя было нарушать естественную логическую связь текстов, и если из-за нехватки места в небольшом по объему издании пришлось опустить кое-что, то составитель пытался сделать это не в ущерб целостной авторской концепции о соответствующем событии, личности, историческом фоне и т.п. Поэтому в наше издание были включены портреты тех личностей-героев, которые обособлены в повествовании самим автором. Это относится к „Запискам о болгарских восстаниях“ и к „Четам...“, из которых почерпнут материал для первого тома, озаглавленного „Портреты“. Целью составителя было избежать вмешательства в композиционное единство произведений Захария Стоянова. По этой причине в издание не вошли портреты таких выдающихся революционеров и деятелей освободительного движения, как Стефан Стамболов, Панайот Волов, Никола Обретенов, поп Грую Банский и др. Они не обособлены структурно в „Записках...“, а их эпизодическое присутствие в повествовании не дает возможности произвести структурные изменения безболезненно. В большой степени это относится и к главному герою этой прозы – самому Захарию Стоянову, хотя портрет автора и одновременно героя присутствует на каждой странице „Записок о болгарских восстаниях“.

В первом томе данного издания вы найдете портреты героев из „Записок о болгарских восстаниях“, из „Чет Филиппа Тотю, Хаджи Димитра и Стефана Караджи в Болгарии“, очерк „Имена болгарских повстанцев, посягавших на свою жизнь“ и отрывок из „Предисловия“ к первому тому „Записок“. При подборе текстов составитель задавался целью со-

хранить единство повествования, биографического и художественного воссоздания образов, те акценты, которые автор делал на героических моментах жизни этих личностей.

Во второй том включены отрывки из очерков „Васил Левский (Дьякон)“ и „Христо Ботев. Попытка биографии“, а также весь очерк о Любене Каравелове.

Комментарии даны в виде сносок. Цифрами отмечены примечания автора, звездочками – составителя и переводчиков, буквой р. в скобках – примечания издателя болгарского текста.

ВАСИЛ ЛЕВСКИЙ (ДЪЯКОН)

Эпизоды жизни

Было бы неплохо, если бы среди воспевания генеральских эполет, среди экзальтированных „ура“, горючих слез над чужими могилами и знаменитостями кое-где появилось и что-нибудь о наших делах, о наших людях. В конце концов, мы тоже народ, боже мой, и у нас есть национальная гордость, человеческое достоинство, которое должно восторжествовать над чужими авторитетами, должно охарактеризовать нас как народ, а не как бессознательную, самоуничижающуюся толпу... Довольно нам преклоняться перед идолами, которых нашими и вообразить не возможно. Что бы мы ни делали, их настоящие почитатели знают, что наши слезы фальшивы, если не сказать сильнее. „Признательность и братские чувства“, – кричим мы и в литературе, и в дипломатии, и даже просто друг другу. Но разве наши собственные братья, наши герои (какими бы они ни были), наша гордость, наконец, не

Это первая книга З. Стоянова, посвященная болгарскому национально-революционному движению. Она была издана в Пловдиве в 1883 г. Жизни и деятельности идеолога революционного движения Васила Левского позже были посвящены десятки книг и сотни исследований других авторов. Но книга З. Стоянова сохраняет свою историческую ценность как первая попытка осветить жизнь и дела, создать психологический портрет самой светлой личности в болгарской истории – апостола свободы Васила Левского. В настоящем издании книга выходит с незначительными сокращениями. (Прим. составителя).

заслуживают таких почестей? Если многие наши доброжелатели хотят доказать нам, что мы – простые смертные, без прошлого и без великих людей, должна ли болгарская интеллигенция подтвердить этот горький факт, должна ли она закрыть глаза и утверждать, что это в наших интересах? Пора оглянуться, посмотреть вокруг себя.

Если наши великие мужи не смогли достичь величия европейских, то не они в этом виноваты, а обстоятельства и среда, препятствовавшие первым и помогавшие вторым. Можем смело предположить, что, если бы на месте Левского был кто-нибудь другой, его смелось и надежды разбились бы в самом начале борьбы.

Человек, начинающий с азов, против которого обращено всё, – и такая смелость, такая вера в будущее!

Располагая скудными сведениями о жизни и гигантской деятельности нашего славного патриота, чье имя в названии этой книги, мы решили предать гласности то, что знаем доподлинно. Я лишь кладу начало и даю этим повод знающим больше о бессмертном Дьяконе когда-нибудь составить полное описание его жизни.

I

Васил Левский (Дьякон) родился в Карлове Пловдивской округи в 1837 году, за два-три дня до Петрова дня или после него в семье чистокровных болгар среднего достатка. Имя отца – Иван Кунчев, матери – Гина Караиванова. У Левского было два брата – Христо и Петр. После смерти отца мать осталась в бедности. Маленький Васил, 8-9 лет от роду, уже ходил с матерью в лес по дрова.

В школе в Карлове Левский учился несколько лет, узнал церковную грамоту. По словам его соучеников, он отличался хорошими успехами, поведения был скромного, как в школе, так и на улице. Это поведение, которое так не вяжется со всей бурной жизнью Левского, объясняется единственным обстоятельством: оборванные бедняцкие сыны по своему незавидному положению были вынуждены против своей воли благоговеть перед будущими наследниками сельских чорбаджий; Левскому, как никому, это было ясно.

Вскоре Василу пришлось проститься с родным Карловом. Когда ему было лет 13-14, его дядя хаджи Василий, архимандрит, увез его с собой в Стара-Загору, где определил его к себе в слуги, хоть и разрешил ходить в болгарскую школу. Кроме предметов, преподававшихся по тогдашней методе и потому не овладевавших юной душой, Васил за короткое время освоил и псалтырь. Этому способствовал прежде всего его звонкий голос. Три года прожил Левский в Стара-Загоре и все

это время регулярно посещал школу. Потом он вернулся с дядей в Карлово. По всей вероятности, в Стара-Загоре, где попадались более развитые люди, впечатлительная натура Васи́ла Левского впитала многое. Там он понял и то, что монашество не так свято и божественно, как толкуют старухи.

В Карлове Левский подрядился к Стояну Крыстеву изучать абаджийское ремесло*. Проявил он способности и в церкви, спев однажды в воскресенье херувико, чем тронул сердца набожных отцов города; они захотели, чтобы Левский стал псаломщиком. Определили ему и вознаграждение – пятаки, которые прихожане опускали в блюдечко специально для него. Вскоре Васил пошел в услужение к Николe Пулеву, выговорив для себя, что тот будет разрешать ему ходить в школу. Каждый знает, как вели себя наши чорбаджии с беззащитными слугами, – в их поведении не было ничего человеческого. Не представлял собой исключения и Н. Пулев, он заставлял будущего героя Болгарии расчесывать коня, кормить кур, и это возмущало душу парня. Поэтому Васил вскоре покинул дом Пулева и вернулся к прежнему своему хозяину Стояну Крыстеву; но и у него не продержался дольше недели. С одной стороны, его дядя архимандрит хаджи Василий упорно хотел постричь его в монахи, с другой – сам Левский не мог покориться своим хозяевам, которые смотрели на него не как на человека, а как на раба. Не сразу и не просто удалось хаджи Василию уговорить племянника надеть рясу.

– У меня нет всех нужных качеств, чтобы стать монахом, – говорил наш герой, но это скорей всего было предлогом для отказа, ибо, как я уже упомянул, он про-

*Абаджийское ремесло – изготовление верхней мужской одежды из грубого сукна.

жил около трех лет с монахами и убедился, какое это нетрудное дело, нужны только наглость и бесстыдство. Левский просил дядю послать его сперва в семинарию, а уж потом отдавать в монахи. Но дядюшка не соглашался, ему нужен был не ученый племянник, а трудолюбивый и верный попрошайка – чтобы ходил из села в село и собирал милостыню у православного стада; для этой скромной миссии не нужно учиться каноническим правилам. Левский согласился; борьба за существование сыграла тут главную роль: он оказался между двух огней – с одной стороны, грубый хозяин, с другой – черная ряса и „господи, помилуй“. Дядюшка хаджи Василий взял верх еще и потому, что пообещал-таки, если Левский станет монахом, послать его учиться, а еще пообещал давать ему по 1000 грошей и оставить после смерти все свое богатство племяннику.

Когда Левский наконец дал согласие постричься, хаджи Василий посоветовал никому не говорить об этом, даже матери. Такая предосторожность хаджи Василия объяснялась тем, что он боялся, как бы кто-нибудь из родственников или друзей Левского не помешал планам, не отсоветовал молодому человеку губить свою жизнь. Все уже было готово. Обряд пострига должен был совершиться в сопотском монастыре святого Спаса. В последний час хаджи Василий известил об этом мать Левского и нескольких родных, они тоже отправились с юным Василием в монастырь, где и присутствовали со слезами на глазах на торжестве. Это случилось в день святой Екатерины, 24 ноября 1857 года, когда Левскому было лет 20.

Дядюшка желал сделать Василя монахом по двум причинам: во-первых, чтобы у него был верный человек, который собирал бы милостыню, во-вторых, по его архимандритским понятиям, когда к Хилендарско-

му монастырю каждый год отправлялись очищать свою грязную совесть не только благочестивые болгары, но и богатые русские и румынские помещики, монашество считалось чуть ли не самым почетным поприщем. Не было тогда и болгарского учительства; учителей приравнивали к сельским слугам, архимандритским служкам и глашатаям.

Верны ли наши выводы – ответ найдем в поступках и делах самого Левского. Все его мытарства: монашеская келья и черные четки, абаджийская игла и наперсток, чужой кров над головой и „чорбаджийские поучения“, не только не убили, не задушили его буйную натуру, его пламенные мечты, что было бы совсем не удивительно, если бы речь шла об обыкновенных смертных и слабых существах, но, напротив, еще более укрепили Васи́ла и настроили его против всего того, что мучит и притесняет его бедных братьев. „В деспотических государствах рождаются самые ярые защитники бедных и самые горячие свободолюбцы“, – говорит Милль*, и, на наш взгляд, это – поразительная истина. Отчего одни только итальянцы и поляки спешат пополнить ряды восставших за свободу и человеческие права, тогда как англичане и другие свободные нации симпатизируют борцам, лишь читая о них в газетах? Оттого, что поляки да итальянцы знают, что такое богопомазанная крепкая десница и папская индульгенция.

В 1860 году, в декабре, архимандрит хаджи Василий отправился ко гробу господню. По всей вероятности, он прихватил с собой большое богатство, чтобы заткнуть алчные уста своих иерусалимских собратьев, жирных монахов; но своему племяннику, с которым со-

*Джон Стюарт Милль (1806-1873) – английский политический деятель, экономист и социолог.

бирал это богатство, он не оставил и ломаного гроша на пропитание.

...В отсутствие своего дядюшки Левский не сидел в келье, читая взаперти акафисты пресвятой Богородицы и молитвы святого Василия. Он не замедлил собрать вокруг себя своих лучших друзей: Христо В. Пулева, Ивана Тюрмето, Георгия Рачева, Генко Стойнова и других, пел с ними народные песни – что обязательно предшествовало всякому серьезному делу, – развивал перед ними идею освобождения от рабства, обличал монахов и чорбаджий и вообще любое зло. Левский сумел таким образом приобрести много последователей среди молодежи, с ними позже он и начал свою работу.

Неизвестно, в какой именно год посетил Карлово единственный тогда болгарский ученый и патриот Г. Раковский, с которым Левский сразу же познакомился. Мы с уверенностью можем предположить, что искру народной свободы и патриотизма зажег в молодом Василе Левском именно Раковский. Можем утверждать, что их знакомство не было шапочным еще и потому, что, по словам родственников Левского, он брал у Раковского какие-то рукописи, которые тайно переписывал. Вполне возможно, что это были сочинения Раковского „Показалец“* или „Лесной путник“, которые жаждущая душа Левского, должно быть, проглатывала в единый миг.

В следующем (1861) году хаджи Василий вернулся целым и невредимым из святых мест. Но, ободранный и обобраный до последней нитки хищными греческими монахами в Иерусалиме, он сразу взялся поправлять свои расстроенные финансы за счет неисчерпаемого

*„Показалец“ – руководство по изучению и собиранию пословиц, народных песен, сказаний.

монашеского источника – попрошайничества. Для этого он позвал Левского и наказал ему немедленно отправиться по деревням. Левский, оскорбленный грубым обращением дядюшки, отказался наотрез, ибо ни ряса, ни их родственные отношения, ни собственное бедственное положение не могли заставить его отправиться второй раз по деревням в такой позорной роли. Разговор закончился ссорой, и они прервали всяческие дальнейшие взаимоотношения.

Левский вернулся к матери и оставался у нее всю зиму до наступления весны 1862 года. В голове у него роились разные планы, один неосуществимее другого. Хотелось ему покинуть Карлово и отправиться в дальние страны. Ни постылое монашество, ни тихий родной городок не вязались с его планами, о которых и сам он вряд ли мог сказать определенно. Он рвался к приключениям, к бурной жизни, к широкому полю деятельности. Сам собой возникает вопрос: почему лишь Левский не мог терпеть ошибок своих современников, лицемерного монашества; почему лишь он так ополчился против гнета турецкого ятагана, ведь рядом с ним стояли и терпели миллионы людей? Это – тайна, только такие явления и помогают провести границу между обычным и необычным, между слабым и великим, между низкими созданиями и высокими характерами, которые редкость в любом народе и которые идут во главе толпы простых смертных. Ничем иным мы не можем объяснить явление Левского в шестидесятых годах. Ни воспитание, о котором даже смешно вспоминать, когда говорим о людях, подобных Левскому, ни образование, ни среда не повлияли на него. Я уже сказал, что тысячи современников Левского, имея такое же образование и находясь в таких же условиях, получали по пятьдесят ударов по спине каждый день, но

никто из них не возроптал так героически. Если Левский родился бы не в мрачную эпоху нашего прошлого, он был бы другим человеком, не бунтовщиком, употребил бы свой талант на другое. Естественно, как и все наши любознательные и живые молодые люди, которые отправились искать заработки и исполнение своих мечтаний прежде всего в соседние Румынию, Сербию и Россию, так и наш герой давно подумывал об этих землях, где смог бы сбросить ненавистную ему черную рясу.

...Именно в Сербию и отправился наш герой, потому что в тот год, как известно, отношения между сербами и турецким гарнизоном в Белграде были очень натянутыми. С каждым днем вражда между ними нарастала, и сербы готовились напасть на турок, укрепившихся за стенами белградских бастионов.

Разумеется, дело наших братьев не было чуждо и болгарам (не всему народу, но тем, кого называли сорвиголовами, кто оставил свое отечество, чтобы участвовать в сражениях вместе с греками, сербами и русскими). Еще зимой множество наших болгар из разных мест расхаживало по белградским улицам в ожидании назначенного часа, а сербское правительство, как всегда, сулило им золотые горы. Здесь был и Раковский, который издавал свою газету „Дунавски лебед“*, а также Иван Касабов, переводивший на болгарский язык „Освобождение сербов“, и многие другие. Сам Раковский стоял во главе болгарских добровольцев. Каждый вечер он собирал самых развитых, читал им лекции по болгарской истории.

В первых рядах жадных слушателей был и Васил Левский. Там он познакомился с болгарскими воевода-

* „Дунавски лебед“ („Дунайский лебедь“).

ми Илю и Цеко*, с другими более образованными болгарскими, с кем горячо обсуждал вопросы освобождения Болгарии. Щедрые обещания и бахвальство старых воевод он слушал с восхищением, принимая все за чистую монету.

Столкновение между сербскими полицейскими и турецким гарнизоном произошло 11 мая 1862 года. Находящиеся в Белграде болгары тут же оказались у Стамболкапии**, тогда как многие сербские полицейские и солдаты отсиживались в белградских кофейнях.

Вот как рассказывает об этом дне Христо Иванов, участник событий в Белграде, один из самых старых наших апостолов, которому я обязан многими сведениями о жизни Левского:

„Однажды вечером, когда мы шли в театр, где представляли „Битву на Косовом поле“, город охватила тревога, народ бросился бежать к Стамболкапии. Кинулись туда и мы; и что же мы там увидели? Ворота закрыты, никого не выпускают. Прошли через дом Коларца, слышим – стреляют из крепости; у Стамболкапии выстроились турецкие солдаты с ружьями в руках. С обнаженной саблей – их командир. Мы вышли на площадь; около кофейни Милоша навалена куча дров, мы взяли по полену и направились в сторону, откуда слышались выстрелы. Сделали несколько шагов и видим: бежит сербский жандарм с непокрытой головой и кричит во все горло: „Возвращайтесь назад, там люди гибнут!“...

Волнение в Белграде нарастало с каждой минутой. Горожане бежали в разные стороны – кто, чтобы спрятаться, кто – за оружием, турки с женами заперлись в

*Капитан Илю-воевода (1805-1898) – предводитель четы, участник Первой болгарской легии в Белграде; Цеко-воевода – офицер, участник Крымской войны и позже четы Панайота Хитова.

**Стамболкапия – Стамбульские ворота, капия (тур.) – ворота.

мечети. Мы, болгары, оказались вне города и никак не могли вернуться в него. Вышли к делийской чешме, но и там не смогли пройти, ибо лавки были заперты. Пошли вдоль Теразии*, но когда приблизились к турецкому орудию, солдаты, охранявшие его, начали стрелять в нас. Мы бросились бежать, ведь у нас не было оружия. Пули свистели над нашими головами. Наконец добрались до французского консульства и вышли на Господскую улицу.

Там встретили нашу вооруженную чету во главе с Раковским и Илю-воеводой, она направлялась к крепости (к Стамболкапии). Нам тоже дали оружие, и мы присоединились к чете. Уже наступала ночь, и по совету воевод мы должны были зайти с другой стороны, так как железные ворота, каменная стена и многочисленные бойницы крепости, откуда торчали турецкие ружья, делали бессмысленными все наши попытки. Тогда Раковский отправился к Варошкапии, которая была гораздо слабее, и эту деревянную постройку можно было легко разрушить. Чета разбилась на три отделения: первое – под командованием Илю-воеводы, второе – во главе с его знаменосцем Стояном Македонцем, третьим командовал сам Раковский. Сербских полицейских не было видно нигде.

Мы перепрыгнули через ров и напали с трех сторон. Отделение, в котором был я, заняло один брошенный дом, чьи окна смотрели на турецкую крепость. Мы открыли огонь, турецкий юзбаши и еще два солдата упали на землю. Турки бросились бежать, мы – за ними. Преследовали их до самого *Калемегдана***. Убегая, турки наскочили на одного болгарина из огород-

*Теразия – теперь площадь в центре Белграда, когда-то место, где распределяли воду на нужды города.

**Калемегдан – поле перед тогдашней Белградской крепостью.

ников и изрешетили его штыками. За нашей четой шел отряд болгар – огородников и каменщиков, вооруженных топорами, мотыгами и кирками. Они разрушали всякое турецкое здание на своем пути.

Со страшными проклятиями обрушивались они на все турецкое и мусульманское. Так мы и овладели Варошкапией, превращенной ими в щепки. Раковский и Илю-воевода отдали команду идти на Савакапию. Те, у кого было оружие, заняли позицию, а каменщики и огородники с топорами принялись крушить ворота. От треска и грохота задрожал весь город. Несколько минут – и страшные ворота, веками пугавшие весь христианский мир, обратились в щепки под ногами болгар.

Когда мы взяли и эти ворота, воеводы повели чету к делийской чешме у мечети, переполненной турками. Со стороны царской бахчи мечеть была осаждена капитаном Джокой, одноруким и одноногим; наша чета подошла к мечети со стороны французского консульства. Воеводы посовещались с капитаном Джокой и решили брать ее приступом. Несколько из наших четников перемахнули через забор на кладбище, чтобы забраться в окна мечети. В это время молния озарила небо – шел дождь, – и это позволило осажденным туркам открыть огонь; одного из наших опасно ранило. Начали стрелять и с минарета. Несколько наших болгар приникли к окнам и разрядили свои ружья в тех, кто набился в мечети. Крики отчаяния, мольбы вырвались из сотен ртов.

– Капитан Джока! Сдаемся тебе на милость!– возопил ч турки.

Тогда Раковский крикнул им, что, если они хотят сдаться, должны сначала зажечь свечи и открыть дверь. Приказ Раковского был выполнен в ту же минуту. Дверь мечети открылась, и самые старые и почтен-

ные мусульмане с длинными седыми бородами вышли, чтобы смиренно поклониться. В сопровождении сербских жандармов они были с почетом отправлены в крепость.

На рассвете мы были у Стамболкапии, которую хотели взять приступом; но это оказалось невозможным, так как подход был только с одной стороны. Битва продолжалась до обеда следующего дня. Тогда турецкий гарнизон запросил мира. Все турки, находившиеся на площади, тоже подняли белый флаг и направились в крепость, ворота которой были уже открыты. Мы их проводили с миром. Обе стороны собрали своих убитых, сербское правительство отдало приказ: всем разойтись по домам, вернуть всё взятое у турецкого населения. Наступил мир.

Однако на следующий день, рано утром во вторник, белградское население, прежде всего женщины и дети, группами бросилось бежать из города. Лавки и дома пооставляли незапертыми. Каждый думал только о том, как спасти себя. Сначала была слышна только ружейная пальба, но вот загревели турецкие орудия в крепости, их ядра падали на дома и людей. Наши болгары снова собрались под началом своих воевод. Теперь они выглядели более воинственно, ибо были вооружены бельгийскими ружьями, на их меховых шапках красовались жестяные львы, заказанные Раковским у мастеров в Топчидере*. Наша чета заняла самое открытое место, осыпаемое градом турецких ядер; она должна была отражать атаки неприятеля, который пытался ворваться в город. Три дня и три ночи мы сражались на этом поле. Вести о нашем героизме в боях, знать, дошли и до князя, он самолично посетил нас на третий день и сказал нам благодарственное слово...“.

*Топчидере – местность на окраине Белграда.

Прервем рассказ Христо Иванова, ибо в наши намерения не входит подробное описание белградских событий 1862 г. Моя цель – не рассказывать об участии болгар в сербских делах, а дать наглядную общую картину событий, в которых принимал участие и наш герой, к тому времени давно находившийся в Белграде. Когда болгарские добровольцы приблизились к Стамболкапии, Левский оказался первым, кто бросился на штурм крепости с обнаженной саблей, словно настоящий лев. Перед этим доктор Рашко видел, как он прошил пулей из своего пистолета грудь одного турецкого юзбаша неподалеку от мечети. Болгарская чета в Белграде потому так близко к сердцу приняла сербские дела, что надеялась добиться чего-нибудь и для своего поработанного отечества, которое изнемогало под османским ятаганом¹.

По свидетельству множества современников, высшие сербские власти обещали Раковскому и другим болгарским воеводам помочь вооружить болгарскую чету, которая перейдет границы Болгарии и начнет святое дело. Так заверяло сербское правительство, но до той поры, пока у него была нужда в крепких болгарских мускулах, которые оно хотело употребить себе на пользу.

Однако после белградских событий, когда оно помирилось с турецким правительством, наши болгары остались опять ни с чем и начали всем надоедать. Каждый день болгарские воеводы настаивали, чтобы им дали оружие; но правительство откладывало ответ со

¹По многочисленным свидетельствам, эта чета состояла из 800 болгар. Она была вооружена и содержалась на деньги князя К. Богориди (Николай – Конаки Богориди (1821-1863), князь Молдовы, болгарин, основатель болгарской гимназии в Белграде – *сост.*). Он подарил около 5000 минцев (австрийских золотых монет – *сост.*), которые были переданы Раковскому через доктора Рашко.

дня на день, а чтобы отделаться от беспокойных гостей, направило их в Крагуевац, якобы для того, чтобы там им и выдали желанное оружие. Через день-другой они получили всего несколько старых ружей Карагеоргиевича времени*. Ждали четники долго, но им не разрешали выехать из города. Восемьero из них, отобрав себе ружья получше, убежали однажды ночью из Крагуевца, чтобы перебраться в Болгарию. Как только сербские власти узнали об этом, на границы были посланы по телеграфу указания смотреть в оба и арестовывать каждого болгарина, намеревающегося перейти в турецкие владения. Через три-четыре дня наши непокорные юнаки были водворены на место, связанные как преступники, да еще их и выпороли в дисциплинарном порядке. Вот так награда!

Из Крагуевца вся чета отправилась опять в Белград, чтобы попросить его светлость лично разрешить переход болгарским эмигрантам через границу. „Высокие обязанности вынуждают меня отказать братьям болгарам“, – сказал князь. Делать было нечего. Болгарские патриоты, которые приехали в Белград не для того, чтобы жить спокойной жизнью, а чтобы помочь своему народу, должны были разбрестись, должны были постучаться в другие двери. Голыми и босыми покинули они землю, на которой пролили свою кровь, на которой мужественно, как и положено юнакам, сражались с неприятелем. Они продавали свою одежду, чтобы собрать гроши на дорогу. Большинство перешло в святую Румынию. Сам Раковский тоже был вынужден оставить Сербию по приказу правительства.

Еще до белградских событий Левский устроился в

*Карагеоргиевичево время – дни сербского восстания 1804 г., во главе которого стоял князь Георги Карагеоргиевич (1766-1817), чей сын князь Александр (1806-1885) управлял Сербией с 1842 по 1858 год.

этом городе подмастерьем у одного абаджии, чтобы зарабатывать себе на хлеб насущный. Когда его хозяин узнал, что новый работник был раньше дьяконом, он начал относиться к нему лучше, чем к остальным слугам. На это место Васи́ла устроили его соотечественники – Никола В. Чаушов и другие. Но он оставался абаджией всего несколько месяцев, пока не познакомился с самыми известными болгарскими эмигрантами.

Очевидцы рассказывают, что однажды на смотре болгарской четы (еще до штурма крепости) сербский князь спросил некоторых четников, зачем они обучаются военному делу. Раковский, который был больше всего заинтересован в благоволении правительства и который, будучи истинным патриотом, владел еще и дипломатическими тонкостями, верноподданно ответил сербскому государю, что цель этих молодых людей – образоваться, обучиться, у них частные задачи.

– Изверг! – выкрикнул наш герой и схватился за револьвер, не обращая внимания на высочайшее присутствие светлейшей особы, на дисциплину и лицемерное благоприличие*.

То, что он поставил себе целью служить делу свободы и благоденствия отечества, его чистосердечие, неумение заискивать перед важными особами заставляет нас поверить в истинность этого факта, достаточно веских подтверждений которого я не нашел. Этого человека мы год назад видели воздававшим одинаковые почести кресту и револьверу; будучи дьяконом, он решил осквернить монашескую келью, украсть коня у дядюшки и оставить свою бедную мать и близких, без содрогания расстался с длинными своими волосами –

* Достоверность этого инцидента не установлена. Известно, что Левский высоко ценил первого идеолога болгарского национально-освободительного движения Георгия С. Раковского.

неприкосновенной и по сей день святыней для каждого монаха, – потому-то нас не удивляет и этот неблагоразумный его поступок.

Шесть дней просидел за эту дерзость Левский в белградской тюрьме. Должен сказать вам, что он выстрелил в Раковского, но не попал.

III

Разумеется, если уж и наименее скомпрометированные четники бежали из Сербии, то наш герой и подавно. Куда он уехал из Белграда, остается для нас глубокой тайной. По всей вероятности, он перебрался в Румынию, в Бухарест, искать людей и помощи, чтобы привести в исполнение свои высокие планы. Как он был там встречен, нашел ли хотя бы самые скромные средства для пропитания – об этом я могу говорить, опираясь не на факты, а лишь на предположения. Вы должны знать, что в то время Бухарест не стал еще революционным очагом для болгарской передовой молодежи, для тех интеллигентных эмигрантов, которые бежали от турецкого ятагана гораздо позже. В то время в румынской столице жили лишь бесчувственные богачи: грудовы, колони, евлогии* и пр., которые тузились выговаривать как можно лучше греческую букву Θ и не знали уж, какое бы окончание приставить к своей фамилии, только чтобы не догадались, что она самая что ни на есть болгарская! Хоть и не полностью превратившиеся в румын и греков, тогдашние бухарестские болгары были православными христианами.

* „...грудовы, колони, евлогии“ – имеются в виду Иван Грудов – непосредственный деятель революционного движения, Михаил Колони – председатель Добродетельной дружины, Евлоги Георгиев – известный болгарский деятель Добродетельной дружины, торговец.

Для них было все едино – больницу ли, телегу ли надо отремонтировать, греческая ли патриархия просит помощи, чтобы выплатить свои долги, или хитрые иерусалимские монахи – подправить святые места... Не было в то время никакого болгарского общества в Бухаресте, не существовало даже той группы, которая потом называлась *Добродетельной дружиной** и в которой перетапливались грешные денежки многих благочестивых покойников, подаренные якобы с богоугодными целями...

Кроме того, зная, что гораздо позже (в 1870-1875) бухарестская дружина богачей называла Каравелова, Ботева, Стамболова и других деятелей разбойниками, жуликами и голодранцами и не хотела встречаться с ними даже на улице, вы можете вообразить себе, какой была в глазах тех людей цена Левского – бедного, скромного паренька, не умевшего называть черное белым, а белое – черным, не знакомого с пустым и фальшивым этикетом. Не говоря уже о том, что он был дьяконом-расстригой, и, если бы кто-нибудь из этих благочестивых христиан узнал об этом, немедленно доложил бы святому наместнику патриарха в Румынии.

Поэтому Левский не остался надолго в Румынии, а поторопился вернуться в Болгарию, дабы быть ближе к своим угнетенным братьям. Раньше, когда он только слышал из сотен уст о двух христианских столицах – Бухаресте и Белграде, имел совсем иное понятие о тамошних людях, думал, что, раз нет турок, все там идет как по маслу, нет подлости, своеволия, лжи. Как тяжело, должно быть, было на душе у пламенного болгар-

*Болгарская добродетельная дружина или Комитет старых – общественно-политическая организация богатых болгарских торговцев и землевладельцев в Румынии. В своих политических действиях она была зависима от русской политики на Балканах.

ского патриота, когда он столкнулся с горькой практикой и быстро убедился, что в своих карловских товарищах-сапожниках он найдет больше искренности и патриотизма, чем в одетых в драгоценные шубы богачах и надутых ученых педантах, которые ставили свое спокойствие гораздо выше благоденствия своего отечества. Понял он и то, что там люди кормят и обманывают друг друга незаслуженной похвалой и пустыми словами – сделаем, мол, то-то и то-то, а на деле – ровным счетом ничего.

Левский должен был бежать от таких людей. Он понял раньше всех простую и недоступную для многих истину, что, если человек хочет помочь своим братьям, он должен пойти к ним. Иначе нельзя объяснить себе его столь скорое возвращение в Болгарию, всего через год после того, как убежал из нее, да еще и после совершенной там кражи. Нельзя также предположить, что он оставил Сербию и Румынию, потому что не смог найти средства к существованию. Тысячи обыкновенных людей находили там прокорм, а для ловкого Левского сделать это было бы в десять раз легче.

С другой стороны, не можем сказать, что только горькую тоску и отчаяние испытал Васил Иванов на чужбине. Он увидел, как вольно живут люди, когда над ними не занесен турецкий ятаган, но это лишь усиливало его мучу, ибо его братья были обречены на вечную гибель. Встреча с Раковским и другими воеводами также не была для него простым событием. Из всего увиденного и услышанного он извлек существенную пользу. Что касается распространенного, но необоснованного утверждения, будто Левский вернулся в Болгарию в качестве эмиссара некоего Центрального Бухарестского комитета, то это – чистая выдумка. Любопытно было бы спросить тех, кто не согласен с этим,

когда существовал этот комитет, кто в нем состоял? Уж не о бухарестской ли Добродетельной дружине с ее органами „Отечество“ и „Стара-Планина“ и с ее пузатыми членами идет речь? Или, может, о подкупленных румынским правительством Касабове, Грудове и прочих, которые подали петицию всемирному деспоту Наполеону III? Где это слыхано, где это видано, чтобы богачи или высокомерные ученые педанты сделали добро своему народу. Допускаем, что есть исключения, но их микроскопически мало.

Васил Левский, как мы увидим дальше, работал в Бухаресте только с Каравеловым и с некоторыми другими молодыми людьми, в большинстве из медицинского училища. Разумеется, он раскланивался на улице со многими, но не более того. Бухарестские центральные комитеты, „добродетельные дружины“ не только ничем не помогали болгарским движениям, но, наоборот, были даже против них. Да и могло ли быть по-другому? Разница между Христо Георгиевым*, Панаретом Рашевым**, с одной стороны, и нашим хаджи Иванчо хаджи Пенчовичем*** и Григорием Доростолчервенским**** – с другой, только та, что первые жили в Румынии, а вторые – на Туретчине. Но, по существу, это экземпляры одного и того же катехизиса. Четы Хаджи Димитра, Ботева, Тотю, апостолы 1876 года перешли в Болгарию без ведома именитых и богатых бухарест-

*Христо Георгиев (1824-1872) – известный болгарский купец и банкир, брат Евлоги Георгиева – одного из руководителей Добродетельной дружины.

**Панарет Рашев (1808-1889) – митрополит, видный член Добродетельной дружины.

***Хаджи Иванчо хаджи Пенчович – болгарский дипломат, член Государственного совета Турецкой империи, один из судей на процессе против Левского, туркофил.

****Григорий Доростолчервенский (1828-1898), родом из Бессарабии, русенский митрополит в 1872 году, реакционер, туркофил.

ских болгар. Более того, когда чета Хаджи Димитра и Стефана Караджи вела бои 8 июля 1868 г. на Вардинском болоте, Христо Георгиев со своей чорбаджийской дружиной заявил официальный протест, в котором говорилось, что люди Хаджи Димитра – разбойники, они действуют не от имени болгарского народа...

Эти строки я написал для того, чтобы предупредить всех поклонников старого, отмирающего и химерического не обращаться к Бухаресту, когда речь идет о новых болгарских восстаниях; чтобы они не смешивали богатое, сытое и бездейственное с угнетенным, честным и имеющим идеалы!

Итак, наш Васил Левский вернулся снова в Болгарию, в свой родной город, откуда уехал, не убоявшись опасностей, год тому назад.

...Вернулся Левский в Карлово и снова начал служить в церкви, с согласия своего дядюшки, дьяконом. Он старался поддерживать хорошие отношения с почтенным обществом, но было уже поздно. Между ним и торговыми людьми Карлова давно пробежала черная кошка. Попреки, ругань и негодование обрушились на него: он, мол, невыносим, давно уже ясно, что *человека из него не выйдет*, – денег он не любит. Если бы Левский по примеру своего дядюшки беззастенчиво попрошайничал по всей округе, если бы он обобрал нескольких вдовушек и стал богатым человеком, то без сомнения карловское высшее общество приняло бы его в число самых своих умных и достойных членов!..

Дядюшка архимандрит Василий, которого все больше донимали, что держит Левского при себе, решил принять строгие меры для искоренения зла.

– Ты должен уйти на некоторое время в Рильский или Хилендарский монастырь, – сказал он племяннику.

Левский ответил:

– Я подумаю.

Но для себя он уже решил, что пора сбросить маску монашеского лицемерия и объявить войну своим глупым современникам.

Был торжественный день – второй день Воскресения Христова 1863 года, когда богобоязненное христианское население Карлова переполнило храм святой Богородицы, желая услышать слово божье. Собравшиеся давно заметили, что дьякона Игнатия нет на его обычном месте в церкви. Но вот он появился, однако это был уже не дьякон Игнатий в черной рясе, с длинными волосами и камилавкой на голове, а Васил Иванов, подстриженный в костюме мещанина, в каких ходят карловцы! Все были поражены поступком Левского: он привлек к себе внимание и мужчин, и женщин, и старых, и молодых. Священник, который размахивал кадиллом, обернулся и даже на какое-то время прекратил свое занятие. Левский же выглядел спокойным, старался сохранить присутствие духа, показать, что ничего особенного не произошло¹.

Почему он решил сбросить рясу именно в такой торжественный день – на Пасху, – когда люди меньше всего заняты своими делами и больше всего обращают внимание на чужие прегрешения и недостатки, – этого в точности не знает никто. Я осмеливаюсь предположить, что он стремился произвести наибольшее впечатление, показать всем – от мала до велика, – насколько монашество пустое дело, как он презирает его и не боится нарушить его законы. Кроме того, у этого поступка Левского была и агитационная сторона. Он хотел показать своим согражданам, что монашество и его

¹Болгарские нравы того времени были таковы, что набожные карловцы вполне могли вышвырнуть Левского из церкви. Почему они этого не сделали, я не знаю. По всей вероятности, Левский уже успел показать своим согражданам, что с ним лучше не связываться.

проржавевшие понятия отжили свой век: новые люди и новые идеи нужны Болгарии...

Несколько дней Карлово только и говорило, что о дьяконе Игнатии. В каждом болгарском доме судачили о его рясе и волосах. Когда он выходил на улицу, любопытные собирались у ворот своих домов, чтобы поглазеть на него.

– Господь не стерпит. Он разверзнет небеса и высыпет на наши головы огонь и камни, – говорили хаджии и прочие лицемеры, кормившиеся тем, что ссуживали деньги под большие проценты.

– Сначала господь затопит наш город, в котором родился такой дьявол, – вторили им другие.

– Лучше бы его мать родила камень или дерево! – добавляли старухи и набожно крестились.

А Левский словно плыл, возвышаясь над толпой неосознательных и заблудших своих соотечественников. Он насмеялся над их верой и понятиями, смело шел по избранному пути, ни перед кем не лицемерил, ничего *святого* и заветного не боялся.

Дядюшка его места себе не находил. Рвал на себе одежду и не смел из-за поступка своего племянника высунуть носу из дому. Через несколько дней Левский зашел в школу, но учитель Димитр, беспокоясь за честь заведения и имя города, не принял отступника! Для Левского больше не было жизни и дела в Карлове. Он вскоре покинул свой родной город и отправился искать, чем прокормиться, в окрестные села, среди простых людей, чьи обычаи и понятия не были фарисейскими в такой степени. В селе Войнягове, в двух часах пути от Карлова, он устроился учителем и проработал там около года.

О деятельности Левского в Войнягове нам известно только то, что его скромная учительская комната ста-

ла убежищем для всех вольных (без определенного занятия) и преследуемых турками болгар, для всех, скомпрометировавших себя перед властями. Один из друзей Левского, Петр Попов, который навел его в Войнягове, рассказывает, что дверь его комнаты не запиралась ни днем, ни ночью, что в турецкие времена было крайней редкостью. Любой мог войти к нему, когда захочет. В то время в горах близ Калофера ходила чета юнаков, она была тесно связана с учителем из Войнягова. Бывало, на несколько дней покидал он село, ходил в горы к юнакам, носил им, что мог. Часто он собирал крестьян, рассказывал им исподволь о подвигах болгарских воевод, пытался разбудить в них чувство патриотизма. Войняговцы имели давний спор с соседями – дыбенчанами из-за пастбища. Однажды дело дошло до драки, и Левский, который принял сторону войняговцев, так рьяно набросился на их противников, что с обеих сторон полегло много раненых, пострадали даже турецкие полицейские. Разумеется, Левского меньше всего волновало, кто будет пользоваться султанским пастбищем, – войняговцы или дыбенчане, но за неимением ничего более серьезного он считал необходимым вмешиваться в сельские дела, приучать болгар драться и сражаться.

Он был человеком бесстрашным. Его решительность и дерзость легендарны. Я воздерживался хвалить его словами, потому как в дальнейшем сами его дела расскажут о нем.

Турецкие власти, хоть и были тогда слабы и погружены в спячку, все же обратили внимание на войняговского учителя.

Многие полицейские, бывавшие в Войнягове, жаловались своему начальству, что крестьяне поднимают голову, кладут им мало масла в яичницу, не как рань-

ше, и всему виной – учитель. Левский попал под подозрение. Ему вскоре стало известно об этом, и однажды (в 1865 г.) он поспешно собрался и уехал в Добруджу, вероятно, чтобы быть подальше от Карлова. В селе Еникёй, Тульчанского края, он также устроился учителем, но пробыл там не больше шести-семи месяцев. И в этом селе деятельность нашего героя не ограничивалась только его учительством, преподаванием по мертвому букварю. Все молодые и имеющие идеалы сельчане окружили нашего Василя. Именно в то время наше отечество подверглось нападению хищных черкесских банд*, посланных нам нашими русскими братьями, будто нам было мало турецких разбойников. Левский организовал болгарскую чету, чтобы оказать сопротивление черкесам. Он не упускал случая появиться на сельском празднике, на свадьбе в соседнем селе в сопровождении своих товарищей. И словом, и делом он пытался разбудить дремавших соотечественников. Устраивал игры и состязания – кто дальше бросит камень, кто выше прыгнет, и во всем он оставлял всех позади. И по сей день на поляне за селом Еникёй можно увидеть вбитые в землю колья, ими, как говорят старожилы, отмерено расстояние, на которое прыгнул учитель Васил!

„Это львиный прыжок“, – восторгались очевидцы. Вполне вероятно, что наш герой назвал себя *Левским***, воспользовавшись именно этим сравнением, ибо такой

* „...хищных черкесских банд“ – намек на татар, выселенных после Крымской войны по соглашению между Россией и Турцией. Многих из них турецкие власти поселили на болгарских землях, изгнав тысячи болгар из их домов и отправив их в Россию.

** „...назвал себя Левским“ – здесь З. Стоянов приводит одну из гипотез насчет имени Левского и времени, когда он принял его. Более убедительным представляется мнение, что так назвал его еще раньше, в Белграде, Раковский, увидев прыжок, совершенный им во время обучения в леги.

клички не было ни в его семье, ни в его роду. Пока он жил в Карлове (1865-1866), никто там не слышал этого имени. Но в 1868 году уже многие знали его как Левского.

Из села Еникёй Левский перебрался в село Конгас, того же Тульчанского края, где пробыл не более трех-четырёх месяцев. Потом, в том же году (1866), он возвратился в Карлово, поехал в Пловдив, откуда вскоре ему пришлось бежать, так как турецкие власти еще не забыли его войняговских дел. В конак сначала позвали его брата Христо, который жил в Пловдиве, спрашивали о Левском, — чем занимается, где находится. Левскому сообщили в Карлово об этом, и он предпринял меры. Так как он не мог долго оставаться в Карлове — там негде было спрятаться, — он отправился в Румынию через Габрово и Шипку.

Наш герой прибыл благополучно в Румынию именно в тот момент, когда во всех ее городах было полным-полно молодых патриотов, эмигрантов из Болгарии. Теперь он увидел там не *добресковых* и *колонн*, как это было в 1862 году, а чистых болгар*. Они продвинулись далеко за четыре-пять лет. Разные общества, тайные и легальные, успели поднять болгарский дух достаточно высоко. Издавалось уже несколько болгарских газет, упорно работал и Раковский, несмотря на чахотку, поразившую его, много было тех, кто учился в румынских школах, одним словом, болгарский дух и болгарский язык давно получили здесь право гражданства. С другой стороны, Критское восстание, об успехах которого с восторгом говорили каждый вечер по всей Румынии воодушевившиеся эллинские патриоты и которое встряхнуло балканские православные народы, добавило смелости и нашим эмигрантам.

* „...чистых болгар“ — выражение употреблено в том смысле, что Левский оказался среди болгар, помнивших свое имя и народ.

Были подготовлены две четы для перехода в Болгарию через Дунай: одна под началом Филиппа Тотю, другая – Панайота Хитова. В дружину последнего записался и наш герой. Он был выбран знаменосцем четы, которая состояла из тридцати юнаков.

В конце 1867 года чета перешла Дунай у городка Тутракана, недалеко от Делиорманского края, известного буйным нравом своего турецкого населения, пускавшего в ход ружья исключительно большого калибра. Юнаки прошли мимо сел Кусой, Турлак, Попово, одолели труднопроходимое Герлово болото. Наш Левский был одним из самых ловких и решительных четников. Да и выбрали ли бы его знаменосцем, не будь он таким? Как только чета находила относительно спокойное и безопасное место, где не угрожала ей погоня, он доверял знамя другому юнаку, а сам отправлялся по деревням проповедовать всеобщее восстание. Когда чета дошла до Карловского Балкана*, он однажды поздней ночью отправился в Карлово, предварительно припрятав свое ружье на одном поле. Одетый в сливенские штаны, расшитые галунами, он вошел незамеченным в дом Христо Райкова. До того, как Левский добрался до города, недалеко от местности Гюрешкыры, он случайно нарвался на турецкий патруль из трех человек. Не теряя хладнокровия, Левский быстро спрятался в кустах роз и без единого выстрела сумел отделаться от турок. Перепуганные, они известили свое начальство, что видели какого-то странника (слово „комита“ тогда еще не употреблялось), идущего к городу. В Карлово Левский принес письма Михайловскому** и попросил, чтобы ему достали кое-что для четы. П. Попова он послал к Станчо-скорняку, чтобы тот дал 12 пар кожаных царвулей.

* „...до Карловского Балкана“ – Балканские горы в районе Карлова.

**Никола В. Михайловский – член Карловского революционного комитета.

За несколько дней до этого в Пловдив были отправлены по этапу двое друзей Левского: Иван Тюрмето и Х. Пулев. Их подозревали в том, что они снабжают юнаков порохом. В доме Христо Райкова сказали об этом Левскому с прискорбием.

– Если бы вас всех упрятали в тюрьму, было бы и вовсе хорошо, это означало бы, что наше дело идет успешно, – ответил он.

На следующий день рано утром, когда было еще совсем темно, наш герой покинул Карлово. Он прошел через Шаммахалу и напрямик через нивы вышел на горную тропу. Начальник карловской полиции сразу же организовал погоню под началом Дженджи Хасана и хаджи Мустафы, но они вернулись ни с чем. Левский нагнал чету в Златицких горах.

„В это самое время один турецкий офицер, – пишет Панайот Хитов в своей книге „Мое путешествие по Стара-Планине“, – попросил дозволения властей отправиться в горы, чтобы принести наши головы. Наш знаменосец (Левский) узнал об этом и сказал нам. Однажды я сидел на скале и смотрел в бинокль вниз, на поле. Вдруг я увидел этого офицера, он пришел к пастухам – они не были болгарами – и заночевал у них. На следующий день я спустился к пастухам, схватил одного из них и спросил, чего надо было турку. Пастух ответил: „Турок приходил к нам просить пастушескую одежду, хочет переодеть своих людей, чтобы вы их не узнали, когда придут ловить вас“. „Дайте ему одежду, но чтобы потом не жаловались, когда вам ее вернут изрешеченную пулями“, – сказал я и ушел. Дня через три смотрю – снова этот офицер, уже переодетый в пастуха. Думаю, мы его не узнаем, идет к нам совсем спокойно. Расставил я своих парней по местам, приказал не стрелять, пока не подам знак. Турки должны были пройти

мимо нас, следовательно, мы могли ударить по ним в любой момент. Тропа была в 15 шагах от нас. Все хорошо бы, да вот когда человеку суждено погибнуть, ни один черт его не спасет. Турки приближались, не ведая, что мы спрятались в траве и ждем их с нетерпением; они поравнялись с нами. Я запретил моим стрелять, ибо не собирался нападать; но турки сами нарывались на беду, они не прошли мимо, а стали готовиться к атаке. Предстоял бой. Каждый из моих парней выбрал себе дерево, спрятался за ним, ружье наготове. „Цельтесь в офицера, без своего командира турки разбегутся и оставят нас в покое“. Как только я сказал эти слова, ружья моих молодцов затрещали, пули угодили в офицера и еще в двоих. Остальные разбежались. А мы пошли к Троянскому монастырю и оказались недалеко от Тетевена, на реке Рибарице...”

Потом у четы было небольшое сражение с турецкой погоней под Златицей и, не совершив более серьезных подвигов, она через Пиротские горы переправилась в Сербию.

...В конце 1867 года мы видим Левского опять в Румынии, он убеждает некоторых своих старых товарищей перейти в Болгарию, где должна начаться серьезная работа. Так, он пришел к Христо Иванову в Турну-Мэгуреле, где у того был трактир, уговорил его распродать всё, и они вместе отправились в Болгарию. В Джурджу они сели на пароход, сошли в Русчуке под чужими именами. Здесь они искали Стоила Попова, их товарища по Белграду, но не нашли его. Из Русчука Левский уезжает в Ловеч с рекомендациями к Станю и к Марину П. Луканову*, а Христо Иванов остался в Русчуке – связным между Румынией и Болгарией.

*Марин поп Луканов (1845-1913) – близкий соратник Левского, член Ловечского революционного комитета, после ареста Левского тоже арестован и сослан в Диарбекир.

С этого момента начинаются самые дерзкие дела Васи́ла Левского. Он ходил из села в село, из города в город по всей Болгарии, чтобы проповедовать слово божье, чтобы будить народный дух. До середины 1870 года у него не было больших успехов, потому что, несмотря на весь его опыт, к самому народу он еще так и не подступился. Свою пропаганду он начал с городов; он не сразу пошел к тем, кто больше всего страдал от турецкого ятагана, к тем, кто говорит и работает без оглядки на авторитеты и без доктринерства. Везде он начинал с влиятельных и авторитетных людей, так же, как в свое время дед Никола (Капитанино), Раковский и другие, думая, что эти люди поймут его лучше. Как мы видели, в Русчуке он искал Стоила Попова, редактора вилайетской газеты „Дунав“*, в Пловдиве пришел к своим старым благодетелям: Найдену Герову**, Т. Кесякову***, доктору Рашко и другим, в Пазарджике – к Г. Консулову****, к людям, которые занимали видное положение. Они, разумеется, поначалу „приняли его хорошо, подбодрили в трудной миссии, пообещали тоже в ней участвовать, дали кое-какие деньги, каждый по возможности, – и все на этом. А Стоил Попов из Русчука, которому Христо Иванов открыл все дело, задрожал

*Газета „Дунав“ („Дунай“) была органом Дунайского вилайета (области). Основанная Митхадом-пашой, она выходила с 1865 по 1877 год на турецком и болгарском языках, ее задачей была пропаганда турецкой политики среди болгар. Редакторами болгарской части были Стоил Попов (1839-1890), турецкий чиновник, цензор, и Иван Чо-рапчиев.

**Найден Геров (1823-1900) – выдающийся болгарский просветитель, языковед, русский консул в Пловдиве. Автор „Словаря болгарского языка“. После Освобождения – губернатор города Свиштова.

***Тодораки Кесяков – болгарин, турецкий чиновник в Пловдиве (казначей), приятель Левского.

****Георгий Консулов – сочувствующий национально-освободительному движению, позже участник Апрельского восстания.

как осиновый лист и не захотел больше видеть своего друга по Белграду. Да и не могло быть иначе. Немыслимо было, чтобы тот, кто величал себя „эфенди“ и был на виду у всего Русчука, немыслимо было, чтобы он участвовал в комитетских делах.

Остальные приятели Левского в других городах, хоть и участвовали, но предпочитали оставаться на пассивных ролях. Однако, когда они поняли, что должны принять на себя и разные обязанности, сопряженные с некоторой опасностью, получать и пересылать всякую почту, знаться с крестьянами (а это никак не входило в их интересы), они отказали Левскому. Тодораки Кесяков, встретиться с которым Левский приехал на Хисарские воды, признался чистосердечно, что сочувствует его делу, но как человек семейный не может работать открыто. То же самое сказали и остальные, а с Найденом Геровым дело дошло до ссоры.

Вскоре Левский вернулся в Бухарест и отчитался во всем сделанном. Еще находясь во Фракии, в Сопоте, он попал в переплет. Поймать его турецким властям не удалось, но он окончательно скомпрометировал себя перед ними. А произошло это так: он был одет в суконное пальто, которое ему дали в Румынии и которое, как оказалось, было украдено. Левский же об этом ничего не знал. Он коротал время на окраине Сопота в ожидании своих товарищей, обещавших привести ему коня, и подошел к каким-то людям, чтобы прикурить. Один из них, Иван Цоков, узнал свое пальто и, не сказав ни слова, начал стягивать его с Левского. Тот оставил пальто в руках Цокова и исчез, словно невидимка. Однако в карманах пальто были письма и другие бумаги, по которым можно было узнать имя их хозяина. Левский успел убежать, а двое его товарищей, которые привели коня на условленное место, не застав его там,

вернулись по домам. Левскому пришлось провести ночь в разрытой турецкой могиле.

Полиция Сопота и полицейский начальник Карловской округи, которому тут же сообщили о случившемся, подняли на ноги всех своих людей. Уже было известно, что убежавший не кто иной, как Васил Дьякон. Дом, в котором жила его мать, как и дома его ближайших друзей, были окружены. Собрали всех влиятельных граждан Карлова – Д.Н. Софтова, Р. Патева, Ивана хаджи Цочева и других. Их тоже послали на поиски, но все было напрасно: мать Левского сказала старшему полицейскому, что не у нее нужно спрашивать о сыне, а она у них должна спрашивать. За эти дерзкие слова один из полицейских ударил ее по лицу, ее арестовали и продержали несколько дней в доме попа Христо.

В Карлове все еще предпринимали крутые меры, а Левский уже посылал прощальный привет родным местам со склонов Стара-Планины. В Калофере он раздобыл паспорт некоего Стойно Бешикташа и перешел с ним границу.

Турки занесли его в черный список не только в его родном городе, но и во всех городах Болгарии. С этого момента имена *Дьякон, Левский, Васил Иваноолу, Кешииш, Дервиш* и прочие не сходят с уст полицейских и их начальников. Турецкие власти уже преследовали Левского не просто как человека, а как силу, угрожающую османскому величию. Левский, скромный дьякон, псаломщик, войняговский учитель, у которого не было ничего, кроме твердого характера, решительности и горячего патриотизма, каким славным и сильным стал он!..

В Бухаресте нашего героя встретили как апостола, устами которого должен заговорить весь болгарский народ. То, что он сообщил о своих делах в Болгарии, вселило надежду в его друзей, что именно таким путем можно добиться лучшего будущего. Обсуждалось и решалось много вопросов. Пришли к заключению, что, если к простым людям придет человек с полномочиями, украшенными печатями, львами, полумесяцем и саблями, человек, посланный якобы неким *временным правительством* или *Центральным болгарским революционным комитетом*, то цена его в глазах каждого болгарина за Дунаем будет гораздо выше.

Потому заказали печать величиной с турецкие карманные часы, с разъяренным львом в центре, топчущим немилосердно турецкий полумесяц, а вокруг крупными буквами было выведено: *Временное болгарское правительство I.O. от Ц.Б.Р.К.**; были отпечатаны полномочия временного правительства, скрепленные этой печатью и подписанные председателем правительства под знаком *кровавого дитяти*, прокламация и правила, якобы изданные в Женеве, а на самом деле составленные Л. Каравеловым и отпечатанные в его типографии на улице Вергилия. Таким образом, сами Левский, Каравелов, Ценович** и другие составили страшный Бухарестский центральный комитет! Они были и временным правительством, и его председателем, и всем на свете. Этого требовали тогдашние тяжелые обстоятельства.

*Ц.Б.Р.К. – Центральный болгарский революционный комитет.

**Димитр Ценович (1834-1915) – комиссионер и банкир, живущий в Бухаресте, родом из Свиштова, выдающийся деятель партии „молодых“ в революционном движении, один из основателей и кассир Болгарского центрального революционного комитета.

Вот два из тех документов, с которыми Левский ходил по Болгарии: с первым он просил денег, а на втором клялись новые члены комитетов.

БРАТЬЯ¹

Сегодня каждый болгарин желает себе добра и хочет освободиться от турецкого рабства, следовательно, и вы, если вы болгарин и честный человек и если хотите добра отечеству своему, должны предаться всем сердцем и душой народному делу и показать, что вы достойный сын Болгарии и свободолюбивый человек. Повторяем, если вы патриот, христианин и мужчина, вы должны выполнить указанные ниже наши и всей Болгарии желания; а если же нет, то честные и любящие свое отечество болгары проклянут вас и скоро отправят вас к... сами догадайтесь. Предатели, чорбаджии, мироеды и турецкие прихвостни будут висеть на одном суку с нашими неприятелями – страшным будет народное мщение. Кто сегодня не хочет быть свободным, тот не болгарин и не человек! Итак, вы свободны выбрать для себя путь и идти по нему, т.е. или с нами и с народом, или с турецкими палачами и кровопийцами. Поторопитесь записать свое имя на страницах истории золотыми или черными буквами, постарайтесь сказать скорее: черного рабства хотите или золотой свободы.

Наши желания вам известны, но мы все же должны повторить их. Мы хотим освободиться от турецкого ига и быть людьми. Приготовьтесь и вы, ожидайте той минуты, которая скоро наступит. Но для того, чтобы совершить это великое дело, нам необходимы две вещи: люди и деньги. Люди у нас есть, денег нет, но с божьей помощью найдем в ближайшее время и их.

¹Этот документ, который зачитывался каждому новому члену, написан Ангелом Кынчевым и Левским.

Наш главный народный комитет выбрал нас для того, чтобы мы собирали необходимые для освобождения деньги, и мы соберем их. Где? Мы соберем их там, где собирали их другие народности, т.е. в самом народе. Итак, мы предлагаем вам пожертвовать раз и навсегда столько, сколько можете. Каждому из вас будет выдан документ от имени Болгарского временного правительства; а это правительство ответит за выданную ему сумму перед народом, т.е. перед Болгарским народным революционным комитетом, который в свой черед даст отчет будущему болгарскому свободному правительству. Временное болгарское правительство будет вести подробный счет – откуда, сколько оно получало, на что употребило, сколько болгар погибло, где, как и т.д. Счастливы те наши патриоты, кто внесут свою лепту в нашу свободу, – их имена покроются славой на вечные времена; а трусы, мироеды и стоящие в стороне будут навсегда прокляты. Тот, кто болгарин, кого родила Болгария, кто не хочет быть турецким рабом, должен пожертвовать всем, чтобы потом добиться многого. „Продадим свое добро, заложим жен и детей и откупим свое отечество“, – сказал Минин*.

Господин! Мы хотим сказать многое, но пока хватит и этого – от вас самого зависит добавить то, чего мы не сказали.

Вам покажется странным наше предложение, ибо оно придет к вам неожиданно, но на удивление времени не остается – история нас ждать не будет. Все это вы должны держать в тайне, даже самые близкие ваши друзья не должны ничего знать, вы должны отвечать сами за себя. Чтобы потом вы не говорили: „Я хотел помочь, но неоткуда было узнать, кому дать и сколько“. У нас везде есть свои люди, и мы знаем каждого

*Козьма Минин (Сухорук) – организатор и руководитель русского народного ополчения в 1611-1612 гг.

из вас, знаем ваше состояние и даже характер. Следовательно, мы найдем способ найти вас... Но вы можете сказать: „У нас нет денег“. Возьмите займы, продайте скот, заложите дом и сделайте первый взнос, подайте знак, и этот знак будет вашим спасением. Когда наши юнаки встанут под знамена (а это будет весьма скоро), пусть тот, кто не покажет им свой документ или знак, пеняет на себя! Кто не примет участия в нашем народном движении, будет считаться предателем и врагом своего народа, он будет расплачиваться за свои грехи, а имя его будет предано всеобщему позору. Повторяем, если дадите добровольно то, что вы должны дать, будете счастливы и вместе со своим семейством будете под нашей защитой до самого того дня... А если отнесетесь к нам по-варварски, т.е. покажете властям наше письмо или предадите нашего человека, которого мы к вам посылаем, чтобы вы с ним договорились; если раскроете наши желания каким-нибудь нашим болгарским выродкам или будете искать причину, чтобы не дать того, что у вас просят, короче говоря, если злоупотребите нашим доверием, за это вам будет страшно отмщено. Возьмите в толк, что те мужи, которые стоят во главе народного движения и входят в состав временного правительства, не боятся никого, они решились идти вперед без оглядки. Мы уже не боимся ни турецкого беззакония, ни турецких приспешников. Все муки, которым подвергают нас турки, все виселицы, каторга в Диарбекире ничто для наших юнаков. Каждому юнаку ясна его судьба, а народный комитет и Временное правительство будут предотвращать всякое зло и вознаграждать всякое добро. На нашем челе начертано: „Чистая свобода или молодецкая смерть!“

Решайте скорее с нами ли вы или против нас, ибо тысячи юнаков ждут вашего ответа.

(?) 1871 г. Марта 10.

Надпись на печати:
„ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО БОЛГАРИИ“
ЛЕВ
I отд. Б.Р.Ц.К.
В БОЛГАРИИ

ПОРЯДОК ПРИНЕСЕНИЯ ПРИСЯГИ¹

Вступающий встает около стола, на котором должно лежать евангелие или крест, нож и пистолет, он кладет левую руку на сердце, а правую поднимает и произносит следующие слова:

Клянусь добровольно честью и отечеством перед богом и перед честным собранием заговорщиков, что ничего из того, что мне станет известно, не расскажу и не открою никому до смерти.

Клянусь и обещаю работать изо всех сил ради освобождения своего отечества – Болгарии.

Клянусь и обещаю, что отдам во имя этой светлой цели всю свою жизнь и состояние.

Клянусь и обещаю безусловно подчиняться законам и приказам заговорщического тайного центрального болгарского комитета, соблюдать полное молчание и тайну во всех делах.

В противном случае, если стану предателем или преступником, согласен, чтобы пронзило меня оружие этого заговора, обязанность которого – защищать меня, а право – судить меня.

Клянусь.

От имени Ц.Р.Б.К. в Болгарии
За Ч.Р.Б.К. в Турну-Мэгуреле, 1872.

¹Эта присяга была обязательной для всех членов тайного общества, так они клялись. Как утверждают многие, клятва написана Левским. Настоящий экземпляр принадлежал частному комитету в Турну-Мэгуреле, он был предоставлен мне г. Коцовым в Видине.

Левский снова возвращается в Болгарию и начинает усиленно заниматься пропагандой. Теперь он уже работает не с богатыми и образованными, а с простыми людьми, с ремесленниками, мелкими лавочниками, земледельцами, которые с трудом и подписаться-то могли. Так, в Тырнове был составлен комитет, в который входили Иван хаджи Димитров – медник, Христо Караминков* – шерстобит; в Стара-Загоре в комитет входили К. Ганчев и Г. Михайловский – башмачники; в Русчуке – Н. Обретенов, Р. Иванов и Т. Кырджиев** и другие – все бедные люди; в Пловдиве – Матевский и Х. Тырнев: первый – учитель, второй – лавочник и т.д. По обе стороны Балкана закипела работа. Создавались комитеты, выбирались председатели, секретари, кассиры, налаживалась передача тайной почты, организовывалась тайная полиция, определена была исполнительная власть, со всех сторон поступали жертвования, имя Дьякона стало более популярным, чем имя султана и вселенского патриарха. Самую кипучую деятельность в Северной Болгарии развернул Левский в Ловечском крае. Село Болгарски-Извор стало для него там главным опорным пунктом, так же, как в Южной Болгарии – село Царацово, расположенное на северо-западе от Пловдива, в часе пути от него.

Левский стремился так организовать эти комитеты, чтобы они стали единым целым, общались между собой самым простым и удобным способом и могли укрыть находящегося в опасности работника – как апо-

*Христо Караминков (1846-1892) – видный деятель болгарского национально-революционного движения, член Центрального комитета в Джурджу, участник Стара-загорского и Апрельского восстаний.

**Тома Кырджиев (1850-1887) – деятель революционного движения, член Русенского революционного комитета. После Освобождения – редактор газеты „Работник“ („Рабочий“), русофил, расстрелянный за участие в антиправительственном бунте 19.II.1887 г.

стола, так и рядового члена. Для этой цели Левский успел привлечь на свою сторону многих содержателей постоянных дворов на главных дорогах, некоторых из них он ссужал деньгами и всячески поддерживал. Например, в Ново-Селе, что на пути между Тырновом и Севлиево, по наущению Левского, его помощник отец Матей построил новое здание, якобы для постоянного двора, на самом деле это было пристанище для апостолов и тайных курьеров. Левский располагал фальшивыми паспортами и печатями всех болгарских городов, необходимыми при изготовлении дорожных документов. Вскоре он основал, насколько нам известно, революционные комитеты в следующих городах и селах: Тырнове, Ловече, Русчуке, Шумене, Разграде, Плевене, Трояне, Изворе, Гложене, Орхание, Тетевене, Этрополе, Софии, Пловдиве, Карлове, Сопоте, Каллофере, Аджаре, Сливене, Стара-Загоре, Хаскове, Татар-Пазарджике, Батаке, Перуштице, Царацове, Конаре, Войнягове, Дыбени, Панагюриште, Марзане, Карнофоли и других. В некоторых, например, в Русчуке, Шумене, думаю, и в Хаскове, он лично не бывал, а посылал туда своих помощников – Димитра Обшти*, Ангела Кынчева, отца Матея Преображенского, Савву Младенова** и других. Насколько нам известно, он бывал у следующих лиц: в Ловече – у братьев Лукановых; в Тырнове – у Ивана хаджи Димитрова и Христо Иванова; в Тетевене – у Марина; в Лясковце – у Марина

*Димитр Обшти – деятель болгарского национально-революционного движения, соратник Левского, отличался недисциплинированностью. Задумал и осуществил так называемое Орханийское приключение – нападение на турецкую почту под г. Орхание (ныне Ботевград), после которого турецкие власти предприняли решительные меры, позволившие им арестовать Левского.

**Савва Младенов (1845-1876) – участник четы Христо Ботева, убит в сражении с турками в Тетевенских горах.

Станчева; в Пловдиве – сначала у доктора Рашко и Найдена Герова, затем у Христо Тырнева, Матевского и других; в Пазарджике – у Г. Консулова, Рыженкова и Червен-Стояна; в Батаке – у Петра Горанова; в Перуштице – у Петра Бонева и отца Тилева; в Карлове – у Ганю Маджарина и Недю Тачева; в Царацове – у Ивана Арабаджии и Божила Георгиева; в Рыжево-Конаре – у Кара Боню; в Стара-Загоре – у Колё Ганчева; в Трояне – у некоего Ганко (который передал ему свое оружие); в Болгарски-Изворе – у Димитра (чьим паспортом он часто пользовался) и т.д.

Переписка между комитетами велась шифрованными буквами и условными знаками и словами. На письмах ставились адреса самых продажных болгар в городе; тот, кто нес их, знал, кому надо передать почту. Так, в Тырнове письма адресовались Стефану Карагёзову; в Русчуке – Димитру Селвели и П. Златову; в Стара-Загоре – хаджи Господину; в Сливене – Сарыванову и т.д. Это делалось из осторожности, ибо, если случилось письму попасть в руки властей, те верили, имя адресата их успокаивало. Название городов в письмах тоже изменяли. Тырновские члены комитета назывались асеновцами, стара-загорские – атиловцами, русчукские – братьями Кубратовыми; город Сливен именовался Славомиром и т.п.

Как видите, в Туретчине было еще одно, кроме султанского, правительство, правда *временное*. Заговорщики, которые называли друг друга братьями и гордились, что участвуют в святом деле, боялись больше исполнительной власти комитета, чем турецких властей. Специальное подразделение, которое называлось тайной полицией (имена тех, кто входил в нее, были известны только председателю), наблюдало за делами и

поведением каждого работника¹. О том, что комитет не миндальничал с недобросовестными своими членами, говорят некоторые факты. Некий Стоян Пенев, наборщик у Л. Каравелова в Бухаресте, собирался предать друзей своего хозяина турецким властям. Но его нашли зарезанным и изуродованным посреди улицы в Диш-Вароше. Дьякон Дионисий, тоже предатель, был застрелен однажды ночью в Орхание.

Но над всеми был Левский, он сам следил за комитетскими делами; когда его меньше всего ждали, являлся, бывало, ночью с ревизией. Если он находился в Татар-Пазарджике и узнавал, что какая-то опасность угрожает тырновскому комитету, через два дня оказывался в Тырнове, чтобы предотвратить беду. Если комитетчики боялись взяться за какое-нибудь трудное дело, он сам его выполнял, лишь бы не пострадала работа. Так, он взялся наказать карловского богача Ненко, от которого стонало все население. Вместе с Иваном Арабаджией поджидал его два дня на Гёпценском мосту, но тот так и не появился там. Вместе с несколькими товарищами наказал некоего хаджи Мустафу из села Асакырова за то, что он, как и его брат, страшно мучил болгар. Левский был везде и нигде. По пятам за ним шло множество полицейских, шпионов, их начальников, но ему всегда удавалось перехитрить их, оторваться от слежки. Скольких шпионов и правительственных агентов всякого рода обвел он вокруг пальца, когда они уже торжествовали, думая, что обещанное за его поимку вознаграждение у них в кармане!

Здесь я должен отметить, что турецкое правительство обещало 500 лир тому, кто убьет Левского, и 1000 тому, кто поймает его живым. Разумеется, этот факт

¹Обо всем этом говорится в комитетском уставе, который я не считал нужным публиковать из-за его очень большого объема.

трудно подтвердить, но полицейские и стражники говорили об этих наградах открыто: вот почему они так упорно преследовали нашего героя. Никому другому, только ему удалось ходить безнаказанно по всей Болгарии целых пять лет. Какую только одежду ни носили на Балканском полуострове, турецкую, болгарскую, – все он перемерил во время странствий по Болгарии. Он даже цвет волос изменял.

Но доставалось из-за преследований не одному ему. Многие из тех, кто знал гораздо больше о том, как устроен рай, чем революционный комитет, оказывались арестованными на несколько дней, пока наводились соответствующие справки. Иван Моллов, известный во всей Болгарии книготорговец, чье сходство с Левским ограничивалось разве что светлыми волосами и усами, был арестован в лавке Колё Ганчева сразу после своего прибытия в Стара-Загору и в сопровождении множества полицейских отправлен прямо в конак. Его приняли за Левского.

Бесчисленны примеры побед Левского над турецкими властями и предательством. В каждом селе, в каждом городе, где он бывал, сегодня ходят легенды о его жизни, о том, как он улизнул, что говорил, когда шпионы бежали за ним, как ищейки, и т.д. и т.п.

...Левский ненавидел в Болгарии не только турок, но и богачей, т.е. чорбаджий, тех образованных, монахов, усатых молодцов, которые были героями только на словах.

– Когда Болгария избавится от турок, она должна будет еще долго бороться, чтобы сбросить крещеных турок*,

* „...крещеных турок“ – так называли турецких приспешников, тех болгар, которые находились на турецкой службе, всячески угождали перед турками, предавали свой народ.

попов и ненавистных монахов, – говорил он. – Они мучают народ наравне с турками и мешают нашему освобождению. Попы, патриции, цари и князья, богачи – это пиявки на теле народа.

– Кто будет нашим царем, когда прогоним турок? – спросили его однажды несколько деятелей, желавших услышать имя своего будущего христианского государя.

– Царь? Князь? Да как вы можете? – возмутился наш герой, будто увидел, как новый властелин Болгарии приближается к Велико-Тырнову. – Мы пытаемся избавиться от одного, а вы хотите поставить на его место другого?! Да будь он христианин и даже болгарин, все равно, разница будет только та, что у одного на голове феска, а у другого – золотая корона с крестами!.. Если бы я знал, что Болгарией будет править царский скипетр, давно бы пошел служить к какому-нибудь попу; мы будем управлять сами, по-республикански...

– А кем ты будешь, бай Васил, когда освободимся? – спросил его Божил Георгиев в присутствии еще трех апостолов: Ангела Кынчева, Димитра Обшти и Саввы Младенова.

– Когда Болгария освободится, для меня уже не будет здесь работы, – ответил он. – Я тогда отправлюсь в Россию организовывать комитеты, ибо, хоть там и нет чалмы, да народ придавлен больше нашего.

...Все апостолы, которые появились после Левского, да и те, кто были его современниками, такие, как Обшти, А. Кынчев, С. Младенов, Узунов*, Стамбо-

*Атанас Узунов (1851-1907) – учитель и революционный деятель, заменил Левского в революционной организации после его казни. Выслан на каторгу в Диарбекир, откуда бежал. Участник русско-турецкой освободительной войны. После освобождения Болгарии эмигрировал в Россию (1887-1897).

лов*, Волов, Бенковский, Каблешков, насколько я знаю их, не действовали так, как Левский, не работали столь чистосердечно. Каждый из них позволял себе говорить, что мы не одиноки, Россия и Сербия, мол, дадут нам пушки, как только мы поднимем бунт, придут к нам на помощь. На самом деле оба государства не знали ничего об этом. Апостолы спешили поднять восстание, воображали, что за месяц-два все можно подготовить. Не так рассуждал Левский.

– Ни на кого не надейтесь, – говорил он. – Если мы не способны сами себя освободить, это значит, что мы не достойны свободы; а тот, кто освободит нас, сделает это для того, чтобы снова обратить нас в рабство...

Он и не помышлял о несвоевременных восстаниях. Глубокое знание народа убеждало его, что блаженная минута еще не наступила. Его главной целью было снабдить народ оружием, создать комитеты, и этому он посвятил всю свою жизнь...

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

I

Желание Левского отойти на некоторое время от дел и пожить в Румынии не осуществилось. Он был подавлен горькими событиями, произошедшими одно за другим и взволновавшими его душу. 1872 год был самым

*Стефан Стамболов (1853-1895) – родился в Тырнове, деятель болгарской национальной революции, поэт, соратник Христо Ботева, организатор стара-загорского восстания (1875), апостол Апрельского восстания в Тырновском революционном округе. После Освобождения – премьер-министр Болгарии, проводил самостоятельную политику, укреплявшую авторитет страны в Европе.

злосчастным как Левского, так и для болгарского комитета. 2 марта, в 9 часов по турецкому времени, А. Кынчев выстрелил себе в голову на русчукской пристани, когда пытались его арестовать. Верный клятве, он не захотел сдаться в руки турок. В его лице Левский потерял одного из своих лучших помощников, а турецкие власти содрогнулись, найдя у Кынчева корреспонденцию, наглядно доказывающую: в Болгарии возродилось опасное сопротивление, которое, по заверениям преданных болгарских чорбаджий, якобы было разбито окончательно в 1868 году на Бузлуджанских вершинах. Центр деятельности царыградских шпионов переместился из Бухареста и Белграда в Софию и Русчук. Левский стал предметом их вождедений.

В том же году, в августе, Левский надолго исчез из Северной Болгарии. По словам Христо Иванова, он больше всего обретался в Сливене, где наставлял Атанаса Узунова как апостола. В октябре по наущению Димитра Обшти комитеты в Тетевене и Орхание совершили нападение на турецкую почту и захватили деньги, которые она везла. Власти насторожились еще больше. Не только в упомянутых, но и во многих других городах и селах были произведены обыски, арестованы молодые патриоты, а это говорило о том, что турецкие власти не теряли времени даром. Вскоре попался им в руки и сам Димитр Обшти.

О состоянии комитетских дел того времени говорит следующее письмо из Тырнова в Русчук:

Господину Петру Златеву,
в Русе

Только что получил известие, что некоторые из наших братьев попали в руки неприятеля. Примите необходимые меры на всякий случай; пересмотрите и пор-

вите письма и другие бумаги, так как несколько арестованных оказались несдержанными на язык (на допросах). Временно прервите всякие сношения, пока не известим вас, одним словом, не высылайте ничего, пока не сообщим вам, как обстоят дела. Если недавно вы уже послали что-то, поспешите сообщить нам об этом, но, дай бог, чтобы вы ничего не послали. Многие из наших схвачены и, по слухам, сам Обшти попался.

На этом кончаю и шлю вам привет.
Тырново, 30 октября 1872 года.

Ст. Карагёзов¹

Несмотря на все это, комитеты в Болгарии не забыли позаботиться о нашем герое, перед которым уже готова была разверзнуться пропасть. Беспокойство о нем усугублялось еще и тем, что никто в Тырнове и Ловече не знал, где именно он находится и что с ним. Несколько тайных курьеров отправилось из Тырнова по разным направлениям со специальной задачей найти его. Отец Матей Преображенский набил свои монашеские торбы „Сказками“ (собственного сочинения) и отправился во Фракию, Христо Караминков – в Ловеч. Комитеты искали его не только для того, чтобы предупредить об опасности, посоветовать спрятаться или отправиться за Дунай, нужно было непременно отыскать его и потому, что уже было получено два письма из Бухареста от Л. Каравелова, который в связи с софийским приключением* писал Левскому о необходимости поднять знамя революции.

Одно из этих писем сохранилось в оригинале у Николы Обретенова, вот что оно гласит:

¹Петр Златев – псевдоним Николы Обретенова, а Стефан Карагёзов – Иванчо хаджи Димитрова.

*Софийское приключение – то же, что и орханийское.

Брат Васил!

Еще раньше писали вам и побуждали вас на подвиг, но все больше голыми словами.

Теперь скажем, что обстоятельства безусловно гнушают смелость нашему народу и призывают поднять революцию. О причинах, которые тебе известны, не будем распространяться, а только скажем, что ты должен идти в бой, не теряя ни минуты. Ко всем здешним юнакам мы писали, они отправятся на ту сторону. Ждите помощи от С. и Ч. (Сербия и Черногория).

Бухарест, 9 ноября 1872 года

(подпись) Кара Мустафа Бучукоглу (Каравелов)

Курьеры возвращались один за другим в Тырново с противоречивыми вестями о Левском, лично с ним так и не встретился никто. Христо Караминков узнал очень странные сведения о пребывании нашего героя в Ловече. Некоторые (разумеется, из заговорщиков) говорили, что видели Левского с мотыгой на плече где-то на виноградниках, а также подбрасывающим письма к дверям комитетчиков, в письмах он велел передать ему все комитетские бумаги, ибо боится предательства.

Отец Матей после длительных скитаний по Фракии, по Сливенскому и Стара-загорскому краям напал на след Левского в Стара-Загоре, но так и не смог найти его, тот уже уехал в Пловдив, отец Матей – за ним.

В письме Ивана хаджи Димитрова, отправленном из Тырнова в Русчук и датированном 25 ноября (1872), говорится:

„Нет пока точных сведений о приключении (софийском). На днях ожидаем прибытия *главного книго-торговца* (Левского), которого нашли в Стара-Загоре. Как только договоримся с ним, напишу вам...“

Только где-то под Перуштицей удалось отцу Матею найти нашего героя. Он рассказал Левскому в подробностях о делах в Софийском крае, о том, что Обшти начал предавать; убеждал Левского покинуть Болгарию и бежать в Румынию, но все напрасно. Левский был в нерешительности. Ему хотелось и отправиться в Ловеч, чтобы пресечь предательство, и собрать отряд из фракийских заговорщиков, чтобы залечь в засаде на софийской дороге под Пазарджиком и освободить осужденных, когда их будут везти в Царьград.

Он дал отцу Матею рекомендательное письмо к одному карловцу, чтобы тот приютил его на несколько дней. Потом приедет Левский и они вместе отправятся в Тырново. Ждал отец Матей в Карлове день, ждал два, ждал три, а Левского все не было, ждал до тех пор, пока и полиция, и сами карловцы не начали внимательно приглядываться к его монашеской рясе. Тут я должен заметить, что отец Матей был из тех оригинальных людей, которые не только в Карлове, но и в многолюдном Лондоне привлекли бы внимание, хотя бы детей. Его габровские башмаки, латанные сверху и снизу разноцветными кусками кожи, дырявая ряса, забрызганная грязью даже в Петров пост, и, наконец, его потерянная монашеская камилавка, из черной ставшая желтой, не рекомендовали его как благонадежного человека. Редкой драгоценностью был отец Матей, и мне очень жаль, что нехватка места не позволяет рассказать здесь эпизоды из его бурной жизни. Ему бы позавидовали самые отчаянные русские нигилисты, хоть он и не бывал дальше Преображенского монастыря, где и постригся в монахи. Темными ночами взбирался он по крутому склону тырновских гор, чтобы расклеить на стенах того же монастыря свои острые сатиры на братьев во Христе.

Итак, отец Матей был вынужден отправиться в Тырново, а Левский, вместо того чтобы прибыть в Карлово, поехал в Татар-Пазарджик. Сколько дней пробыл он там, с кем встречался и что делал, нам доподлинно не известно. К середине декабря он собрался в путь, позвал старого верного друга Ивана Арабаджия, чтобы дать ему указания, как поступать в его отсутствие, если будут раскрыты комитетские дела во Фракии. В попутчики через горы Левский взял Николу Рыженкова из Пазарджика, который сам вызвался, ибо, зная, что у него грудная болезнь и скоро конец, предпочитал умереть за свободу, хоть и на виселице.

Иван Арабаджия остался в своем селе, поскольку стало известно, что в Карлове поймали некоего Станю, и было опасение, что он предаст, а в таком случае, по мнению Арабаджии, мог бы пострадать и сам Левский.

Трогательным было расставание Левского с его друзьями, раньше они его никогда таким не видели. Он был очень грустным, слезы навертывались на глаза его, будто он знал, что это их последняя встреча, что никогда больше не увидит своей милой Фракии, ее ровные поля, прекрасную Средна-Гору, прозрачные воды Стремы, с которой было связано столько воспоминаний...

— Прощайте... До сих пор мы были в раю, теперь отправляемся в ад, — сказал он, когда лошади уже тронули, и вздохнул.

Под „раем“ он понимал Фракию, а „адам“ называл Северную Болгарию, которой боялся.

Наши путники прибыли в Троян благополучно. Здесь Левский оставил свое игольчатое ружье и саблю. Как только он прибыл в Ловеч, среди ночи, встретился

первым делом с Николчо Сирковым, одним из заговорщиков, и подробно расспросил его обо всем, что случилось за те четыре месяца, пока его там не было.

За это время в Ловече произошли довольно важные события, в любом случае чреватые плохими последствиями. Дома всех патриотов в городе были под наблюдением, власти произвели в них обыски, несколько человек уже было арестовано, среди них и Марин поп Луканов, а те, кто еще были на свободе, ожидали ареста с минуты на минуту, поскольку Обшти в Софии уже начал предавать.

До прибытия Левского в Ловеч произошло еще одно знаменательное событие. В то время председателем Ловечского революционного комитета был поп Крыстю, которому за его заслуги комитет помог построить дом. Поп Крыстю знал обо всех комитетских делах. Среди первых, кого бы назвал Обшти в Софии, без сомнения, оказался бы председатель самого большого комитета поп Крыстю. Но, очевидно, Обшти не знал его имени, так как, получив известие из Софии отправить туда попа, власти в Ловече препроводили в следственную комиссию попа Лукана.

– Это не тот поп, – сказал Обшти, когда увидел отца Лукана. – Тот моложе и ниже ростом.

Тогда арестовали попа Крыстю. Но странно: через несколько часов его отпустили на свободу; это турецкое благоволение должно было открыть глаза всем комитетчикам и прежде всего нашему герою.

– Если даже сама природа восстанет против меня, и она не сможет помешать мне встретиться с ним, – сказал Левский в гневе, когда друзья, собравшиеся в доме Велички поп Лукановой*, уговаривали его не встре-

*Величка Гечева Хашнова (1831-1906) – сестра Марина поп Луканова, преданная сотрудница Левского в Ловече.

чатся с попом Крыстю, ибо он опасен, да и не время теперь.

— Я хочу услышать его оправдания, увидеть, как он будет в глаза мне смотреть!.. Он в ответе и передо мной, и перед вами, и перед всем болгарским народом...

Никто и ничто не могло остановить разгневанного Левского. Он сердился на всех, кричал, вскакивал, готов был весь мир разрушить, но спасти свое святое дело, во имя которого работал столько лет. О себе же ничего не говорил, не хотел предпринимать никаких мер предосторожности, вопреки всем советам и увещеваниям друзей. Больше всего он желал встретиться с попом Крыстю, взять у него бумаги, копии писем и большие суммы денег, что ему были доверены.

— Не хочу очернить свое имя перед болгарским народом, не хочу, чтобы потомки меня обвиняли.

24 декабря он написал длинное письмо попу Крыстю, в котором определил час и место, где они должны встретиться.

Здесь я должен дать некоторые разъяснения читателям, дабы они могли проникнуть в суть уже подготовленного гнусного предательства. До того, как турецкие власти освободили попа Крыстю, он провел несколько часов наедине с начальником полиции; трудно сказать, на каких именно условиях был заключен договор между ними. Надо полагать, две главные причины побудили святого отца принять образ Иуды. Первая причина — желание сбросить со своей шеи веревку, которая неминуемо ждала его как председателя комитета, и он должен был, естественно, перекинуть эту веревку на кого-нибудь другого; этим другим мог быть только наш герой. Сам ли поп Крыстю надуумил вла-

сти или они предложили ему предать Левского – не знаю. И то, и другое возможно; но, как уверяют многие, среди них и Христо Цонев*, товарищ Левского по арестантскому этапу до самой Софии, перед тем, как освободить попа, начальник полиции в Ловече и софийская следственная комиссия обменялись несколькими депешами, только после этого власти торжественно заверили попа, что, если он совершит этот подвиг, будет не только освобожден, но получит и награду. Выполняя свое слово, власти тут же освободили попа. Теперь пришел его черед выполнить обещание и долг пастыря. Письмо Левского, которое он получил через несколько дней после своего освобождения, открывало ему путь к этому. Второй причиной, побудившей попа Крыстю стать христопродавцем, был золотой телец. Как я уже сказал, у попа хранились большие комитетские деньги, после предательства они остались бы у него.

Письмо Левского к предателю, в котором он назначал ему встречу, было прочитано сперва начальником турецкой полиции в Ловече. Ну и возликовали тогда все кровопийцы в конаке – от начальника до самого последнего блюдолиза. Все в гарнизоне пришло в необыкновенное движение. В высших кругах составлялись планы, обсуждалась стратегия, простые стражники и солдаты перешептывались, ружья и пистолеты заряжались свежим порохом, перед конаком клали низкие поклоны, что должно было означать готовность к самопожертвованию, в конак же призывали то одного, то другого турецкого громилу, пользующегося хотя бы

*Христо Цонев Колаксызов – Латинянин, родом из села Кыкрины, Ловечского края, преданный единомышленник и помощник Левского, хозяин Кыкринского постоялого двора.

маломальской известностью, на лестнице раздавался звон длинных ножей, одним словом, готовился смелый поход, и это заметили и горожане; но никто из болгар не знал его истинной цели – только поп Крыстю, который в это время сидел в одной из комнат конака напротив полицейского начальника, чей рот растянулся в улыбке аж до ушей.

II

Был торжественный для христианского мира день – 26 декабря 1872 года – второй день светлого Рождества Христова. Все болгарское население Ловеча, за исключением нескольких заподозренных заговорщиков, праздновало, ело и пило до отвала. Торговая площадь, бо́льшую часть которой занимали лавки болгарских купцов и ремесленников, была закрыта. На улицах можно было встретить разве что малых детей, которые колядовали, да турецких пацанят, бежавших за ними по пятам и пытавшихся стянуть или отнять у них что-нибудь из подаренного им. Лишь изредка попадались взрослые. Болгары разговлялись откормленными поросятами, запивая их вином, а правоверные мусульмане пыхтели чубуками в душных кофейнях и цирюльнях. Они тоже волей-неволей праздновали заодно с христианами, так как не могли по обыкновению шляться по улицам, ибо запах паленой свиньи повергал их в гнев. Они были мрачны и злы, как во время рамазана*; если на глаза им попадался болгарин из бедных, они провожали его бранью, костерили его веру и

*Рамазан – девятый месяц мусульманского лунного года, в течение которого соблюдается строгий пост.

крест, если же богач – проходили, не здороваясь, бормоча себе что-то под нос.

К тому же, и стужа, крепкий рождественский мороз заставляли горожан не покидать теплые дома и кофейни, держаться подальше от скованного льдом Осыма и незамерзшего Башбунара. За городом не видно было ни души, только изредка изголодавшийся охотник, согнувшись в три погибели, брел к лесу, а впереди него бежали его легавые, еще более изголодавшиеся. Толстый снежный покров придавал городу монотонность. Холодная мгла скрывала горизонт, извивалась змеей над замерзшим Осымом и прилипала к голубому льду, словно к мокрому бархату. Все выглядело поникшим и унылым в эту суровую балканскую зиму.

Городские часы пробили четыре по турецкому времени, и глухое эхо отозвалось среди голых ловечских скал как раз в ту минуту, когда два путника, двое болгар, один – крестьянин, другой в одежде мастерового, перешли через большой мост и ступили на дорогу, что ведет в Севлиево. Они шли ни быстро, ни медленно, как обычные путники, направляющиеся по своим делам.

Если бы город Ловеч был кварталом цивилизованного Парижа или северного холодного Петербурга, чьи тайные агенты могут сравниться по обонянию разве что с алеппскими легавыми*, то наверняка агенты эти схватили бы своей деликатной рукой торбочки наших путников и, сказав всемирное „пардон“, стали бы расспрашивать, куда они путь держат в святой день, когда весь мир веселится...

Нет нужды объяснять, что одним из этих путников (в крестьянской одежде) был наш герой Васил Лев-

*Алеппские легавые – названные так по городу Алеппо в Малой Азии, ныне Халеб (Сирия).

ский, вторым – его товарищ Николчо Бакырджия*. Левский направлялся в Тырново, но по дороге намеревался заночевать на Кыкринском постоялом дворе у Христо Цонева, часах в трех пути от Ловеча, там была уговорена встреча с попом Крыстю. Сам ли Левский избрал это место, как более безопасное, и указал на него в письме попу, или тот, по совету турок, назвал его, я, к сожалению, не знаю. Христо Цонев утверждал, что сам Левский, прибывший к нему вечером того дня, сказал, будто поп Крыстю в своем письме настаивал на встрече именно на его постоялом дворе.

Так или иначе, турецкие власти в Ловече знали абсолютно точно, где 26 декабря будет ночевать наш герой. Левский еще не успел покинуть Ловеч, когда Бош-нак Хюсеин и другие переодетые полицейские уже направлялись в Кыкрину, чтобы ознакомиться с планом упомянутого постоялого двора. Когда наши путники дошли до местности Пазимост, им встретились двое полицейских, идущих из Кыкрины. Левский свернул с дороги и направился на юг, к виноградникам, всем своим видом показывая, что у него срочное дело. Один из полицейских приблизился к нему и спросил, кто он и куда идет.

– Я тебя хорошо знаю, а ты меня не знаешь, – ответил Левский. – Из Ловеча я, на виноградник свой иду.

Полицейские продолжили свой путь в город, полностью удовлетворенные ответом. Левский пошел через виноградники, а Николчо Бакырджия – вперед по севлиевской дороге. Через некоторое время они встретились и вместе дошли до Кыкрины. По пути им попались и другие люди – турки и болгары, это тоже были полицейские, но переодетые. То ли от страха, то ли из-за

*Никола Цвятков – Бакырджия, родом из Ловеча, преданный друг и единомышленник Левского.

особого распоряжения, но они не напали на наших путников. Очевидно, поп Крыстю постарался объяснить им, кто такой Левский, какая у него хватка.

К вечеру Левский и его товарищ целыми и невредимыми добрались до Кыкрины. Постоялый двор Христо Цонева был переполнен веселыми крестьянами, они галдели, перебивая друг друга, лица их нельзя было разглядеть из-за чада, поднимавшегося над мангалом, где жарилось жирное мясо. Наши знакомцы проскользнули мимо подвыпивших крестьян совершенно незамеченными. Только один из них спросил Христо Цонева:

– Кто такие?

– Я сын дедушки Ивана, – ответил Левский, и на этом вопросы кончились.

Прошло время, и крестьяне один за другим начали собираться домой, наконец трое единомышленников остались одни. Поужинали, чем бог послал, поговорили о том, о сем, а попа все не было и не было. Подождали до полуночи и, потеряв надежду, что он придет, легли спать, договорившись утром подняться чуть свет и отправиться в Велико-Тырново. Наш герой хотел идти через Севлиево, где у него были дела, но Николчо Бакырджия и Христо Цонев сказали, что нужно идти окольным путем – через деревни, так как в Севлиеве их может поджидать опасность.

Так они и сидели, спокойно разговаривая, не подозревая, что из Ловеча спешат к ним дорогие гости.

Наконец улеглись спать. В доме не было слышно ни шороха, только ветер завывал в трубе, да из деревни доносились лай собак и пьяные песни крестьян, встречающих уже с вечера день святого архидьякона Стефана*.

* Речь идет о третьем дне Рождества.

Через несколько часов Николчо Бакырджия проснулся, весь дрожа как осиновый лист. А дрожал он потому, что увидел весьма дурной сон, необычный сон. Снилось Николчо, будто с потолка тянутся к нему какие-то страшные чудовища, хочет он выйти, а они не пускают. Вскочил он с постели и крикнул товарищам:

– Вставайте! Давайте собираться!

Христо Цонев зажег спичку, посмотрел на часы и сказал, что еще рано. Кроме того, дорога, по словам Христо, была не дальней, идти не больше двух часов, поэтому не стоило отправляться так рано. Хозяин постоянного двора тоже собирался пойти с ними до определенного места. Они снова улеглись, но Николчо больше так и не заснул. Через два часа Христо Цонев поднялся, он собрался в деревню, чтобы предупредить домашних, что уходит, а если спросят, куда ушел, отвечать – по делу, мол, по ближним деревням. Левский оставался в постели, только сказал Христо: „Давай скорей!“ – и натянул накидку на голову. Наружная дверь закрипела, Христо ушел. Минут десять спустя раздался такой сильный стук, что весь дом зашатался. Левский и Николчо всполошились было, но потом успокоились, решив, что это Христо вернулся. Николчо пошел открыть ему. Он едва протянул руку к крепкому деревянному засову, когда с той стороны раздался грубый и нетерпеливый голос, который развеял все сомнения:

– Открывай, хозяин! – кричали по-турецки.

Николчо узнал голос того самого полицейского, который спросил Левского около виноградников: „Кто ты и куда идешь?“ Но, чтобы удостовериться, он прильнул к щели в двери. И, боже мой, что же он увидел! Со всех сторон к дому подступают полицейские, – ружья наготове, штыки торчат; они бесшумно крадут-

ся к заветной двери, за которой их заклятый враг. Восемь лет они гонялись за ним! За Василиом Левским-Дьяконом, гордостью и славой измученной Болгарии!

Какой ужас! Какое торжество для турка, который боится нечаянно упустить жертву из ловушки предателя, предателя в епитрахили и черной камилавке, с церковным трезником в руках...

– Предательство, бай Васил! Полицейские кругом! Одного узнал по голосу. Вставай, бай Васил! Весь дом окружен!.. – тревожно шептал Николчо Левскому, так и не ответив на стук полицейских.

Нет необходимости рассказывать, какое действие оказали эти слова на еще сонного человека, на человека, который во сне и наяву вот уже десять лет видел полицейских, штыки, предательства и т.п. Он вскочил, будто увидел острый нож у своей груди; накидка, которой укрывался, отлетела в сторону, словно подхваченная вихрем.

– Правда? Ты его узнал? – только и спросил он и приготовился к борьбе.

Велик был наш герой в эту критическую минуту! Сильно забилося его бесстрашное сердце, дыхание участилось, он ни секунды не колебался, знал, что ему делать: схватил свое единственное богатство – сумку с разными документами и планами, разворошил огонь, бросил туда ее и еще какие-то бумаги, взял в каждую руку по верному другу – шестизарядному револьверу, попросил Николчо открыть заднюю дверь, а самому отойти в сторону...

Словно буря, словно ангел, распростерший крылья, словно лев, выскочил он во двор и оказался между двумя рядами штыков; два огня полыхали у него в руках, освещая искаженные ужасом лица полицейских, над их головами так и свистели его пули. В селе поднялся со-

бачий лай, которому вторили грубые голоса врагов:
– Вурун! Тутун! (Бейте! Держите его!)

Наш герой уже вырывался на открытое место, перепуганные полицейские расступались, давая ему дорогу, но на пути его оказался высокий плетень с острыми кольями, он должен был перемахнуть через него. Левский, словно серна, взлетел над плетнем, и, когда он уже был наверху, став удобной мишенью для врага, полицейские, прятавшиеся как раз под этим плетнем, открыли по нему страшный огонь. Разом выстрелили 20-30 ружей, почти все, конечно, мимо, ибо в такую минуту и лучший стрелок мало на что способен. Наш герой спасся бы и на этот раз, если бы не два обстоятельства, помешавшие ему. Одна из пуль задела его левое ухо, голова его закружилась, но все же он мог бы бежать. Но вот беда, когда он хотел уже спрыгнуть на землю, царвуль зацепился за острый кол, и Левский повис на плетне головой вниз! Несколько минут герой-мученик оставался в таком положении, извивался, изо всех сил стараясь освободиться, пока рука торосского помака* не схватила его за горло.

Турки не сразу бросились на него. Они продолжали стрелять, чтобы добить его, но так и не попали – темная ночь спасла Левского. Какой же шум и ликование поднялись, когда турки увидели героя перед собой, связанного и удерживаемого десятком-другим крепких рук.

Но вернемся на постоянный двор. Николчо, после того как открыл Левскому дверь, быстро забрался в постель и притворился спящим. Он слышал всё, что происходило во дворе, но подумал, что Левскому удалось убежать, так как полицейские слишком долго не

*Торосский помак – помак (насильственно обращенный в мусульманство болгарин) из села Тороса.

возвращались. Из деревни к постоялому двору подходили Христо Цонев и сельские чорбаджии, разбуженные пальбой. Крики, ругань, команды раздавались повсюду. На заднем плане, словно почетный караул, выстроились сельские собаки, они лаяли во всю мочь. Шуму было столько, будто не одного человека поймали, а захватили в плен целую неприятельскую армию. Тут были все ловечские полицейские, все громилы, что лишний раз доказывало, как высоко ценился боевой талант нашего героя.

Во второй раз раздался стук – еще более сильный, а наш Николчо спит себе под накидкой, как убитый.

– Ломайте, рубите, жгите! – кричали горластые десятники и принялись лупить ногами в дверь.

Лишь услышав голос Христо Цонева, которого турки схватили у ворот, Николчо пошел открывать. Пять-шесть полицейских наставили на него штыки и окружили у порога. Турки зажгли свечи и кадила, осмотрели каждый закуток.

– Приведите сюда этого гяура*, – приказал полицейский начальник, и у стены встал человек с опущенной головой, в изодранной одежде.

– Я подумал, что это какой-то крестьянин, схваченный полицейскими около постоялого двора, – рассказывал позже Николчо. – Но когда поднесли свечу... Что же я увидел?! Это был Левский! Узнал я его только по одежде, ибо все лицо его было залито алой кровью, волосы и одежда тоже были в крови и снегу. Он не поднимал головы, не смотрел ни на кого. Руки его были связаны за спиной поясом, штаны еле держались на нем, раненое ухо болталось на ниточке!..

– Подтяните мне штаны, – сказал он по-болгарски, но никто из нас не посмел приблизиться к нему.

*Гяур (тур.) – презрительное название немусульманина.

– Подпояши эту свинью, ты, пезевенк*, – сказал мне один из полицейских, и я подошел к Левскому. Тогда он поднял голову и произнес:

– Прощайте, братья болгары, и ты, милое отечество!.. За тебя умираю...

– Мы тебе покажем „прощай“! – сказали полицейские, все до одного знавшие болгарский.

Около очага лежал полицейский, раненный пулей Левского.

Но и в этот ужасный миг наш герой не забыл о своих слабых и беззащитных братьях. Он улучил удобный момент и сказал Христо Цонеvu, чтобы они ничего не боялись, от всего отпирались, что он возьмет всю вину на себя.

Вообще-то полицейские отнеслись к Левскому вполне благородно. Ни побоев, ни ругательств, ни других безобразий, обычных в подобных случаях, не было. То же – и в других городах, как мы увидим дальше. Многие говорят, что герой вытерпел неслыханные мучения, но это только патриотические преувеличения. Полицейские сами завязали голову Левскому, т.е. перевязали его рану, прежде чем везти его в Ловеч.

Когда все было кончено, турки устроили гулянье в честь большой победы. Много ракии** и вина было выпито у Христо Цонева, которому заплатили из денег, найденных у Левского. Забыл сказать, что, когда его ловили, деньги из кошелька рассыпались на снегу около плетня. Турки развели костер, поставили на него котел. Кучу снега перетопили они в нем, чтобы добыть монеты.

*Пезевенк (тур.) – презрительное обращение, сводник, развратник.

**Ракия – болгарская водка.

ВИСЕЛИЦА

Полицейские долго не задержались на Кыкринском постоялом дворе. Мысль, что они должны отправиться в Ловеч, где у моста их с нетерпением поджидает все мусульманское население города во главе с седобородым судьей и начальником полиции, которые были предварительно оповещены, щекотала их самолюбие. Они были победителями, более того, они везли в город не голову Левского, а его самого, живого!

Из деревни пригнали повозку, на которую усадили двух раненых – нашего героя и полицейского, да так близко, что они должны были смотреть друг другу в глаза! Христо Цонева и бедного Николчо связали грубой веревкой и повели следом за повозкой. Как только дошли до первого оврага, конвоиры потащили туда Николчо и избили его вместо предисловия к допросу. Потом стали выведывать, правда ли, что пойманный – Васил Левский-Дьякон, или это кто-то другой, попавшийся к ним в руки по ошибке¹. Николчо пожимал плечами и говорил:

– Не знаю.

Потом наступил черед Христо Цонева, его также избили на скорую руку.

Кого ни настигали конвоиры по дороге – всех забирали с собой как соучастников, якобы посланных в Ловеч предупредить о случившемся в Кыкрине. К полудню 27 декабря, третьего дня Рождества, конвой приблизился к Ловечу. Окраины города были черны от народа, большинство составляли чалмы, все эфенди вышли, чтобы встретить нашего героя. Они, словно муравьи, толпились вокруг повозки, дабы лучше разглядеть его, и осыпали его бранью. Даже турчанки,

¹Левский не назвал своего имени полицейским.

чьи черные глаза одаривают взглядом далеко не каждого, высыпали к плетням и высоким заборам в ожидании героя дня, они приветствовали его своим обычным „ханзыр“, „домус“, „кяфироглу“*. Полицейские шли, как на параде. Важно и гордо вышагивали они; усы их были воинственно закручены кверху.

Повозка остановилась у конака, и троих друзей привели к полицейскому начальнику, который подробно расспросил их, кто они, откуда родом, чем занимаются и т.д. – все как обычно в таких случаях. Первым расспрашивали нашего героя. Его весьма учтиво пригласили сесть, и он сказал следующее:

– Я родился в Велико-Тырнове, но отец и мать переселились в Румынию 25 лет тому назад.

– А зачем ты оставил их и пришел сюда? – спросил начальник с иронией, ибо он хорошо знал биографию Левского.

– Я купец, пробавляюсь тем, что покупаю и продаю, думаю, это не запрещено никаким вашим законом, – ответил Левский не без достоинства.

– Посмотри-ка на этот портрет. Узнаешь, кто на нем? – спросил полицейский и протянул Левскому портрет, на котором был изображен он собственной персоной.

Тот положил его на стол и ничего не сказал. Потом этот же портрет был показан и товарищам Левского, но и они только пожали плечами. Собравшиеся в конаке турки еще раз внимательно посмотрели на страдальцев и начали убеждать друг друга, что перед ними самый главный смутьян, Васил Левский, и никто другой, тот самый, который воюет *против ислама и его босфорского представителя*.

– Но, я думаю, если эти молодцы расскажут все, что

* „Ханзыр“, „домус“, „кяфироглу“ (тур.) – свинья, неверный.

знают, милостивый падишах простит их великодушно, – говорил один эфенди, у которого, видно, не росли борода и усы, и потому походил он на ободранную лису; он воображал, что имеет дело с каким-нибудь опустившимся юшурджи*.

В Ловечском конаке Левский почти все время молчал. Причиной тому была или рана, которую мороз сделал более ощутимой, или то, что он еще не успокоился после страшной сцены, или нежелание вступать в пространные объяснения с начальником полиции.

После предварительных допросов троих товарищей привели в тюрьму, известную под названием *Парцал*¹, там их ноги заковали в тяжелые кандалы, на шеи надели *лалета*² и цепи, концы которых были закреплены на решетке окна. Не прошло и 2-3 часов, и тихой, глубокой ночью Левского повели на допрос одного, долго пытались хоть что-нибудь из него вырвать. Допросили и его товарищей, потом снова всех заковали в холодное железо. Во дворе конака суеилось множество полицейских, одни седлали лошадей, другие проверяли оружие, по всему было видно, что они собираются в дорогу. Вскоре запрягли лошадей и в телеги, на которые посадили Левского и его товарищей.

Телеги мчались быстро, и я смею утверждать, что в заспанной Турции никто до этого – ни почта, ни султанов человек – не преодолевал такое большое расстояние за несколько часов. Достаточно напомнить читателям тот факт, что от Ловеча до Тырнова конвой ехал всего 5-6 часов, тогда как обычно доезжают за 12 часов.

*Юшурджи (тур.) – сборщик налогов.

¹Самое отвратительное отделение Ловечской тюрьмы, знакомое многим бунтовщикам.

²Железное кольцо, запирающееся на шее, через которое продевают цепь.

В телеги было запряжено по четыре лошади, их меняли по дороге несколько раз. Ехали тайком, ночью, в сопровождении большого конвоя из полицейских и солдат, и это показывает еще раз, как высоко ставило турецкое правительство нашего героя, как боялось, что болгарское население поднимется освобождать своего юнака. Я не нахожу другого объяснения, почему надо было ехать ночью. Наоборот, насколько я знаю турок, поработивших нас на пятьсот лет, они почитали за особое удовольствие, поймав какого-нибудь комиту, провезти его по городу, как можно более торжественно и по самым людным улицам. Например, Каблешкова и Найдена поп Стоянова, которых взяли в 1876 году, привезли в Ловеч в полдень, впереди шла музыка – скрипки и зурны; надетую на кол, украшенную изображением льва и павлиньими перьями голову Бенковского в том же году пронесли через весь город Орхание, показали даже узникам, чтобы произвела на них должное впечатление; это парадное шествие возглавлял поп Кирилл с крестом в руке. Юнаков из Ботевой четы: Н. Обретенкова, Савву Пенева, Руско Роберта, Ивана Кожухарче, Димитрие и других, многочисленные полицейские вели в Тырново, но конвой нарочно остановился в Балванска-Махалле* среди бела дня, для того, чтобы войти в Тырново следующим утром, когда там соберется базар – всем их показать.

Но так было позднее, когда вызов уже был брошен и жизнь десятка болгар оценивалась в горсть пороха. В 1872 году, однако, все было по-другому. Турция тогда еще пеклась о своем авторитете, еще считала болгар своими верными и благонадежными подданными.

Когда Левского поймали, из Ловеча полетели ликующие телеграммы во все вилайеты, мутюсарафлыки,

*Балванска-Махалла – ныне село Балван, неподалеку от Велико-Тырнова.

каймакамлыки, мудюрлыки*. Я оказался в Русчуке, когда там была получена такая депеша, это было 27 декабря, разу после ареста Левского. Случилось так, что ее получил болгарин, телеграфист Петр А. Он тут же сообщил об этом Иванчо И., не зная, что он тоже заговорщик и член комитета. Телеграфист преступил свою клятву о неразглашении не из патриотических побуждений, а потому, что хотел выдать свою сестру за Иванчо и стремился всячески заслужить его расположение. Разумеется, Иванчо тут же известил своих единомышленников, которые предприняли меры предосторожности.

Глубокой ночью, около четырех часов по турецкому времени, наши путники отправились из Ловеча, сопровождаемые 20 верховыми полицейскими, да еще по несколько конвоиров сидело на каждой телеге. Никто в городе, кроме турок в конаке, не знал об этой поездке. Христо Цонева и Николчо Бакырджию посадили на одну телегу, связанных, опутанных тяжелыми цепями, на другую посадили Левского, рядом с ним сел полицейский начальник. Примерно в семь конвой прибыл в Севлиево, час ушел на замену лошадей, потом снова двинулись к Тырнову.

Зачем понадобилось везти Левского в Тырново только на два-три дня, если в Софии уже заседала следственная комиссия, сказать не могу. В Севлиеве к конвою прибавилось еще несколько полицейских, так как турки боялись, что в местности Кална-Кория на них нападет болгарская чета, хотя этого не могло случиться по многим причинам и прежде всего из-за холодной зимы, которая не благоприятствовала подобным подвигам, и из-за того, что никто в окрестных селах еще не знал о поимке юнака.

*Вилайеты, мутюсарафлыки, каймакамлыки, мудюрлыки (тур.) – области, округа, уезды, общины в Турецкой империи.

Телеги неслись, словно птицы, по промерзшей дороге к Тырнову. На рассвете они были уже за Кална-Корией, и только тогда турки перевели дух. Проехали мимо Ново-Села, родного места Матея Преображенского, где Левский бывал много раз, проехали и село Леденик и достигли тырновских виноградников. В Тырнове уже знали о предстоящем приезде дорогого гостя. Уже давно пьяные эфенди свернули свои бритые шеи, глядя в сторону Марина поля, откуда должен был появиться конвой. Турецкие кофейни вдоль севлиевской дороги были забиты молодцами, нетерпеливо хлебавшими свой горький кофе.

На краю виноградников две почтовые повозки, специально посланные, поджидали Левского и его товарищей. И это еще не всё. От большого ума турецкие власти послали в виноградники почти половину конного полка, всадники окружили наших героев с четырех сторон и торжественно препроводили их в город. Двести человек войска, вооруженного револьверами и винчестерами! И все это из-за трех кандальных, вернее – из-за одного! Видно, турки боялись и тырновцев, как бы те не попытались освободить юнака, а тырновцы-то и не знали толком, кто пойман – Левский или отец Матей Преображенский.

Арестованных провезли через тырновскую торговую площадь. Стар и млад вышли на Белую Бонину улицу и на Баждарлык, чтобы посмотреть на страдальцев. В первых рядах стояли турчата и турчаночки и кричали:

– Бунтовщики неверные!

За ними выстроились их отцы, которые заплевали себе бороды, исходя бранью. Наши болгары, весь торговый люд, лишь высовывали головы из своих лавок.

– Я к месту прирос, когда увидел, что один из связан-

ных – мой брат, другой – мой двоюродный брат, а третий – Васил Левский, – рассказывает Христо Иванов. – Я смотрел и смотрел на Левского, чтобы наглядеться на него в последний раз. Он был замотан в шерстяную накидку, голова – перевязана. Увидев меня среди народа, он слегка кивнул в знак приветствия, глаза его наполнились слезами...

Повозки остановились перед самым конаком. Из окон его едва не вываливались разные эфенди, уже готовые распорядиться судьбой юнаков.

В Тырнове допросы велись куда строже и подробнее, чем в Ловече. Не только нашего героя, но и его товарищей держали по нескольку часов, вытягивали у них признание, что они его единомышленники. Власти все еще не были полностью уверены, что поймали именно Левского. Христо Цонев твердил, что принимает на своем постоялом дворе каждого, кто постучится; а Николчо клялся и божился, что он мастеровой, что отправлялся в Тырново закупать медь, а этого незнакомца повстречал у ловечских виноградников.

Трижды подолгу допрашивали нашего героя, но он все не признавался, что он – Левский. В конце концов, все-таки был вынужден сказать правду.

– Признался я, – сказал он ночью после допросов своим товарищам. – У пашы оказались такие документы, что отпираться дальше было бессмысленно. Больше всего заседали на меня Стефан Карагёзоглу и еще один болгарин.

– Может, ты мне не веришь, потому что я турок, – говорил Левскому паша, – тогда пусть эти уважаемые чорбаджии – ваши болгары – заверят тебя: султанское правительство не имеет плохих намерений насчет тебя.

Карагёзоглу и тот второй низко поклонились и начали подобострастно и красноречиво распинаться, заверяя героя, что это, мол, так. Разумеется, он лишь

глянул с презрением на их полутурецкие грязные физиономии, и если признался, то не их красноречие было тому причиной, а документы, как я уже сказал.

Левский обратился к паше:

– Я Васил Левский, называют меня Дьяконом. Я не разбойник, каким вы считаете меня, но человек, как вся ваша рая, с одной только разницей – я люблю свой народ, а это ни для кого не грех. Тяжелые времена, муки моего народа, вторжение на нашу землю всевозможных европейских спекулянтов, которые исподволь завладели всей Османской империей с помощью своих железных дорог и фабрик, то, что как докторов, инженеров и т.п. предпочитают именно их, а не болгар, среди которых немало достойных, но презируемых властями, – все это принудило меня пойти в народ, чтобы открыть ему глаза на ту пропасть, что давно разверзлась перед ним¹. Вместо того чтобы помочь мне, власти начали преследовать меня как разбойника. Гонимый и преследуемый, я постепенно стал притчей во языцех, человеком, опасным для всех, тогда как на самом деле я не причиняю зла никому, я только хотел разбудить свой народ, пока его не купили хитрые европейцы. Сперва у меня было намерение предстать перед султаном, рассказать ему о болях народных, но, когда про меня пошла дурная слава, я отказался от этой мысли. Вот моя цель, так думает и весь болгарский народ, и если это – преступление, вам остается распорядиться...

Так сказал Левский и опустил голову.

Разумеется, он не раскрыл до конца свою цель и убеждения, хотел, наверное, сказать не чистым болгарским патриотом и бунтовщиком, а космополитом и

¹Если бы сейчас болгарский патриот мог встать из могилы и увидеть, до чего докатилось его отечество, в котором нет уже ни султана, ни тырновского паши...

в некоторой степени поклонником босфорского солнца, дабы избежать таким образом петли. Но перед софийской комиссией, как мы увидим, он говорил совсем другое.

Тырновский паша ответил, что вполне согласен с его взглядами, однако, пока в стране есть законное правительство, ни он, ни какое другое частное лицо не имеют права печься обо всем этом.

– Это дело государства и султана, милейший, – добавил он.

Мы приветствуем либеральные взгляды тырновского паши. Окажись на его месте христианский правитель, какой-нибудь губернатор, чье служебное рвение приучило его думать и судить по букве и параграфу закона, согласно предписаниям свыше, его милость возмутился бы ответом Левского и тот час же прикрикнул бы на него: „Побольше уважения и почтения к правительству!“

Наш герой оставался с непокрытой головой, так как потерял шапку у плетня на Кыкринском постоялом дворе. Паша принес ему свои извинения и сказал, что, если Левский не против, он купит ему феску или папаху.

– Я хочу феску, – сказал Левский.

Было принесено несколько фесок различной формы, чтобы Левский мог выбрать на свой вкус. С вечера 26 декабря у него во рту не было ни крошки. В темницу к Левскому вошел стражник с богатым подносом на голове, он поставил перед героем различные соблазнительные блюда.

– Это вам посылает его превосходительство паша эфенди, – сказал он и вышел.

Левский притронулся раз-другой к угощению и отодвинул его. Он молчал, вздыхал тяжело, не смотрел

ни на кого. Может, кто подумает, что он испугался виселицы, которая уже вставала перед ним во весь свой устрашающий рост? Прочь такие мысли! Васил Левский не боялся ничего, но он испытывал стыд оттого, что попался живым в руки неприятеля, что его перевозили из города в город, что пьяные чалмы и „крещенные турки“ куражатся над ним, и, наконец, сердце его болело из-за того, что пропадает святое дело, освобождение Болгарии от рабства отдалается на многие годы. Все это не только мои собственные выводы, об этом говорили мне и его друзья.

В тюремное помещение вошел начальник стражи и приказал всем сидеть смирно, не разговаривать с тремя новыми заключенными, не беспокоить их¹.

В эти же дни наши заговорщики в Тырнове решили созвать внеочередное заседание, чтобы обдумать, как освободить юнака, если вообще это возможно. Но на заседание пришло только три человека: Христо Иванов, Иванчо хаджи Димитров и Христо Караминков. И так, и сяк судили и рядили они, но из-за того, что их было так мало, решили всего-навсего поджечь конак. Двое подбросили запалы к зданию, но те упали на пустое место и конак не загорелся. На следующий день собралось больше заговорщиков, однако Левского уже не было в Тырнове, он летел с турецким конвоем к Кална-Кории.

¹Турки не смели поместить Левского в отдельную комнату, они боялись, что он покончит жизнь самоубийством. И на этот счет поп Крыстю просветил их!..

В темные предрассветные часы, когда столица старых Асеновцев* спокойно спала и только Янтра журчала под прозрачным льдом, по Марино полю катила телега с нашим героем. Двадцать полицейских окружали ее, проклиная гяура, из-за которого им пришлось нарушить свой сладкий сон. Некоторые время от времени затыгивались толстыми сигарками, чтобы взбодриться, и огоньки, словно звезды, светились в ночной тьме. Закутанные в шарфы фигуры полицейских придавали картине еще большую мрачность. Когда телега поравнялась с Сарафидевской фабрикой, наши путники поняли, что опять едут в сторону Севлиева.

День святого Василия, первый день нового 1873 года, застал путников в Севлиеве. Там они находились несколько часов, пока отдыхали лошади, и снова тронулись в путь с той же поспешностью. В Ловече оставались до полуночи. Ни в Севлиеве, ни в этом городе не было тяжелых допросов. В четыре часа ночи по турецкому времени, с той же таинственностью, как и из Тырнова, они выехали из Ловеча и в восемь прибыли в Плевен. Должен сказать, что в каждом городе рану Левского осматривали доктора или турецкие лекари. Так было и в Плевене, власти позвали одного такого лекаря, который в присутствии нескольких высокопоставленных эфенди тщательно осмотрел и промыл рану героя. Ни грубых ругательств, ни личной ненависти. Каждый почитал за счастье приблизиться к Левскому, сказать ему несколько слов, не злобных, разумеется.

2 января конвой вошел в село Луковит, там остановились на ночлег, утром отправились в Орхание. Маршрут был выбран так, чтобы в этот город они во-

* „...столица старых Асеновцев“ – Велико-Тырново.

шли в четыре часа по турецкому времени, т.е. в полночь. Там их давно ждал военный отряд из 200 всадников, которые должны были сопровождать юнака дальше через леса. Разумеется, все делалось из страха, как бы болгары не напали на конвой. Начальник орханийской полиции также распорядился воздать приличествующие почести герою, весьма часто навещавшемуся во вверенную ему округу, герою, о котором слышал так много историй от своих подчиненных. Пока лошади отдыхали, он уговорил начальника конвоя отпустить на несколько минут „комит“ в конак, чтобы и они отдохнули и согрелись. Гостеприимный полицейский начальник вышел к своим гостям не с пустыми руками. Он устроил нечто вроде завтрака, или, говоря по-нашему, пригласил на кофе. Один из молодых писарей, в черном à la турка пиджаке подал на маленьком подносе три зажженные сигары и три чашки черного кофе. Левский кофе выпил, от сигары отказался, он не употреблял табак. Начальник, которому не терпелось начать разговор, стал задавать самые обычные вопросы.

– Тебя зовут Василем Ивановым? – при этих словах он натянул свою бороду, словно тетиву.

– Да, меня, – ответил Левский.

– И Левским тоже тебя кличут? – спросил его благородие.

– Да, меня.

– А Дьяконом?

– Меня же.

– Ты гляди! Сколько у тебя имен, – сказал начальник полиции и покачал головой. – У тебя был хороший конь, куда девал его? – добавил он, как будто Левский был не арестантом, а почитаемым чорбаджией. – Помню, как-то ты мелькнул на нем передо мной и умчался, словно орел. Так и стоит у меня перед глазами этот конь!

– Это дела минувшие, – ответил наш герой на полицейские любезности и отвернулся в сторону.

Пока в конаке шла эта беседа, на дворе вовсю готовились к тайной ночной экспедиции через Балканские горы. Туркам казалось, что опасность нападения со стороны заговорщиков была там наиболее реальной. Подогнали две телеги, солдаты окружили их со всех сторон стеной, чтобы ни один любопытный взгляд не мог проникнуть сквозь нее. Но откуда было взяться любопытному взгляду, кто решился бы ночью приблизиться к конаку, за забором которого мелькали темные фигуры, всхрапывали лошади и звякали длинные кавалерийские сабли! Все это вместе гарантировало тайну, но турки не ленились, когда надо было предпринимать меры предосторожности, они понимали, кого приставлены стеречь. Под прикрытием этих стен из людей, лошадей и винчестеров шесть костлявых рук подхватили нашего героя под мышки, усадили его на одну из телег. Заметьте, и это делалось тайно даже от его товарищей, которые до самой Софии не знали, где Левский! На телегу вместе с героем сели трое полицейских с ружьями наготове, они держали концы опутывающих его цепей. На спину Левскому накинули полицейский плащ, это тоже было сделано преднамеренно. Николчо и Христо посадили на другую телегу.

Ночью, в пять часов по турецкому времени, конвой отправился в Софию, впереди, сзади и по обе стороны от телег ехали верхом 250 солдат. Стук тысячи конских копыт сотрясал замерзшую землю. Грозное и страшное эхо ревело в Балканских горах, казалось, рев этот заглушал топот копыт. Все молчали. Возницам было запрещено даже понукать коней обычным „пошел“... Рано утром 4 января конвой ступил на грязные улицы Софии. Здесь Левского окончательно отделили от то-

варищей. Он понял уже, что ему не спастись, поэтому улучил минутку и дал наказы Николчо Бакырджии.

– Со мной все кончено! – сказал он. – Боюсь, как бы не пострадал Христо Цонев, ведь и его знает Димитр Обшти, а ты останешься на свободе. Передай привет братьям и друзьям. Пусть простят, если я чем обидел или рассердил!.. Скажи им, что мне выпала тяжелая доля. Пусть ничего не страшатся, я всеми силами буду стараться уберечь их. Попытайтесь отнять у попа Крыстю комитетские деньги, они – пот народный. Скажи Николчо Сиркову, что я послал 3000 грошей на покупку оружия; остальные комитетские деньги пусть вернет беднякам, у которых они взяты. Что до прочего комитетского имущества – печатей, бумаг, писем и т.д., пусть ищет способ переправить их Каравелову в Бухарест. Они вам еще понадобятся... Прощай!..

Слезы покатались по измученному лицу героя, когда он кончил говорить.

IV

По поводу софийского приключения, которое нарушило дурманный покой босфорских берегов, в Софию была послана комиссия для изучения положения дел на месте. Кроме Мазхар-паши*, в этой комиссии участ-

*Мазхар-паша – правитель Софийского округа, руководил следствием по делу о нападении на почту под Орхание и вообще раскрытием революционной организации. Специальная комиссия, назначенная турецким правительством, играла роль суда. Точный состав этой комиссии таков: генерал Али Саид-паша – председатель Государственного совета, майор Шакир-бей – из генерального штаба, Хаджи Иванчо хаджи Пенчович и дополнительные члены: хаджи Мануил Стоянов, Пешо Тодоров, Дервиш Мустафа и Садулах Сари. Трое болгар – дополнительных членов входили и в руководимую Мазхар-пашой следственную комиссию.

вовал и один наш болгарин, известный своим испорченным нравом – хаджи Иванчо хаджи Пенчович из Русчука. Назначая его в эту комиссию, турецкое правительство надеялось на двойной выигрыш. Во-первых, болгарин мог скорее расположить к себе арестованных и обвиняемых в бунтарстве соплеменников, Европе тоже затыкали рот: в следствии участвовал болгарин, который никогда не пожелает зла (?!) своим. Во-вторых, власти знали подлую натуру этого чиновника и то, что он давно ищет случая продвинуться по службе, софийское приключение было ему на руку, он наверняка будет более жестоким и недобросовестным, чем сами турки.

Перед этой комиссией наш герой говорил гораздо смелее, чем в Тырнове. Он обрисовал страдания болгарского народа во всей их наготе.

– Вздернете меня на виселице – на мое место встанут сотни людей, куда смелее и дерзновеннее, – сказал он.

Когда на очную ставку с Левским привели Димитра Обшти, наш герой плюнул ему в лицо, назвал предателем и простым разбойником. Целый месяц Левского строго допрашивали в Софии. Ему задавали тысячи вопросов, спрашивали о многих лицах в Болгарии и Фракии, доказывали документально, что он действовал вместе с тем или другим, но Левский оставался непоколебим, он сдержал свою клятву. Всю вину он брал на себя, а если делил, то со всем болгарским народом.

Более подробных сведений о допросах Левского в Софии у нас нет*. Тот, кто вел допросы, по всей вероятности, знает больше всех, он живет и по сей день в том же городе, решает судьбу болгарского народа,

*Сведения о допросе Левского содержатся в работах более поздних исследователей, например, в труде „Васил Левский и его сподвижники перед турецким судом“, С., 1952 г.

как и во времена полумесяца, когда вешал своих братьев. Я говорю о хаджи Иванчо хаджи Пенчовиче, который подписал решение о казни Левского.

Я долго раздумывал, не попросить ли у него некоторые сведения, пытался забыть прошлое, боролся с собой, желая примириться с тем принятым мнением, что всё прощается человеку, что бы он ни сделал, если при этом он угодил начальству, которое ему платит. Но напрасно. Передо мной вставала страшная виселица, казалось мне, что я вижу тень покойного, что он кричит: „Не оскверняй память обо мне. Не проси помощи у того, чьи руки забрызганы моей кровью!..“

И, кроме того, я даже представить себе не могу, что этот крещеный турок, этот низкий, не имеющий чести человек способен дать добросовестные сведения тому, кто пожелает узнать что-нибудь о последних минутах нашего героя. Он предстанет перед вами самым горячим патриотом, будет охать и ахать пуще вашего об участии юнака, кого-де жалел и кому-де пытался хоть чем-то помочь.

Рано утром 6 февраля 1873 года у конака наблюдалось необычное оживление. Было построено целое отделение полицейских с полной выкладкой, будто они собирались в поход. Спустя некоторое время из тюрьмы выехала повозка с нашим героем, окруженная сотней штыков и сабель. Повозка направлялась к приготовленной уже виселице, но на лицах турок радости не было. Вместо молодецкого тела, содрогающегося в конвульсиях, на виселицу будет вздернут холодный бесчувственный труп, а это не могло дать ожидаемого удовлетворения кровожадным палачам, им не увидеть потухающего взгляда орлиных глаз. Наш герой покончил жизнь самоубийством. После того, как зачитали решение комиссии о казни, его вернули в тюрьму. Там

он принялся изо всех сил биться головой о каменную стену, пока не упал без чувств. Бездыханным и нашла его стража, когда пришла, чтобы вывести его на казнь. Лишь по едва уловимым признакам можно было догадаться, что душа еще не покинула это многострадальное тело... Останки юнака похоронены в Софии...

Вечная память тебе, великий мученик!

...Васил Левский умер 35 или 36 лет от роду. Роста он был чуть ниже среднего, плотного сложения, лоб имел очень широкий, лицо овальное, приятное, глаза голубые, усы тонкие, светлые, почти белые, волосы тоже светлые. Сначала, до преследований, был очень крепким и здоровым, потом постепенно стал сдавать. Он понимал важность своей задачи, поэтому жил по строгим правилам. Ракию, вино и табак в рот не брал; про нежный пол и другие земные радости речь не заводил и другим об этом не позволял говорить при себе. Знал языки: болгарский, сербский, румынский, и очень немного – турецкий. Занимаясь своим многотрудным делом, выкраивал время, чтобы почитать. Больше всего читал газеты Л. Каравелова, которые приносили ему тайные курьеры, и газету „Македония“* Славейкова.

Великими смутами, свидетельницей которых стала Болгария через несколько лет после смерти Левского, мы в огромной степени обязаны ему. Если бы он не разбудил дремавший дух болгар, не было бы у нас Апрельского восстания. Я участвовал в подготовке этого восстания и видел, как народ был настроен на борьбу со времен покойного Дьякона – отца всех апостолов.

*Газета „Македония“ (1866-1872) – самая значительная болгарская газета, выходившая в Турции, имела демократическую направленность.

– Знал ли ты Васи́ла Дья́кона? Он сказал то-то и то-то, – говорили крестьяне везде, где жива была память о герое.

В IV повстанческом округе (Панагюриште) апостолы 1876 года пошли по проторенным Дьяконом дорогам и старым явкам. Ему мы обязаны учреждением всех тайных комитетов в Болгарии, он воспитал первых борцов за свободу и т.д. и т.п. Я прошу всех болгарских историков, которые пишут нашу новую историю, взять обратно слова о том, что тайные комитеты были созданы Раковским и другими, – это неправда. Раковский и прочие деятели, ходившие по Болгарии с агитационными целями, встречались только с некоторыми известными и богатыми болгарами, иногда и с владыкой, разговаривали с ними о том, о сем, и ничего более. Массы, тот самый болгарский народ, не знали ничего о тех словах, которыми они между делом перекинулись. Раковский, правда, печатал в Румынии и Сербии различные балканские законы и прокламации, но их читала только горстка болгарских эмигрантов.

Беспристрастному историку, который будет изучать эпоху Левского спустя тридцать лет, разумеется, придется определить его место в нашей истории. К нему и обращаюсь я в надежде, что тогда в адрес тех, кто преследовал и предавал героя, будут раздаваться только проклятия, сегодня же их считают „благоразумными и честными гражданами“ на зло и в противовес всему подлинно честному и чистому...

Пока, однако, пусть читатели не требуют от меня беспристрастной оценки. Как бы я ни уговаривал себя оставаться лишь толкователем фактов и проверенных картин, я не смог удержаться и обронил кое-где несколько слов своих суждений и заключений. Признаю вред такой необъективности, но что я могу поделать?

Все мы простые смертные. Когда в сегодняшнем грязном болоте возникает вопрос, кто герой – честный человек, честный мученик за идею и убеждения или подкупленный шпион и предатель, обманувший даже господ бога, так вот, в сегодняшнее время, говорю я, когда боишься, как бы не учредили в скорости орден „За шпионство“, когда весь мир называет хаджи Иванчо обыкновенным человеком, Григория Доростолчервенского – пастырем, Арnaudова и Севастаки* – патриотами, странно же будет выглядеть тот наш современник, который зажмурит глаза перед всем этим позором и крикнет в экстазе: „Да здравствует Болгария!“...

*Христо Арnaudов – цензор и шпион, состоял на турецкой службе; Севастаки эфенди – судья в Видине, прославившийся своей несправедливостью.

ЭПИЗОДЫ ЖИЗНИ И ПИСАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЮБЕНА КАРАВЕЛОВА

Речь к вечеру памяти писателя, состоявшемуся 3 марта в Пловдиве

Позвольте мне, уважаемые господа, сказать сначала несколько слов глубокой признательности за ваше рвение, побудившее вас удостоить своим присутствием этот скромный вечер. Пусть не покажется вам странной эта моя любезность. Вспомните, что вот уже пять лет, как мы называем себя свободным народом, у которого есть свои мыслящие люди, своя интеллигенция, но этот вечер первый, когда мы собрались на истинно народный праздник, собрались почтить память одного из наших великих мужей. По правде сказать, и дня не проходит, чтобы мы не кричали *ура* и *да здравствует*, но надо ли мне говорить вам, что эти *ура* были авансом, что мы насиловали свои чувства в угоду одному или другому из сильных мира сего, в угоду чужим интересам и политике, как выражаются наши государственные мужи. Здесь, на этом вечере, не будет политики и угодничества, следовательно, не будет и продажных чувств и *ура*. Мы поговорим друг с другом как болгары, будем делать то, что делал наш дорогой соотечественник Л. Каравелов. Больше ничего.

3.III.1885 г. на вечере, организованном учениками Пловдивской гимназии, М. Лазаров зачитал речь, написанную Захарием Стояновым. Вечер состоялся в салоне „интернационального“ театра „Люксембург“. В том же году речь была опубликована в газете „Южна България“ и издана отдельной книгой.

Герой, виновник того, что мы собрались сегодня в этом интернациональном здании, родился в чисто болгарском селе Копривштице, отец его был Стойко Любенов, а мать – Неделя Доганска.

В 1837 г., в ноябре*, увидел он впервые свет божий. Любен рос, развивался, учился в тогдашней болгарской школе, готовил себя, по подсказке и с помощью родителей, не к поприщу болгарского литератора, беллетриста, поэта и революционера, он готовился стать бегликчией, сельским богачом, а может быть даже и пловдивским чорбаджией.

Должен вам сказать, что в то время слава маленького села Копривштицы начинала уже распространяться, особенно явственно ощутили ее в Пловдиве. Родные Л.К., выходцы из Копривштицы, составляли, если хотите, высший свет этого города. С их словом считался паша, они предводительствовали среди пловдивской аристократии, и, наконец, они были официальными заступниками для бедных и угнетенных.

Любену было 18 лет, когда его богатые родители и родственники решили, что ему уже пора пообтесаться, познакомиться со знатными и богатыми людьми, посмотреть, что делается за пределами Копривштицы. Какими были родители, таким должен был стать и их сын, то есть если они были самыми богатыми бегликчиями в Копривштице, то и он должен был стать богатым бегликчией – и никем другим. По тогдашним понятиям и взглядам, городом, в котором должен был набираться ума-разума Любен, мог стать только наш Пловдив с его греческо-скупердяйской цивилизацией. Наши богачи того времени по своей простоте думали, что тот, кто не знает греческого, кто не может разговаривать с греческим деспотом-эфенди на его родном языке, – скот, человек лишь наполовину.

Итак в один прекрасный день виновник сегодняш-

*Л. Каравелов родился на самом деле в октябре или ноябре 1834 г.

него собрания отправился в Пловдив, покинув родное село Это путешествие, как и свое пребывание в цивилизованном Пловдиве, он описал на русском, а потом и на болгарском языке в книге *„Записки о Болгарии и болгарах“*^{*}. Место и время не позволяют мне, не то я ознакомил бы вас, уважаемые господа, с этим оригинальным описанием, в котором проявились тонкая наблюдательность, юмор и поэтическое дарование Каравелова. Самое большое внимание он уделил тогдашнему греческому элементу, и прежде всего его, так сказать, высокопоставленному и образованному классу. Не забыл он ни знаменитый в то время Бунарджик^{**} с его кофейнями, где подавали горький кофе, и песнями пловдивских турчанок; ни праздник святой Петки в Тепалты^{***}; ни павликянские вербы и монастырь святого Кирика, где проводила время в праздности греческая аристократия.

Тяжело и невыносимо было ему с его чисто болгарской душой, невинными копривштенскими понятиями здесь, в Пловдиве, заучивать и выговаривать прилежно: кира кокона, кир Янко^{****}... Должен вам сказать, что, стремясь цивилизовать его, дать ему тонкое воспитание, да такое, чтобы не осталось в нем ничего болгарского и копривштинского, родители отдали его жить в греческую семью, в самую сердцевину греческой махаллы, неподалеку от церкви святой Богоро-

^{*}Впервые эта книга вышла на русском языке под заглавием „Из записок болгарина“ в „Русском вестнике“, который издавал М.Н. Катков, т.68, 1867 г. На болгарском она была опубликована в газетах „Независимост“ (1874) и „Знаме“ (1874-1875), а также в журнале „Знание“ (1876-1878).

^{**}Бунарджик – самый высокий из пловдивских холмов, сегодня это Холм Освободителей, где установлен памятник Советской Армии.

^{***}„...праздник святой Петки в Тепалты“ – праздник пловдивской церкви святой Петки, который проводился на поляне Тепалты.

^{****}„...кира кокона, кир Янко“ (греч.) – уважаемая госпожа, господин Янко.

дицы. Сам кир Янко Ушаكلي, а именно к нему привели Любена, и его благоверная кокона взяли на себя обязательство сделать из него человека по греческо-пловдивской мерке. Чтобы сразу же не произвести плохое впечатление в этом аристократическом доме, Любен, по наказу родителей, должен был еще до въезда в город принять более благородный вид: „В Кыршияке я снял свои копривштинские штаны и контош*, сменил их на греческую одежду, натянул синие чулки и нахлобучил лиловую феску“, – говорит Каравелов в своих воспоминаниях. Когда он вошел впервые в дом кира Янко, тот сидел, словно некий паша, на деревянном топчане, на нем был желтый халат, в руке – наргиле. „Ты должен слушаться кокону, никому не перечить, смотреть в оба, если хочешь стать человеком“, – сказал кир Янко Ушаكلي и затянулся из своего наргиле.

Первейшие обязанности Любена в доме Янко были таковы: 1) покупать печенку для кошек в кыршиякских мясных лавках; 2) чистить наргиле хозяина, подносить ему огонь; 3) следовать по улицам за коконой Янковицей; 4) покупать ей кизил на варенье; 5) стоять смиренно и прислуживать, когда в доме гости и т.д.... „Эти высокообразованные греки или грекоманы смотрели на меня, как на бездомного щенка, которого можно прогнать, а можно и осчастливить, но уж тогда-то должно ходить перед ними на задних лапках, служить, они же будут потешаться над простодушной невинностью и т.д. и т.п.“

Правда, ему выпало счастье услышать несколько ласковых слов, не из уст важных купцов или какой-нибудь старой богомолки, а произнесенными черноглазыми соседками кира Янко или самой его дочерью. „Ах почему ты не знаешь по-гречески, почему ты родился болгарин? Черные брови да алые губы запрещено иметь болгарам!“ – говорили молодые клеопатры, а я

*Контош – верхняя одежда типа куртки.

сидел подле них, ни живой, ни мертвый“, – пишет Каравелов. А у него было и то, и другое – и алые губы, и черные соболиные брови.

Родители его рассказывают, что, когда он вернулся в Копривштицу, они обнаружили в его вещах кольцо с драгоценным камнем и другие предметы, которые дарят в знак любви. И в самом деле, еще немного, и его имя „Любен“ превратилось бы в „Леонидис“, будь он чуть малодушнее, не испытывая он такое отвращение к наргиле кира Янко и к его широкой фустанеле*.

Два года он посещал греческую школу, но насколько это было ему по сердцу, можно судить по тому, что он не усвоил даже разговорный язык. В другом отношении, однако, Пловдив, его роскошная митрополия с ее *подбритыми* дьяконами в атласных рясах, соседки из махаллы и т.д. оставили глубокий след в его душе. Здесь, как нигде более, у него была возможность познакомиться с чорбаджийской нравственностью, с греческим благоприличием и вообще с городской деморализацией. Здесь он оценил *чистоту* своего родного села Копривштицы, незабрызганного пока еще грязью пороков; здесь он познакомился с византийским при творством; все это было не бесполезным для него. Достаточно напомнить вам, что только благодаря Пловдиву, бачковским монахам** и бунарджикским бездельникам он написал пять-шесть повестей, действие в которых начинается или заканчивается в этом городе. Это – *Божко*“, *Осиротевшее семейство*“, *Все кончено*“, частично *„Маменькин сынок“* и др. Если бы он не жил в Пловдиве, если бы ему не пришлось ходить следом за коконой Янковицей, чистить наргиле ее благо-

*Фустанела – верхняя одежда у греков, типа юбки.

**„...бачковским монахам“ – монахи из Бачковского монастыря, близ Пловдива.

честивого мужа, мы не узнали бы *кира Гушу Сотираки Симитчи-оглу и отца Дионисия*. Талант творца становится полнее, приобретает новые грани, если творец сам увидел и испытал все, изучил человеческую натуру и сердце не в библиотеках, не в салонах, где все – фальшиво, а в подлинной и грубой действительности.

Из Пловдива Л. Каравелов вернулся к отцу и вместе с ним изъездил всю Болгарию, часть Македонии и Сербии, шопский край*, побывал на всех известных ярмарках. В этом путешествии он выглядел бравым бегликичей, с шарфом вокруг шеи, в безрукавке, за поясом – пара пистолетов, верхом на чистокровном жеребце. Он скупал баранов и прочий скот, но все же нашел время сделать кое-что и для общего блага. Именно после этой поездки родился бесценнейший сборник песен, загадок, пословиц и пр., который потом был издан на русском языке под названием „Быт болгар“**. Странно и *необъяснимо* – кто надоумил его в те мрачные времена изучать болгарскую жизнь, уж никак не пловдивская школа, которая не могла внушить ему такую мысль. Путешествуя, он изучил болгарский народ вблизи, до тонкостей. Поездка эта состоялась в 1857 году.

Неизвестно, по каким соображениям и причинам после греческой школы Любен оказался в городе Одрине, в затхлой абаджийской мастерской; и вот мы видим его согнутым в три погибели, с тонкой иглой в руках, которой он то и дело колол себе пальцы, пытаясь овладеть ремеслом. Здесь он готовился к портновскому поприщу, вероятно, по решению родителей, которые хотели видеть его впоследствии богатым чорбаджией в каком-нибудь глухом азиатском городке. О, каким несчастьем для болгарского народа было бы это, осуществившись *мещанская идея!* Тогда мы не имели

*Шопский край – область в Западной Болгарии.

**Речь идет о книге Каравелова „Памятники народного быта болгар“, изданной в Москве в 1861 г.

бы ни „Свободы“, ни „Независимости“, ни „Знания“, ни „Станы“, ни „Главчо“*, ни целой эпохи – эпохи идеалов, самопожертвования, эпохи, ставшей самой яркой страницей нашей народной истории!..

Каравелов оставил абаджийский наперсток и тяжелые габровские ножницы, и вот мы видим его в османской столице – сидит в торговой конторе и записывает в кассовую книгу, сколько взял. Верю, уважаемые господа, что это взял знакомо вам по повести „Маменькин сынок“, там говорится: „Колю дал, Колю взял“. Как видите, наш талантливый писатель извлекал пользу и из сухих нулей, и из толстых приходных книг, и из торговых сделок.

В Царьграде ему пришло в голову, что можно поехать в чужие земли, где есть школы получше Пловдивской учителя Ксанта, он слышал, что из этих школ выходят не торговцы, а люди гораздо образованнее. Каким был дух той эпохи, что было идеалом тогдашних молодых людей, жаждущих науки, как удалось Любену поехать в Россию, – объяснять не стану, ибо здесь этому не время и не место, как я уже говорил. Скажу только, что и тогда мы его чуть было не потеряли, так как протестантские миссионеры из английской школы на острове Мальте были уже готовы заарканить его**. Но не подумайте, что, говоря „чуть было не потеряли“, имею ввиду именно протестантство. Нет. Заделайся Любен не то что протестантом, буддистом даже, все равно он остался бы Любеном Каравеловым. Я имею ввиду то, что на Мальте, где были собраны бездари со всего света, которые готовились стать проповедниками и толкователями библии, Любен пропал бы

*„Свобода“, „Независимость“ – газеты, „Знание“ журнал, издаваемые Каравеловым, „Стана“ и „Главчо“ – его произведения.

**Каравелов собирался поступить в школу англо-саксонских протестантских миссионеров на острове Мальте.

среди стихов и глав библейских. Не так было в России. Туда, об этом я расскажу позже, он попал как раз вовремя и всецело окунулся в жизнь самого благородного, честного и интеллигентного слоя великого русского народа.

Но вернемся снова к сухим фактам и датам. В августе 1858 г. Любен Каравелов, воспитанник Янко и Янковицы Ушаклийки, одринский абаджия и т.д., приветствовал белокаменную Москву с ее высокими церквами и колокольнями. Вместе с одним своим товарищем, уроженцем Пловдива, он рвался в военное училище – самое вожделенное место для всякого молодого болгарина, современника Крымской войны. Ходили двое друзей по многолюдному городу, расспрашивали, потом пытались сдать экзамены, в конце концов им было сказано, что они должны подготовиться с репетитором по русскому языку и некоторым другим предметам, прежде всего по математике – первейшей из военных наук.

Этим репетитором стал не кто-нибудь, а выходец из Панагюришта Теодоров, известный многим в Москве как человек строгого расчета, обладающий глубокими познаниями в математике. Товарищ Любена, парень практического склада, выдержал испытания до конца, чего нельзя сказать о нашем будущем писателе. Как только он дошел до алгебраических задач и геометрических формул, сердце его остыло и к военному мундиру, и к блестящему будущему. Его товарищ уже слушал лекции по фортификации и тактике, а Любен сидел запершись в бедной каморке и готовил материалы для своей книги „Памятники народного быта болгар“.

Должен сказать, он не посещал регулярно ни гимназию, ни университет. Многие пишут и говорят, что он окончил историко-филологический факультет, но это

скорее говорится, чтобы звучало поблагороднее, дабы не сказать, что у Каравелова не было образования. Правда же такова – его гимназией и университетом был только Теодоров.

Близкие его товарищи рассказывают, что он не держал ни одного экзамена, а в университет заглянул всего несколько раз из приличия. Не воспламенили его сухие профессорские лекции, сухие даты и события, пустая объективность, и он сам говорит об этом в следующих стихах:

БРАТУ Я.К...*

...Ты за деньгами пустился
В наш торгашеский Содом.
Я ж в Россию удалился,
Бросил свой любезный дом.
Все искал я здесь жемчужин
Среди камушков простых.
Понапрасну! Да к тому же
Лживых менторов чужих
Слушал я пустые сказки:
Август – бог, и Тит – кумир!
Ну, а Брут, Катон и Кассий
Лишь позорят римский мир!

Чтобы объяснить эту ненависть, родившуюся в душе Любена, вряд ли нужно напоминать: не он первый сказал, что профессора лгут, это – старая история, были люди, которые давно уже об этом говорили. Именно с ними и сдружился наш Любен, ими восхищалась его буйная балканская натура, их последователем он стал и таковым остался до гробовой доски. Понимаю, сдержанные люди, благоразумная и смирная толпа всегда будут обвинять нашего писателя в том, что он

*Здесь и далее стихи Л. Каравелова даны в переводе С. Снегова.

не получил блестящего образования, поддался влиянию легкомысленной молодежи, вместо того, чтобы прилежно сидеть над книгами и т.д. и т.п. Но какая польза для болгарского народа, если бы Любен успешно закончил образование и стал офицером или юристом? – спрашиваем мы. Его товарищ, с которым он отправился в Москву, жив и по сей день. Он тоже заслуженный человек, участвовал в нескольких сражениях, его грудь усыпана орденами, но поставьте его рядом с Любеном, и вы увидите всю несоизмеримость.

Кроме того, если бы наш покойный писатель получил какую-нибудь специальность, если бы он покинул Москву с дипломом, его общественная деятельность вряд ли вышла бы за рамки этого диплома. Это свое заключение могу подтвердить огромным числом примеров, но не сейчас, разумеется. Покойный И. Тургенев писал в своих воспоминаниях о Белинском, что если бы знаменитый критик получил специальность, русский народ не имел бы целых 12 томов, написанных кровью и нервами, а полицейские писатели Булгарин и Греч еще долго бы пожинали славу первенства. Об одном только не сообщает нам знаменитый русский романист, а именно, – способны ли вообще люди, подобные Белинскому, изучать сухие правила и голые теории в то время, когда их призывает живое, угнетенное и пробуждающееся общество! Светила, подобные Белинскому, Каравелову, самим провидением предназначены творить эпоху, оставлять после себя на сто лет вперед бури и волнения, и здесь нет никакой связи с их образованием, с глубоким знанием того или иного предмета. Между этими двумя писателями, Белинским и Каравеловым, большое сходство, у них много общего, но не стану их сейчас сравнивать. Рекомендую будущим биографам Каравелова заняться этим.

В гимназии, где учился Белинский, в архиве все еще хранится записка: „Исключен за плохое поведение и пропуски занятий“. Когда Гоголь, будучи преподавателем в школе, начал рассказывать ученикам урок по истории, те так и покатались со смеху. Такое незнание простых вещей, понятных каждому школьнику! А между тем, это одна из главных причин оригинальности, она типична для многих великих писателей. Если бы Шекспир читал Софокла и Еврипида в подлиннике, человечество не имело бы сегодня „Короля Лира“, „Гамлета“ и пр. Если бы Белинский знал немецкий язык, держу пари, он начал бы переводить своего любимого Гегеля; а если бы Гоголь знал хорошо по-французски, стал бы он описывать подворье Коробочки, слугу Селифана и самовар Ивана Ивановича? То же самое скажем мы и о нашем писателе Любене Каравелове. Если бы он стал юристом, одному богу известно, сколько скучных переводов о собственности, об обычном праве и т.д. осталось бы после него. Разумеется, мои рассуждения однобоки, но в правдоподобии им никто не откажет.

Девять лет жил Каравелов в Москве. Единственным его занятием в эти годы была литература. Он писал в разных русских журналах о Болгарии и болгарях; в то же время он испытывал страшную нужду, родители ему больше не помогали, они обеднели. Однако, выпадали и счастливые минуты. Однажды за ним послали из редакции, куда он уже отдал несколько статей. Любен долго колебался идти или не идти, ибо стеснялся своей одежды, которая была в плачевном состоянии. Все же пошел, и когда один из сотрудников журнала встретил его с улыбкой и протянул руку, сказав, что рад познакомиться с болгарским писателем, Любен забыл на мгновение о своем бедственном положении и рваных локтях.

Еще больше обрадовался он, когда ему вручили вознаграждение за труды – 250 рублей. В тот день Любен был самым счастливым человеком. Он был удовлетворен и морально, и материально, и просто как автор, если хотите.

В 1867 году Любен покинул Москву. Чисто литературные занятия, одно только творчество не могли заполнить его буйную революционную душу. Он жаждал борьбы, бурь, жизни *разнообразной*, о чем говорят такие его стихи:

Когда умру, не хорони меня
Средь мертвецов на кладбище угрюмом.
Покой и тлен – противники огня.
Пусть по соседству плещет белый Дунав*.
Под Свиштовом хочу лежать среди лоз...
Пусть ветерок прошелестит травую,
И пусть волна разбудит сонный плес.
Да, я в родной земле. Да, умер. Но живой я!

Такой борьбы и такой жизни он не мог найти в России, где силен жандарм, где *страшен* пристав, где пахнет Сибирью. Вот почему он поехал в Белград, там, как он думал, найдется бальзам для его ран.

Должен заметить, что до отъезда из Москвы он уже знал как свои пять пальцев Белинского, Гоголя, бедного Чернышевского, Александра Герцена и т.д. Журнал „Современник“ и его редакторы Добролюбов и Писарев были его идеалом. Именно демократические тенденции „Современника“ оказали на него столь большое влияние, что он оставил мысль и о военном поприще, и об университете, о чем я уже говорил.

В Белграде он вскоре познакомился с редакторами

*Дунав – болгарское название Дуная.

сербского журнала „Млада Србадия“*. Странно и *необъяснимо*: через какие-нибудь шесть месяцев, самое большое через год он не только говорил по-сербски, но и писал статьи, критику и повести на этом языке. Напечатал он среди прочего повести: „*Je ли крива судбина*“ и „*Из мртвог дома*“**. Сербская „Омладина“*** была в восторге от этих повестей. Однажды он сидел в городском саду, тихо и скромно, но публика, узнав, что он – Любен Каравелов, устроила бурную демонстрацию в его честь. Крики „живио Любен Каравелов“**** сотрясали воздух. Но сербское правительство, главная задача которого была препятствовать проникновению новых идей в страну, не замедлило погрозить пальцем болгарскому демократу. Больше всего оно было возмущено статьей, озаглавленной „Сербский министр Цукич“, которую Каравелов опубликовал в одной русской газете.

Убийство князя Михаила дало прекрасный повод властям расправиться с нашим писателем. Он был объявлен соучастником убийства, и мадьярские власти Пешты бросили его в тюрьму, где он просидел шесть месяцев. Выйдя из нее, убедившись, что в Сербии свобода держится на жандармских *шашках*, что и там нельзя жить без низкопоклонства и угодничества, он решил постучаться в другие двери. Вернуться в свое отечество для него было невозможно, так как его литературная деятельность уже была известна греческому митрополиту в Пловдиве и цензорским властям в Царьграде.

* „Молодая Сербия“.

** „Виновата ли судьба“ и „Из мертвого дома“.

*** „Омладина“ („Молодежь“) – литературно-просветительное общество, выступало за политическое единство Сербии, против господства Австро-Венгрии и Турции.

**** „Да здравствует Любен Каравелов“ (сербск.).

Любен отправился в Румынию, точнее – в Бухарест. Он сначала разузнал, что румыны будут настолько благородными, что оставят его в покое, когда он начнет из их столицы бомбить Турцию, нападать на общего врага. Так оно и вышло. Хотя Румыния была вассалом султана, ее государственные мужи оказались настолько доблестными, так уважали чужие убеждения, что наш писатель благополучно прожил шесть-семь лет в их стране. Это делает честь Румынии, мы должны быть признательны ей не только за нашего писателя, но и за других наших деятелей, таких, как Ботев и Левский, нашедших себе там надежное пристанище.

Каравелов приехал в Бухарест именно в то время, когда болгары были подавлены неудачами чет Тотю и Хаджи Димитра, когда каждый был убежден, что оружием невозможно испугать султана, что мы должны уповать только на гуманную политику Наполеона III и цивилизаторскую политику Али-паши. Но не так смотрел на вещи Каравелов... „Болгария для болгар, мы сами должны освободить себя, наши мышцы должны добыть нам свободу, кто надеется на других, тот не заслуживает свободы“, – сказал он и поднял знамя газеты „Свобода“. Ее первый номер был отпечатан 7 ноября 1869 года. „Свобода“ вышла торжественно, за подписью Каравелова, с ясной программой и направлением. „Цель „Свободы“ – защищать болгарские интересы и указывать дорогу болгарскому народу, как ему добиться свободы и политической независимости“, говорится в этой программе. Как видите, ничего крикливого, никаких исторических задач, никаких блестящих фраз. „Свобода и политическая независимость“ – цели, казалось бы, скромные, но болгарский народ не добился их и по сей день.

Вскоре „Свобода“ гремела по обе стороны велико-

го Дуная. Все честное, но обезверившееся, все высокое и не чуждое идеалам подало руку новому мессии; его имя стали произносить с благоговением по всей Болгарии. Мне жаль, что не имею возможности здесь привести множество фактов и рассказать о событиях, которые поспособствовали бы пониманию тогдашней эпохи и деятельности Каравелова.

Нет нужды говорить, что и противная сторона была потрясена смелым бухарестским публицистом, его огненным словом. Я имею ввиду тех, что нежились в прохладной Босфорской тени, и их шпионских ищеек. Пока выходили первые 20 номеров „Свободы“, читатели думали, что Каравелов враг только поганцам и их полицейским, что он будет пытаться свергнуть султана и русчукского валию, а на их место придут христиане, которые сохранят прежние порядки, что беи и аги будут выгнаны и замещены богатыми чокоями и мушиерами* и т.д.

Так вот, до того времени его газета воспринималась одинаково и молодыми и старыми, он был в почете и у богатых, и у бедных, одинаково дружелюбно подавали ему руку и в богатых салонах, и в бедных лачугах. Но выходили новые номера „Свободы“, повеяло иным духом, чем-то невиданным и неслыханным до тех пор. Газета заговорила языком бедняков, стала отделять зерно от плевел, тугой кошелек от искреннего порыва нищего эмигранта, жаждущего свободы. Однажды на страницах газеты появилась песенка, которая положила конец всем недоразумениям:

Храни нас бог от злой судьбы
И от жены занудной,
От рясы и от сатаны –

*Чокон и мушиеры – богатые румынские землевладельцы.

Их различить так трудно!
Храни нас бог от дурака,
Бездельника-хаджи.
Но нету злей врага пока
Родного чорбаджи!

Тогда богатые и довольные, те, кто желали свободы для Болгарии разве что ради *разнообразия* и готовились в будущие паши Тырнова и Русчука, объявили войну смелому борцу:

– У нас нет лишней крови, чтобы проливать ее, пусть дерутся голодранцы, кому есть нечего; нам помогут Россия и Европа, – говорили они и любовно поглаживали свои кошельки с золотом.

– Народ, который добьется свободы не своими потряскавшими руками; народ, который рассчитывает на других, погибнет, ибо тот, кто поможет ему, сам поработит его, – отвечал на это Каравелов.

– Ты поляк, ты сербский агент, – кричали осипшими голосами благоразумные и в своем органе „*Отечество*“ выплескивали на Каравелова ушаты всевозможной клеветы, так всегда поступают люди, не имеющие идей и принципов.

Но бороться с Л. Каравеловым было делом нелегким, тем более для людей бесчувственных и безыдейных. Он направил против них свое перо, и „*Свобода*“ заставила содрогнуться всех подлецов и спекулянтов. Обвинения в шпионстве, интриги и клеветы – все, что было состряпано против него в разных торговых конторах, кончилось разом. Сам редактор чорбаджийского „*Отечества*“ оставил на время свое подкупленное перо и явился с поклоном к русчукскому валии. А Любен продолжал воевать на публицистической ниве честно и непорочно. Целых четыре года выходила его

газета – сначала два, потом один раз в неделю, целых четыре года он работал, выполняя одну программу, шел к одной цели. Его „Свобода“, а потом и его „Независимость“ еще долго будут служить образцом для наших журналистов не только по своему содержанию, но и по своему воплощению. По какой схеме вышел 1-й номер, по такой вышел через четыре года и последний. На первом месте печатались передовицы, на втором – политический обзор, затем стихи, какая-нибудь повесть, корреспонденции, подвал „Знаешь ли ты, кто мы?“ и разные новости. За четыре года Каравелов не написал ни слова о Румынии и румынах, хотя и жил в их столице, где случались и важные события.

Издавал он свою газету на чужой земле, условия были в десять раз тяжелее, чем нынешние, приходилось все время прибегать к двусмысленным фразам, приглаживать и замазывать, но он сохранил свою публицистическую непорочность. Более того: с каждым годом его газета становилась все смелее и острее. Тогда Болгарии, любому газетчику больше, чем сегодня, нужна была высокая поддержка, потому надо было расточать похвалы, курить фимиам тем, кто мог оказать эту поддержку. Но Каравелов не делал этого. Напрасно мы будем искать в его газете реверансы в сторону Европы и ее самодержцев, не обращалась она с призывами о помощи к цивилизации XIX века, не замалчивала ошибки того или иного консула, как это делали другие газеты, якобы во имя большой политики или для того, чтобы не обеспокоить какого-нибудь властелина, не навредить-де православию и не дать козырь в руки неприятелю.

Всякий подлый и бесчестный, будь он хоть сам пастырь божий, получал по заслугам. „Кто ищет свободы, должен сам завоевать ее“, – писал Каравелов.

„Журналистика – злая мачеха. Она не должна давать спуску ни нашим приятелям, ни даже близким и братьям. А иначе она превращается в ненужную тряпку“.

Он постоянно советовал болгарам создать с другими народами такой союз для достижения свободы, который не повредил бы ей. Он предлагал образовать Балканскую федерацию – союз болгар, румын, сербов и даже греков. „У этих народов одна судьба с нашей. Только вместе с ними мы можем гарантировать нашу свободу и политическую независимость“, – писал Каравелов. Эта его идея нашла своих последователей лишь спустя 10-15 лет в одном из этих народов – у греков, которые начали издавать в Афинах политическую газету под названием „Восточная конфедерация“.

Будучи республиканцем по убеждению, горячим демократом и революционером, он первоначально не хотел апеллировать к монархическим государствам. Я уже говорил, что он был не просто против османской тирании, а вообще против всех деспотов во вселенной, такими были и его последователи – Левский, Ботев и другие. Именно эти принципы и возвышают его, делают великим не только для нас, но и для всего человечества на сотни лет. Если бы он был патриотом в узком смысле этого слова, если бы он оттачивал свое перо только против турок, его имя давно уже было бы забыто, как имена многих его современников.

Скажу вам нечто более убедительное. Я знаю горячих патриотов, которые были заклятыми врагами турок, но сегодня, когда турок больше нет, когда мы свободны, они выступают в роли шпионов, гораздо более опасных, чем турки! Бедняги! Их обмануло время, они думали, что только турки тираны!

Короче говоря, идеи и принципы, которые Каравелов начал смело проповедовать 12 лет тому назад, живя

на чужой земле, сегодня вселяют страх во всех нас, говорю это, сгорая от стыда и унижения, да, мы боимся этих идей. И еще скажу, хоть не хочу прослыть пророком, что газеты вроде Каравеловской, публициста смелого, как он, не будет у нас еще много лет.

А в каких условиях издавалась его газета! Спросите у тех болгар, кто жил тогда в Бухаресте и учился в гимназиях и университете, многие из них сейчас здесь, они расскажут вам потрясающие вещи. Они преклонялись перед Каравеловым и шли помогать ему по собственной воле, складывали экземпляры, увязывали пачки, а по дороге на занятия заходили в редакцию, брали эти пачки и относили на почту. В этой редакции все говорило о бедности. В одной комнате и еду готовили, и печатный станок стоял, и тут же за столом писал редактор! Супруга Каравелова часами крутила тяжелое колесо станка!

Но наш писатель черпал вдохновение в своей собственной бедности:

Хоть я и оборван,
Голоден и бос,
Но врагам на горе
Я не знаю слез!
Нет, не жди поклонов,
Подлый богатей!
Хочешь – познакомлю
С палкою моей?!

С выходом газеты „Свобода“, а потом и „Независимость“, в кругах болгарских эмигрантов закипела бурная деятельность. Все честные и почти потерявшие к тому времени боевой дух патриоты, начавшие было думать, что помощь придет из богатых салонов, что вся

надежда на дипломатические ноты консулов, – все они окружили Каравелова. Там были Левский, Ботев, Вольов, Стамболов и др. Писались уставы, выпускались огненные прокламации, организовывались тайные комитеты, началась борьба по убеждению, освященная высоким идеалом.

Но Каравелов не забывал и о литературной работе. Он написал следующие повести и рассказы, все – из жизни болгарского народа: *„Богатый бедняк“*, *„Мученик“*, *„Пешо“*, *„Божко“*, *„Осиротевшее семейство“*, *„Горькая доля“*, *„Дончо-воевода“*, *„Турецкий паша“*, *„Неда“*, *„Стана“*, *„Слав“*, *„Отмщение после“*, *„Все кончено“*, *„На чужой могиле без слез плачут“*, *„Записки о Болгарии и болгарях“*, *„Хаджи Димитр“* (драма), *„Путешествие по Стара-Планине“*, *„Хаджи Ничо“*, *„Маменькин сынок“*, *„Главчо“*, *„Болгары старого времени“* и т.д. Он издавал и литературный журнал *„Знание“*. У всех его произведений была одна цель. В них рассказывалось о тяжких муках Болгарии, внушалась ненависть к туркам, чорбаджиям, попам. Большинство его героев, которым он симпатизировал и которыми восхищался, – гайдуки*.

Он имел полное право восхищаться народными гайдуками. Когда наш бедный изгнанник читал его повести, в которых гайдук со своей дружиной мстит тиранам за свою мать, за своих угнанных турками брата и сестру, книжка дрожала в его руках, сам он не мог усидеть на месте. Мы согласны с писателем: нельзя симпатизировать хаджиям, болгарским чиновникам при султане – этой самой прочной опоре турецкого царства, и всем прочим холодным умникам. В те времена скитав-

*Гайдуки – борцы против турок на раннем этапе национально-освободительного движения, собирались в вооруженные четы и уходили в горы.

шиеся по Стара-Планине народные мстители были самыми идеальными людьми.

Я уже говорил, что для Каравелова не было авторитетов, но у него были железная убежденность, принципы и идеи, ради них он жертвовал всем. Благодаря Каравелову у нас есть Левский, Ботев, Бенковский, Воров, Каблешков и т.д.; он был вдохновителем событий 1870-1876 гг. – самой блестящей страницы нашей истории.

Каково его значение для будущего? Я осмеливаюсь предсказать, что придет пора, когда людей будут мерить по Каравелову. „Ты читаешь Любена? Восхищаешься им?“ – будут спрашивать наши потомки и по ответу будут узнавать друг друга. Но это будет тогда, когда издадут его сочинения, о которых я уже говорил. Нам знаком только его журнал „Знание“, но самое ценное, то, что написано кровью и нервами, еще не разошлось широко, известно лишь немногим. Достаточно сказать, что я знаю только о двух экземплярах собрания его сочинений, оба – в Софии, в нашей же области нет ни одного. Нашим потомкам я желаю только одного: пусть читают Любена и идут вперед!

Многие говорят, что Каравелов не был поэтом в соответствии с общепризнанными канонами. Я не понимаю, что хотят сказать этим их милости, неужели и для поэтов существует строго определенный кодекс? Я спрашиваю: не он ли воспроизвел и олицетворил собой целую эпоху? Не он ли пел и плакал голосом своего племени, защищая правду и свободу? Не было, мол, в его произведениях легкого тумана, белой голубки, соболиных бровей и тонкого девичьего стана. Но скажите мне: кого тогда интересовали крылышки, бровки да девичьи слезки, когда крылышки были подрезаны позорным рабством?

Но оставим это. Разве можно сомневаться в том, что его герои – *дедушка Либен, хаджи Генчо, Главчо, хаджи Ничо, Таню* и другие – типичны, разве они не были живыми людьми, взятыми из действительности, из нашей среды? А его огненный стиль? Его сатира, юмор? Его сравнения и т.д. и т.п.? На все это, я верю, обратят внимание его будущие биографы, все это доказывает его поэтический талант. Я не буду говорить о содержании его сочинений, об идее – главном достоинстве любого произведения. В беллетристике он подражал Гоголю и Марко Вовчок; в критике – Белинскому, Добролюбову и Писареву; его литературные описания заставляют вспомнить о Гейне и Александре Герцене. Сочинение последнего „*Былое и думы*“ приходит на ум, когда читаешь Каравеловские „*Записки о Болгарии и болгарях*“. Я уже сказал: он создал целую эпоху в нашей политической жизни. Но не только это. Он совершил революцию и в нашей литературе, положил начало направлению, срок существования которого я определяю в один век.

В 1877 г., во время русско-турецкой войны, он приехал в Болгарию. Первым делом он посетил свою любимую Фракию, Копривштицу и Пловдив, где провел свои юные годы и о которых вздыхал на чужбине. Он перенес свою типографию из Бухареста в Тырново и начал издавать газету „*Знание*“. Потом, зимой 1878 г., переехал в Русчук вместе с типографией.

21 января 1879 г. по всему Русчуку, словно гром, разнеслась весть: „Умер Любен Каравелов!“ Умер он вследствие грудной болезни, да и как было не умереть! Сколько мук и страданий он перенес, сколько борьбы и работы! Настоящими героями любой эпохи становятся только те, кто погибают под развалинами здания, которое долгие годы пытались разрушить. Похороны

были такими многолюдными, каких Русчук не знал до этого. Тогдашние русские оккупационные власти, военные и гражданские, приняли большое участие в них, и это делает им честь. По всему городу были вывешены траурные знамена, все магазины были закрыты. Утром у дома покойного собралось около 50-60 человек – в большинстве своем сербы и далматинцы, которые пришли отдать последнюю дань уважения тому, кого они знали и любили. Они возглавили похоронную процессию и составили траурный хор. Отделение русских солдат без оружия шло по обе стороны гроба. Впереди процессии шли трое, неся в руках по номеру газет „Свобода“, „Независимость“ и „Знание“.

У стены Русчукской крепости, на болгарском кладбище, вровень с травой – черный деревянный крест. Каждую субботу у этого креста стоит женщина, одетая во все черное. Она ухаживает за могилой и поливает цветы. Эта женщина – вдова того, кто здесь похоронен, а под деревянным крестом покоится слава и величие Болгарии, там покоится Любен Каравелов!

ХРИСТО БОТЕВ Попытка биографии ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ*

Наш герой, имя которого вынесено в название настоящей книги, Христо Ботев, был человеком, рожденным и обреченным неведомыми стихиями стать великой личностью, вести за собой народные массы, повелевать, вершить эпохи. Несчастен был он, вдвое несчастнее был его родной город, втрое злосчастнее был народ, сыном которого он был, вчетверо и впятеро скуднее и суше была эпоха его человеческой жизни! Будь он сыном Италии, он стал бы если не Гарибальди и Мадзини, то, по крайней мере, их правой рукой. Будь он французом, современником Июльской революции** либо Луи Наполеона, то первая баррикада города Парижа называлась бы Ботевской. Впрочем, как знать?

*Книга Захария Стоянова „Христо Ботев. Попытка биографии“ вышла в свет в 1888 г. в Русе. Она пользовалась исключительным успехом среди болгарских читателей. Несмотря на то, что в последующие десятилетия жизнь и революционная деятельность, поэтическое и публицистическое творчество болгарского гения освещались с разных идейных позиций, непреходящее значение биографии З. Стоянова не просто как первой „попытки“, но и как исключительного психологического исследования, как свидетельства очевидца, несомненно. В настоящем издании книга публикуется с незначительными сокращениями, которые касаются преимущественно тех страниц, где З. Стоянов рассказывает о формировании и действиях четы Ботева на румынской и болгарской земле.

**Буржуазная революция во Франции 27-29 июля 1830 г., в результате которой во главе государства встал Луи Филипп.

Возможно, он мог бы стать одним из ночных советников во дворце Тюильри, одним из тех, кто с пистолетами в руках заставляли малодушного авантюриста в ночь на 2 декабря* не трусить и не отступаться от своего злодейского замысла. Но этому последнему предположению мы не верим, а упомянули о нем лишь как о вполне возможном и отвечающем бунтарской и беспокойной натуре обстоятельстве, которая за отсутствием иных занятий пустилась бы в подобные противоречащие ее духу и характеру предприятия.

Мы не виноваты, если даже допустим то или иное предположение, ибо мы имеем дело не с таким человеком, который бы жил нормальной человеческой жизнью хотя бы один день, которому бы довелось окунуться, повариться и закалиться в общественном процессе, которому не надо было бы думать, где его застанет утро и что он будет есть на ужин, а с таким человеком, который сгорел за несколько лет. Закладывая и созидавая фундамент на морских штормах, мы будем основываться лишь на фактах и делах, которые служат самым верным и истинным зеркалом души и жизни каждого. Тем самым мы хотим сказать, что всего лишь допускаем и такую фазу в жизни и характере людей, ибо не родись Христо Ботев, не вырасти и не возмужай в живописном Калофере, посреди самых внушительных болгарских гор – Стара-Планины, – памятника и олицетворения воли и свободы; где вплотную к городу подступали райские уголки у истоков Тунджи, под дивное и девственное журчание коей засыпал и просыпался наш герой; где щедро источала свои ароматы Казанлыкская долина; где утреннее солнце вставало в осле-

*,...в ночь на 2 декабря“ – 2 декабря 1851 г. Луи Наполеон совершил государственный переворот, а через год в тот же день провозгласил себя императором Франции под именем Наполеона III.

пительном блеске из-за ближних вершин довольно скромной по сравнению с Марагидиком Средна-Горы; где, наконец, на фоне всех этих красот природы свирепствовал необузданный властелин иноверец и его подручный – надменный чорбаджия; не окажись Христо Ботев совсем юным и неокрепшим в Одессе, из него мог бы выйти человек совершенно иного склада. В тогдашние необъясненные и неизученные пока еще времена отношений между великими и у микроскопических братьев были все шансы на успех. Если люди с весьма скромными способностями и талантами достигали в России высоких военных чинов; если русская аристократия показывала пальцем на соотечественников нашего героя как на обладателей миллионов и дворцов, то Христо Ботев, щедро одаренный от природы, помимо всего прочего, мог бы принести жертву и на алтарь коммерции.

Богатые болгарские купцы и вожаки болгарской колонии в Одессе в ту пору – Тошкович*, калоферцы, под надзором и чуть ли не под кровлей дома коих находился Ботев вместе со множеством других подобных ему болгар-отроков, – не имели оснований не быть к нему благосклонными. Напротив, они старались не упустить из своей конторы сына даскала** Ботьо, о способностях и энергичном складе характера которого они не могли не знать. Наконец, Ботев мог вернуться из Одессы если не богатым купцом или же с высоким военным чином, то по крайней мере обычным бакалавром юридических, исторических или филологических наук либо другим специалистом, какими стали и вернулись в Болгарию многие его современники и сверстни-

*Стефан Д. Тошкович, Николай М. Тошков и др. лица той же фамилии – известные болгарские купцы в Одессе, патриоты, родом из Калофера.

**Даскал – учитель.

ки. Поставим его, в конце концов, на одну доску с Любеном Каравеловым: это значит, что он мог бы скромно прожить в России лет десять и поболее; изредка наведываться в университет приличия ради; изучить и просмотреть все, что было написано и издано в то время русскими умами, пробить себе дорогу и стать вхожим в редакции нескольких русских журналов; с железным постоянством и убийственным спокойствием литератора собирать болгарский фольклор – песни, загадки, пословицы, сказки и прочее, знакомя ученый славянский мир со своим еще темным в ту пору поработенным отечеством; писать рассказы и повести, строго следуя своей тенденции и агитируя в непосредственной близости от берегов отчей земли, начав вести отсюда систематическую и постоянную борьбу, возможную и считавшуюся полезной по тогдашним понятиям. А Христо Ботев – и это должны признать все – мог бы заниматься такой деятельностью: быть литератором, поэтом, агитатором, революционером, публицистом и газетчиком.

Ботев не сделал ни того, ни другого. Он избрал путь, продиктованный ему его пламенной натурой. Какое-то время, в начале своего пребывания на чужбине, в Одессе, его впечатлительная душа не могла остаться равнодушной к доселе неведомому, новому миру. Могучие русские кони, о которых он был наслышан еще в детстве, в родном селении Калофере, горделивые генералы, на коих каждый показывал пальцем и коих каждый почитал; их ослепительные мундиры и другие соблазны увлекли его и на известное время отвлекли от родных величественных гор, товарищей его детских впечатлений; от трескучих ткацких станов, изготовлявших галуны и шнуры и приводимых в движение водами реки Тунджи; от отцовского учительского дома;

от хороводов, вьющихся на сельской площади-мегдане; от всей болгарской жизни. Именно в ту пору Стефан Зографский, тоже ученик в Одессе, несколько раз застал его в комнате одного в следующей позе: спереди подвязана подушка, чтобы выглядеть величественным и важным человеком, какими были вообще все генералы, голова заносчиво откинута назад, руки в боки, словом, всем существом тот изображал парадность и властность полководца. В таком напыщенном виде он расхаживал по комнате, маршировал, отдавал команды и приказы *нижним* чинам, роль которых исполняли голые стены, случайная мебель и гулявший в комнате сквозняк. Как-то Зографский зашел, а Ботев пребывал в таком состоянии экзальтации, в таком упоении от своей внушительной позы с подушкой на животе, что не заметил появления гостя и даже не отвечал на его вопросы.

Эта генеральская болезнь весьма естественна и объяснима, коли знать эпоху, в кою она поселилась в душе Ботева, – 1862-1864 годы. Вообразил он себе минуты торжественные и славные. Подумал, каким великим событием было бы для него, его родителей, родных и знакомых, если бы он появился в Калофере у церкви, на церковном дворе или на площади, где водят хороводы, с саблей, с эполетами, в красной шапке с перьями и т.д., верхом на белом рослом жеребце, а за ним дружина, где каждый смотрит ему в глаза, а он отдает приказания, гонит прочь и громит душегубов, совершает добрые дела и помогает соотечественникам! Судите сами, могли ли не стать идеалом для юного Христо идея и стремления, которые в то время достигли своего апогея? В ту пору мы не раз бывали свидетелями, как возвращался в родные места какой-нибудь ученик с чужбины, из бухарестского фармацевтического училища,

из константинопольского медицинского института, из венской коммерческой школы или просто из какого-то пансиона, где была униформа – пусть самая простенькая, но зато с двумя-тремя желтыми пуговицами, фуражкой и поблескивающей шнуровкой и т.д. и т.п. Эти счастливые отроки становились героями дня, глаза всех, без различия пола и возраста, с завистью устремлялись на баловня судьбы. А если у них к тому же была сабелька и галуны на правом рукаве, с какими являлись обучавшиеся в Константинополе и Бухаресте, то и сам генерал Буланже* должен бы лопнуть от зависти. Кто мог с ними тягаться? Даже управитель уезда вместе со своими башкетипи** считал для себя почетной обязанностью выпить чашечку кофе рядышком с таким знаменитым человеком. В Котеле нам приходилось наблюдать такого отрока, возвратившегося из Бухареста по окончании медицинского училища – в красной фуражке, с галунами на тужурке. После окончания церковной службы все граждане, независимо от своего имущественного положения, собрались на церковном дворе, вместе со священниками, дабы приветствовать его милость – гордость всего города. Вслед за Каблешковым, известным позднее агитатором Апрельского восстания***, который, возвращаясь в родное селение Копривштицу из Галатасарайского училища****, по несколько дней проводил на крастовских и хисар-

*Генерал Жорж Буланже (1837-1891) – французский политический деятель, лидер антиреспубликанского движения „буланжизм“ в 80-е годы XIX в.

**Башкетипи – главный писарь.

***Апрельское восстание 1876 г. против османских поработителей.

****Галатасарайское училище – французский католический коллеж в квартале Галата в Константинополе, одно из самых авторитетных учебных заведений среди ученолюбивой болгарской молодежи в период национального Возрождения.

ских минеральных водах*, чтобы задать перцу турецким повесам, которые, как известно, все лето проводили на водах, возле бассейнов спали, ели и кутили. У какого болгарина доставало храбрости появиться там? Если какой-нибудь бедолага осмеливался заглянуть украдкой в дверь, они хватили его за руки, за ноги и прямо в одежде головой вниз окунали в воду. Он богу душу отдает, захлебывается, кричит, а они в ладоши хлопают и подышают со смеху. Каблешков со своей сабелькой да кисточкой на феске нагонял страх на этих удалцов, а они и впрямь побаивались и уважали их обладателя! Бедные турки, рабы своего дремучего невежества! Ученые юноши петушились и хорохорились, но тогда такое поведение приносило и пользу, потому как вселяло известную гордость в их соотечественников, давало некоторое представление о внешнем мире, предвещало наступление новой эры, когда и болгарину пристало носить саблю.

Такой была эпоха, когда Христо Ботев подвязывал подушку к животу. О том, что помешало ему надеть мундир, мы расскажем ниже. Сейчас же отметим лишь то обстоятельство, что он родился в Калофере, расположенном у подножия величественной Стара-Планины. Мы придерживаемся того мнения, по крайней мере, касательно минувших эпических периодов в истории Болгарии, что Стара-Планина была тем волшебным местом, где был жив дух свободолюбия, где не умирала память о старых славных временах, где благоговейно хранили и передавали из уст в уста легенды о богатырях-юнаках, воеводах и знаменосцах. Сам облик гор, их белоствольные буки, студень родники, густая тень, непроходимые ущелья, потайные пещеры, гигантские утесы, наконец, девственность и неприкосновенность

*Известные целебные минеральные источники.

этого горного океана, куда не ступала нога турок, – вселяли надежду и упование в жителей окрестных селений, давали им убежище, когда становилось совсем невмоготу.

У нас есть и свои доказательства такой точки зрения. Начнем со старых воевод, имена которых дошли до нас. Откуда они были родом? Из придунайского унылого Русчука (Русе), Видина, Свиштова, Силистры? Из холмистых Татар-Пазарджика или Пловдива? Из равнинного Чирпана, из лесного Разграда или из затаившегося меж голых скал Шумена? Нет, их пенатами были городки и села, нанизанные, наподобие бусинок, по вытянутой ниточке, у подножия Стара-Планины: Котел, Сливен, Шипка, Калофер, Карлово, Копривштица и другие. Горную родниковую воду с плавающими в ней буковыми листьями пили старые воеводы Кара Танас, Алтын Стоян, Калычлия, Кара Кольо, Дончо Ватах, Панайот Хитов, Хаджи Димитр, Караджа и многие другие предвестники национального Возрождения, а не затхлую колодезную и болотную воду. То же самое можно сказать и о борцах за народное дело более позднего периода, таких как Раковский, Левский, Л. Каравелов, Бенковский, Каблешков и, наконец, наш герой – все они родились среди животворных Балканских гор.

Существует еще одно обстоятельство, позволявшее вышеупомянутым городкам и селам вести более активную и бойкую жизнь и пестовать народных заступников – гайдуков и революционеров. Дело в том, что они оторваны и лишены сообщения, как не имеют его до сих пор Копривштица, Котел и другие селения; а самое главное – это были чисто болгарские селения, с особыми правами, с общинным управлением, с церквями и школами, со знатными и влиятельными людьми, како-

вые редко встречались в других местах. Турки, греки и другие господствующие и деморализующие элементы отсутствовали в этих кругах, за исключением Карлово. Да и их величественная поэтическая соседка Стара-Планина была, как уже говорилось, раем лишь для болгар. Старики из села Шипка рассказывают, что ни они, ни их деды не помнят, чтобы в горах бесчинствовали турки, зато не было такого лета, когда здесь не встретишь болгарских юнаков. Турецкие банды хозяйничали на равнинных дорогах, прячась в рощицах и лесочках за околицами сел, днем выходили на разбойный промысел, а ночью возвращались к себе.

И Раковский, и Л. Каравелов, и Ботев, оплакивая горькую участь своего отечества, своих родных городов Копривштицы и Калофера, вспоминая их красоту, обращали свой взор прежде всего на горы, реки и другие живописные прелести Балкан, где они явились на свет божий, получили свои первые впечатления о нем. Когда Любен Каравелов принимается описывать свою родную Копривштицу или Раковский – знаменитый котелский источник, ущелья Разбойны, пещеру Нирец, с их перьев слезы каплют... А вот что пишет сам Ботев в первом номере газеты „Дума“ („Слово“) в статье *„Образцы турецкого правосудия“*: „...Передо мной село Калофер. Печальные воспоминания зароились в моей голове, как только я поднялся на холм и увидал красивые дома и церкви, среди которых змеей извивается прозрачная Тунджа. Здесь, подумал я, живет она, моя зазноба, здесь живут мои товарищи по отряду Лефтера, с которыми я провел пять-шесть месяцев, самых светлых в моей жизни, и вплотную узнал Калофер, „золотой Калофер“, заронивший в моей душе страстную, но так рано погибшую любовь и глубокую ненависть, которая не покинет меня до могилы... В Калофере уз-

нал я разницу между чорбаджией и бедняком, между турком и народом“. Скажите нам на милость, что бы они стали описывать, к чему, милому сердцу и неизгладимому из сильного воображения, прикипели сердцем, родись и вырасти они на берегах мутного Дуная, в пестроцветной Варне и в однообразном Плевене? Хаджи Димитр, надумав перебираться в Болгарию, еще на румынской земле тосковал по своей любимой Агликиной* поляне неподалеку от Сливена. Ее он объявляет местом сбора всех, кто отстанет от дружины или заблудится, там будет решено, что делать дальше.

Кстати, Ботев не соблазнился военным поприщем и не избрал какое-то определенное занятие, помимо других причин, о которых будет сказано, когда настанет черед, еще и потому, что в его поэтической душе слишком глубоко укоренились впечатления и воспоминания о райских горных окрестностях родного села. Он жил ими, они служили ему утехой, они воодушевляли его в трудные и голодные минуты, с ними он пошел на смерть. Многие возразят: разве один Ботев родился под сенью Стара-Планины, разве один он пил воду из Тунджи и засыпал под рокот ее стремительных струй? Да, это верно, но мы не говорим здесь про обыкновенных смертных, коим несть числа под ясным небом, кои рождаются, живут и умирают, обладая лишь той отличительной особенностью, что имеют дар речи; для коих, где бы они ни родились, где бы ни жили, в горах ли, в болотах ли, все окружающее царство глухо и мертво, коих заботит лишь хлеб насущный да множество других мелких нужд, сопряженных с ним, а сие присуще и другим живым существам. Мы же говорим о Христо Ботеве – поэте, пламенном, огневом, кому нет равных не токмо в Калофере, но и во всей Болга-

*Иглика, или аглика – первоцвет.

рии. О том Христо Ботеве, который – голый и босой, голодный и презираемый – восклицает в смрадных трактирах на чужбине:

Тяжко! Тяжко! Пить желаю!
Может быть, забывшись, скоро,
Как глупцы, не распознаю
Граней славы и позора*.

К числу *глупцов* отнесены все те, кто располагает земными благами: богачи, знатные чорбаджи, видные купцы, разжиревшие владыки, цари и князья. Ботев с дырявыми локтями, который ест раз в два дня, почитает себя счастливым, умным и блаженным! Ботев наделяет себя этим преимуществом оттого, что, работая на благо бедняков и отверженных своих братьев; денно и нощно размышляя, как освободить свое поработщенное отечество; поэтически воспринимая красоту его природы, его горы, реки, равнины и долины вместе с населявшими их рабами; сравнивая себя с чуждой ему и сонной средой, – он испытывает удовлетворение, чувствует себя великим. И он имел на это право. Все то, к чему прикасается, и все то, что заурядный смертный расценивает всю жизнь как нечто мертвое и лишенное смысла, для необыкновенных и поэтических натур составляет содержание их жизни, длительной борьбы, является неиссякаемым источником пищи для ума и сердца. Стало быть, давайте раз и навсегда перестанем мерить таких людей, как Христо Ботев, аршином обыкновенных смертных.

Итак, он был рожден в поработченной Болгарии, родителями-рабами. Будучи натурой необыкновенной, какое место он мог занять в обществе, в своем отечест-

*Отрывок из стихотворения Х. Ботева „В корчме“. Пер. А. Суркова.

ве? Стать учителем, обучать ребятишек азбуке и правилам грамматики, а, может, петь по воскресеньям в церкви? Пусть читатели, прочтя о фактах его жизни, сами скажут: дает ли козел молоко? Его отец был учителем, и впечатлительному сыну не раз представлялся случай увидеть и понять, что значило по тем временам быть учителем: то и дело в общину тебя тягают, когда им приспичит, а еще исполняй капризы этих псалтырщиков-чорбаджиев. Всего-навсего такой узкий круг – учитель? Да это было бы удавкой для Христо Ботева. Стать купцом, вести бухгалтерскую книгу, разделенную на две части, на одной странице – „дал“, на другой – „взял“, да что зря говорить об этом? Подвизаться на литературном поприще вроде Л. Каравелова, скромно уединиться меж книг и рукописей – это требовало терпения, постоянства, оседлой жизни, кропотливой работы, усидчивости, что положительно не было присуще нашему герою. А избрать военное поприще, коим он, как мы видели, было увлекся, – означало бы залезть обеими ногами в капкан, потому как в первый же день службы он бы угодил на гауптвахту. Стать русским офицером, взвалить на себя тяжелую ответственность ношения мундира, которая в России была просто драконовской, заточить себя в казарме, присягнуть царю и т.д. и т.д. – а как же Болгария, а как же Калофер и милые сердцу горы? Как же забыть их и совместить с казарменным житьем, когда одно – порох, а другое – пламя?

Не было для него жизни в Болгарии, не было покоя и занятия вне ее. Все казалось ему мрачным и черным, все надлежало смести и уничтожить. Он очутился в таком положении, точно попал в такую страну, где люди не понимают его языка, а он не понимает их речи, где солнце считается заразой, где все совершается челове-

ческой природе вопреки. Он избрал себе тот путь, на который его влекло сердце и душа. Он подал руку, объединился и решил разделить радости и горести с теми, кого чуть ли не весь народ считал отребьем Болгарии. Их он считал самым подходящим человеческим материалом, убежденный, что с ними он сможет что-либо сделать в будущем, что именно эти люди легче всего поймут его идеалы. Все эти люди по той или иной причине были недовольны порядками, господствующими в Болгарии – ему было все равно, почему, – протестующие, отверженные, зачастую не по своей вине, все они давно простились с жизнью в мире и достатке, все они жили сегодняшним днем и были готовы разрушать и уничтожать, крушить злобно, с жадной мести. Это были: гайдуки, хыши*, босяки, скитавшиеся по грязным ночлежкам, обретавшиеся в самых дешевых трактирах. Он восхищался ими – они пришлись ему по сердцу, а гайдуков, этих птенцов Стара-Планины, он просто обожал. Надумал и он стать гайдуком и поспешил песней сообщить о том матушке:

Не плачь, моя мать, не сетуй,
Что стал я, твой сын, гайдуком,
Гайдуком стал, бунтарем я,
Тебя несчастной оставил
Свое оплакивать чадо!
Но ты проклинай, родная,
Турецкое злое изгнание,
Что обрекло нас скитаться
По этой горькой чужбине
Немилых, чужих, бездольных!..**

*Хыш – болгарский революционный эмигрант в Румынии в период турецкого ига.

**Начало известного стихотворения Х. Ботева „На прощание“. Пер. А. Суркова.

То же самое, что Ботев сделал в 1870 году, Любен Каравелов, куда более смиренный литератор, предпринял еще в 1862-1865 гг., когда учился в Москве. Его повести и рассказы, а позднее и стихотворения – не что иное, как идеализация тогдашних воевод и гайдуков. А покойный Раковский был гайдуком духом и телом. Из любви к этим возмутителям спокойствия в турецком государстве он однажды летом отправился в их царство – горы под Котелом, стал писать им законы, клятвы, молитвы, как своим воспитанникам. Многие отвернутся и скажут, что все это авантюризм и смахивает на крайне нежелательный компромисс. Да, но и само дело, само предприятие было из рода начинаний, папахивающих авантюризмом, если смотреть на него сквозь призму государственного строя. Перебраться на чужбину, развернуть борьбу и анархически отвергать развалину-империю, смущать покой миллионов существ, того не желающих, с помощью нескольких *босяков* – используем выражение консерваторов, – разве это не авантюра? Время, обстоятельства, дело требовали соответствующего типа людей. Человек, поднявший кровавое знамя, решивший крушить, жечь, низвергать, – с кем он должен был объединиться ради достижения своих пламенных и великих идей? С обывателями? С благоразумными купчишками и с интернациональными барышниками? Конечно же, не с ними, а с теми, о ком рассказано выше. В те времена в Болгарии самым идеальным элементом для этого были гайдуки и хыши-изгнанники. Они прежде всего выступали против чужеземного ига в их отечестве, в их буйных, отчаянных головушках раньше всего родилась мысль о том, что они могут свернуть шею босфорскому повелителю. Старые воеводы, обитавшие в горах Стара-Планины, были чем-то вроде патриархов для молодых апостолов –

публицистов из газет „Свобода“, „Независимость“ и „Знамя“. Их рассказы о том, как они в Стара-Планине жарят на вертеле барашков и дают турецких бюлюкбашиев*, как котят, вселяли надежды, придавали смелость и силу как Раковскому и Любену Каравелову, так и Ботеву. Они были орлами, которые каждый год передавали им „привет“, с вершин обетованной и священной Стара-Планины, они вливали в них, живших вдали от родины, на чужбине, новые силы, укрепляли их веру в великое будущее.

Можно привести и несколько приличествующих случаю сравнений. В нормальные времена, при настоящем народном управлении, в условиях свободы и законности, какой-нибудь агитатор, жаждущий добратся до министерского кресла, безо всяких на то уважительных причин распустить какое-нибудь министерство, собирает вокруг себя самых отчаянных пропойц и читает им проповедь о том, чтобы они ни перед чем не останавливались, никакой лжи не гнушались. Так что же, скажите, пожалуйста, должен был делать бедолага-эмигрант на чужбине, намеревавшийся разрушить царство, разорвать цепи, народ от тирании освободить? Думаю, все и так ясно. Совсем иными были бы средства, люди и материалы, если бы Христо Ботев и его единомышленники были призваны не разрушать, а созидать, да порядок наводить. Например, представьте себе, что Ботев был бы жив после освобождения Болгарии и что его волей-неволей были бы вынуждены попросить составить кабинет министров и наладить новое управление государством. Каждый согласится с нами, что на таком этапе своей политической деятельности он бы не стал обращаться к своим любимым гайдукам и бродягам, которые уже сделали бы

*Бюлюкбашия – командир в турецкой армии, командовавший ротой.

к тому моменту свое дело и сыграли бы свою роль.

Как не вспомнить здесь вопли некоторых парнишек вроде бы уже нового образца, с пеной у рта доказывающих, что среди существовавших после освобождения в Болгарии партий не было ни одного болгарского деятеля, который бы следовал направлению и знамени Л. Каравелова и Х. Ботева, что никто уже не разделяет их идеалов революции и разрушения. Это по их, новичков, мнению, достойно сожаления, а нам вдвойне жаль сих последних, что воют на луну. Каравелов и Ботев были революционерами по отношению к турецкому государству. А кто бы поднял руку на только что созданное болгарское княжество с народным управлением? – Идиоты и мздоимцы!

При составлении настоящего портрета мы использовали следующие источники:

Во-первых, газеты, издававшиеся Ботевым, – „Дума“, „Будильник“, „Знамя“; его стихотворения и другие литературные произведения. Во всем, что он написал, во всем, что он говорил, в словах, слезах и его смехе, всегда чувствуется присутствие его души. Будущие биографы и историки, для коих эпоха, в которую он жил и творил, останется далеко позади, по одному лишь его стихотворению смогут составить представление и о нем, и о той эпохе.

Во-вторых, его рассказы, которыми он делился со своими многочисленными товарищами и друзьями. Он поведал им о своем прошлом, обо всех своих невзгодах. Его друзьям была в подробностях известна не только его жизнь, но и биографии его сподвижников, особенно из Калофера. Он любил, чтобы в компании друзей, где бы они ни собирались, звучал только его голос. Так уж повелось, и он страстно добивался этого. Друзья очень быстро признавали за ним это право, ибо, стоило

ему начать рассказывать, все остальные умолкали и слушали, как замороженные. Самые обычные истории в его устах звучали увлекательно. О заброшенной мельнице в Бухаресте, об учительствовании в Калофере, Задунаевке, Измаиле и других местах, о его приключениях в Браиле и Галаце многие знали все обстоятельства с мельчайшими подробностями.

В-третьих, корреспонденция комитета за 1874-1876 гг., которые составляли эпоху в его деятельности. Этой корреспонденцией мы располагаем в оригинале благодаря покойному Д. Горову, Д.Хр. Попову, Ив. Драсову, Р. Райковичу, Н. Обретенову* и др. В этом смысле немалую помощь оказали нам собственноручно написанные им письма – их не более десяти-пятнадцати. Так же, как и в стихах, Ботев выражает в письмах самого себя, эпоху и ее устремления. Это не обычные, пустые, избыточные высокопарными фразами, письма. В них звучит голос его сердца, изливаются душа, чувства.

В-четвертых, проследить порядок событий и определить хронологию прошлого героя весьма помогли нам, помимо всего прочего, записки (неопубликованные) г-на К. Тулешкова, сподвижника и товарища Ботева в трудные моменты. Дополнительным источником послужили сведения, полученные от родителей, братьев, жены и родственников Ботева.

Описывая Ботева – поэта и воеводу, мы не обошли молчанием и его поход вместе со 185 товарищами, с которыми он переправился в Болгарию, дабы исполнить свой священный обет. Этот поход мы считаем его заслугой и идеей. Тот, кто займется его описанием, должен сказать о Ботеве, и наоборот. Тем более, что до

*Участники национально-освободительного революционного движения, сподвижники и единомышленники Х. Ботева.

сих пор никто не сделал ни того, ни другого. Сведения об этом походе предоставили человек десять с лишним сподвижников Ботева, да и сами мы посетили те места, через которые прошел его отряд и где он вел сражения.

Составляя жизнеописание Ботева, мы сочли необходимым дать в приложении и все его литературные произведения, которые стали такой редкостью, что собрать их стоило нам большого труда и усилий. К этой экономии мы прибегли лишь исходя из тех соображений, что произведений этих совсем немного, а потому не стоит издавать их отдельной книгой, объем которой будет не более, чем обычная брошюра, которая легко может разорваться и потеряться, тогда как в виде приложения к биографии они сохранятся навсегда. В это приложение мы включили и некоторые политические статьи из газет „Дума“ и „Знамя“. В качестве таковых они во многом уже утратили свое значение, но как произведения, вышедшие из-под пера Ботева, сохранили свою силу и представляют интерес и в наше время. Кроме того, они в известной мере проливают свет на характер и политические убеждения поэта-воеводы.

Взяв на себя трудную задачу если не биографа, то по крайней мере просто собирателя фактов и документов, мы из опасения, что нас могут обвинить в пристрастности, а возможно, и в недобросовестности, не умалчиваем о некоторых поступках Ботева, которые моралисты и добропорядочные купцы вправе осудить. Я имею в виду посягательство на чужое имущество. Мы приводим их, будучи совершенно уверенными в одном: Ботевым было вписано столько светлых и недостижимо высоких страниц, он обладал столькими подлинными добродетелями, что они просто меркнут на фоне его личности, его целей, всей эпохи. Мы говорим о них, ибо их отсутствие выявило бы некие пустоты в его жиз-

ни и устремлениях. Так считаем мы и так считают беспристрастные люди, а те, у кого подлые душонки, даже если бы Ботев целыми днями только и делал, что читал молитвы все равно ярились бы против него только за то, что он – Ботев, что это именно он сочинил „*Борьбу*“ и „*Молитву*“. Однако то, что мы пишем, не предназначено для этих последних.

Мы предостерегаем наших легко увлекающихся читателей от подражания Ботеву будь то в кражах или в ненависти к сытым и довольным, будь то в побегах из школы или же в необычном образе жизни. Не следует ссылаться на его пример – вон, дескать, Ботев не учился, презирал все и вся, а стал же поэтом, воеводой и великим человеком. Это может стать слишком опасной игрой. И давайте не будем сравнивать себя с Ботевым, ибо он относится к числу людей исключительных, какие в Болгарии рождаются редко. То, чего ему не доставало как обыкновенному человеку, восполнялось талантом и другими дарованиями – преимуществами, на которые природа весьма и весьма скупа. Люди, подобные Ботеву, с его идеалами и чувствами не подлежат обычному для всех суду. Их судят история и потомки. Эпоха, в которую он жил и работал, не идет ни в какое сравнение с нынешней эпохой. Для своего времени он был и царем, и законом, и волей народа, и займом, и бюджетом, он был – всем. Пять миллионов существ, которые назывались болгарской раей, были безропотными, связанными по рукам и ногам, стадом животных. Их страдания, их рабские оковы, с одной стороны, и их будущее, с другой, ввергали великую душу в безумную ярость. Дабы не превратиться в жирного сытого борова с тугим кошельком, дабы в его руки не поплыли богатства и другие блага, то есть дабы ему не жилось сытно и хорошо, он спал с собаками на за-

брошенных мельницах, не ел по три дня, помогал всем несчастным и презренным, не думая о себе. Смешно сравнивать себя с такими людьми, и в то же время было бы бессовестно осуждать их за то, что ради великой цели, ради блага миллионов они отняли у кого-то часть богатства или располовинили его.

В конце концов мы просто повествуем о фактах и событиях. Вот план и цель настоящей книги, пусть эта крепость подвергается обстрелу будущими критиками. В освещении фактов, событий и эпохи, о которой ведем рассказ, мы старались быть точными, беспристрастными и добросовестными. Дальше – виноградник без сторожа. Опорой нам служит и то обстоятельство, что мы абсолютно не претендуем на критико-историческую оценку излагаемых фактов. А если кое-где невольно высказаны личные впечатления и соображения, если речь идет о характеристике, то должны оговориться, что мы никогда не претендовали на роль судьи. Мы можем ошибаться во многих случаях под влиянием различных событий прошлого и настоящего, но не собираемся ни в коей мере предрешать всемогущий глас истории. Мы современники событий, и голосок у нас слабый для таких дел и оценок. *Только она*, история, должна сказать, какое место надлежит занять Ботеву среди болгарских писателей, поэтов, патриотов и деятелей; каким было его влияние и какова будет его роль в развитии политического и нравственного возрождения страны и народа.

Для нас же будет довольно и того признания, что Ботев относится к числу таких болгарских деятелей, которые заслуживают написания биографии, что в качестве его биографа мы выступили первыми и собрали кое-какие материалы, которые, в крайнем случае, послужат основой для более достойных авторов.

Русе, 7 августа 1888 г.

Глава I

РОЖДЕНИЕ, ДЕТСТВО, ОТРОЧЕСКИЕ И ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ

I

Во Фракии, в селе Калофер Пловдивского округа родился Христо Ботев Петков. Родители его – истинные болгары, православные. Это случилось в знаменательный день, в канун Рождества Христова, 25 декабря 1847 года, в преддверии еще более знаменательного новыми идеями и свободолюбивыми устремлениями 1848 года. Сама дата его появления на свет как бы предсказывала, что ему суждено жить и погибнуть в бурях. По причине того, что родился он на Рождество, согласно болгарскому обычаю, нарекли его Христо в честь спасителя. Христо был первенцем своих молодых родителей, поэтому его рождение доставило безграничную радость всей семье.

...Семнадцати лет от роду, в 1863 или 1864 году Христо отправился в Одессу, где поступил в классическую гимназию. До этого ему давал частные уроки Христо Павлов, благодаря чему он смог поступить сразу в третий класс. Братья Тошкович с первых же дней выказали ему свое особое расположение – во-первых, они разглядели в нем способности, а во-вторых, он был сыном даскала Ботьо.

Таким же, каким Христо был в Калофере, он остался и в Одессе, продолжая жить и учиться по системе, которую диктовала ему его буйная натура. Кротким и покорным он казался лишь несколько месяцев, пока его калоферские глаза не присмотрелись к чужому городу, пока он не завел знакомств и не выучился немного незнакомому языку. Потом же никакая дисциплина, правила приличия, послушания не могли обуздать его естественных влечений. Во всей гимназии не было

такого ученика, который бы получал низкие отметки по поведению, как Ботев. Стоило где-то зародиться малейшему протесту против начальства учебного заведения или против кого-нибудь из учителей, Ботев непременно оказывался в числе заводил. Его часто подвергали наказаниям, предусмотренным правилами училищного распорядка. Вести о поведении сына достигли ушей отца. Тот, зная о суровой дисциплине в русских учебных заведениях, написал несколько писем уже не боявшемуся его цепких и длинных пальцев Христо, в которых отечески наставлял, слезно умолял его вести себя смирно, как подобает ученику, не губить свое будущее и не бередить ран старика-отца. Тщетно! Не тот был у Христо характер, чтобы образумиться от подобных писем. Он писал родителям очень редко и в большинстве случаев просил у них денег, коих, естественно, не хватало. Средств ему посылали мало, потому что, как известно, у отца их не было. Где-то в 1865 году Христо писал отцу: „Невозможно терпеть и находиться тут. Здешние учителя и порядки – не человеческие, а зверские. Надо быть каменным, чтобы их вынести...“

О русских учебных заведениях той поры мы распространяться не станем, они всякому известны своей муштрой и тиранскими порядками, как и подбором учительского состава. За любое непосещение церкви, за одно вольное слово, за непочтительное отношение к кому-нибудь из начальства или нелюбовь к закону божьему ученика брали на заметку и наказывали. Для людей с характером Христо подобное заведение было темницей.

Как бы то ни было, из-за своего отроческого возраста и недостаточной развитости он смог проучиться в гимназии около двух лет. За это время он раз десять сидел под арестом в *карцере* и несколько раз побывал

в полиции за разные проступки и вольности. Будь он русским, его бы в два счета вышвырнули из гимназии, а могло бы случиться и кое-что похуже, но тогда в учебных заведениях России к болгарам относились снисходительно, смотрели на их проделки, так сказать, сквозь пальцы. Выучившимся через пень-колоду, с неудовлетворительной оценкой по поведению, им давали в руки бумагу и отсылали в Болгарию просвещать своих соотечественников. Точно так же, как, храни их бог, поступают сейчас в наших школах с помаками. Но всему есть предел, и, наконец, педагогический совет решил исключить Христо Ботева из гимназии за плохое поведение. Эта мера лишь подытожила формальную сторону дела, потому что Ботев и так уже покинул школу, месяцами не появлялся в классе.

Одесское болгарское попечительство, или контора Тошковича, которая была покровительницей и обителью болгарских учащихся и через которую, думается, выдавались денежные пособия стипендиатам, уже давно вынесла свой окончательный приговор: из сына учителя Ботьо человека не выйдет. Эта контора больше всего тяготила Христо и стала, пожалуй, основной причиной того, что он бросил гимназию. На болгарских учеников там смотрели косо и обращались с ними, как с побирушками, а отношение к ним со стороны большинства членов попечительства было крайне надменным и барским. Можно себе представить, какого размаха достигал болгарский „чорбаджалык“ с примесью русского аристократизма и *барской спеси*. В употреблении титулов „благородие“, „ваше высокоблагородие“ надлежало соблюдать особые тонкости. Учащиеся разных одесских учебных заведений, которые часто приходили в дом Тошковича по своим надобностям, часами выстаивали в нетопленной прихожей, где

господа оставляли лишь теплые шубы и обувь. Ботеву тоже не раз приходилось переминаясь с ноги на ногу в ожидании хозяина. Наконец появлялся Тошкович, в халате и ночном колпаке, и, оглядев всех, начинал читать мораль: почему они не слушают учителей, почему такой-то не посещает церковь, почему у них плохие отметки, почему то, почему се, приехали сюда попрошайничать и т.д. и т.п.

Больше всего упреков сыпалось на голову Христо.

– А тебе, милостивый государь, не стыдно являться пред мои очи? – вопрошал Тошкович. – Долго ты еще будешь позорить нас перед людьми и начальством? Ты почему бунтуешь и не посещаешь гимназию? Ну-ка, полюбуйся, на кого ты похож! Оборванец! Ты добьешься, что я попрошу полицию выслать тебя из России. Тебе бы только сторожем быть или извозчиком, а не учеником среди благородных людей!..

Тошкович и другие попечители безжалостно шпыняли отроков.

Однажды Тошкович в своей конторе, разъярившись, с силой дернул за пальто одного из юношей, некоего Константина Ташева, и порвал ему одежду. Ботев присутствовал при этом. Забыв о собственном бедственном положении, он возмущенно крикнул: „Это тиранство!“ – и убежал. Если когда-нибудь он и помалкивал и моргал глазами, подавленный величественным видом Тошковича и его нравоучениями, то это было лишь на первых порах. Позже, освоившись и набравшись храбрости, он даже перестал заходить в палаты спесивых аристократов, которые были ему глубоко чужды и противны. В самом же начале сын учителя Ботьо, красивый, привлекательный юноша, наделенный даром красноречия, умеющий хорошо петь и декламировать, мог бы успешно развлекать сытое и слег-

ка интересовавшееся болгарской жизнью семейство Тошковича, то есть мог бы рассчитывать на хороший, благосклонный прием, весьма необходимый ему как в моральном, так и в материальном плане. Именно так вели себя многие болгарские учащиеся, но Ботеву это было не по нраву. У него была такая натура, что дом, семейная среда, вечеринки стесняли его свободу, унижали его достоинство. Сидеть в богато обставленном зале, где играет фортепиано, повинувшись неким тонким пальчикам, стыдливо, по-школярски поджимать ноги; говорить согласно правилам хорошего тона; не сметь высказать свое мнение, сыронизировать, сострить – да ему минуты показались бы днями, а дни годами. Он искал такого общества и любил бывать там, где можно было говорить без цензуры и свободно обращаться к любому, где он мог бы быть первым и где голос его звучал бы чаще других. А подобные вечеринки – каждому известно – проходили в скромных комнатухах, снимаемых школьниками, да в трактирах. Вот там-то и бывал Ботев.

Одесское попечительство привечало и выдавало средства лишь тем учащимся, у кого были хорошие отметки. А раз все мерилось таким аршином, Ботев попал в самый низший разряд. Однако дом Тошковича он иногда посещал, о чем говорит следующий факт. Из глубины России приехала в Одессу болгарка Ш.*, учащаяся, которая возвращалась в Болгарию и, естественно, должна была прибегнуть к помощи Тошковича, чтобы получить паспорт – в царской России это было ужасно сложно. Было поздно, лил дождь, пароход в Константинополь ходил раз в десять дней, и время его отправления приближалось. Проводить, помочь де-

*Парашкева Шушулова, учительница в женском монастыре в Калопфере. Эта сердечная привязанность Ботева точно не установлена.

вушке преодолеть полицейские кордоны, все придирки паспортной службы и пароходного агентства было некому. В этот момент в дверях показался Ботев.

– А, скандалист! Вот кто справится, пожалуй! – решил Тошкович и послал его сопровождать девушку на пристань.

Надо сказать, что за нашим героем в болгарском попечительстве и в гимназии закрепилась кличка „скандалист“, прозвище, которое он сам заслужил своим примерным поведением. Он благополучно посадил барышню Ш. на пароход, за что она сердечно поблагодарила его, попросив у него на память фотографию и подарив ему свою. Через несколько лет, когда Ботев вернулся в Калофер, Ш. учительствовала там. Как-то он пошел познакомиться с учителями и встретился с Ш. Они не узнали друг друга, ведь в Одессе они встретились всего один раз, ночью. Кроме того, Ботев тогда носил длинные волосы, а теперь короткие, да еще феску. Ш. достала фотографии своих друзей по России и стала рассказывать о каждом из них.

– А вот с этим юношей я познакомилась ночью на пароходе, имени его не знаю, но слышала, как его называли скандалистом, – сказала она, дойдя до фотографии Ботева. – Помню только, что он был лохматый, бедно одетый и малость чудаковатый.

Учителя, а с ними и Ботев, расхохотались. Ш. смутилась.

– Барышня, пресловутый скандалист, о котором вы говорите, – это я, – сказал Ботев. – Спасибо, что не забыли меня.

Учительница, смутившись еще сильнее, вся так и зарделась. Это состояние – самое поэтическое в женщинах, особенно в девушках: сердце Ботева, почитателя и ценителя прекрасного, эстетического, дрогнуло.

Он влюбился, она ответила взаимностью, и любовь их продолжалась до тех пор, пока он жил в Калофере. Если Ботев был охвачен платонической любовью, высоким чувством, то барышня, вскружившая ему голову, умей она ценить красоту, должна была чувствовать себя счастливой от того, что ее любимый такой человек, как Ботев.

Нужно признать, что Христо был очень красив – настоящее воплощение красоты в полном смысле этого слова. Классический рост, большие черные глаза, дугой изогнутые брови, выпуклый, высокий лоб, венчавший курчавую голову, римский нос, черные борода и усы, изящные белые лицо и руки, широкие грудь и плечи – загляденье да и только. Он был очень похож на мать. Слева на челе его была одна жила, толстая, как шнур, которая вздувалась, когда он сердился, был недоволен, возбужден, когда он держал речь или декламировал свои стихи, то есть когда чувства брали верх над разумом. Добавьте к этому его огненное красноречие, пламенное слово, дар рассказчика – описывать и изображать все живыми красками, иронизировать, увлекая даже тех слушателей, на которых он нападает, – и перед вами будет полный портрет Христо Ботева.

Покинув Калофер во второй раз, он навсегда покинул и свою возлюбленную. Через месяц-другой он написал ей, чтобы она приехала к нему в Румынию, где они могут обвенчаться, но это было просто выражением чувства долга с его стороны, плодом последних, еще не стершихся впечатлений, так как ему, конечно же, было не до женитьбы, – голодному скитальцу на чужой земле, да и не верил он, что она приедет. Впоследствии он посвятил ей стихотворение „Моей первой любви“, где обращался к ней со словами: „Забудь, как молил со слезами...“*

*Перевод А. Суркова.

III

В ту пору, когда наш герой учился в Одессе, произошли важные события, которые, если и не получили всемирного резонанса, то, по крайней мере, всколыхнули русское государство. Одним из этих событий было освобождение русских рабов, именуемых *крестьянами*, а вторым – восстание в Польше против этих так называемых освободителей, против русского правительства. Первое событие взбудоражило русскую интеллигенцию, дало волю разговорам, предметом коих, хотя бы косвенно, становились те общественные проблемы, которые уже давно устарели в других западноевропейских государствах. Русские писатели и патриоты прониклись сознанием того, что русскому народу нужны свобода, ограничение варварской администрации, наказание хищных чиновников и тиранов-помещиков. Печать и литература извлекли на белый свет такие жуткие события – плоды рабства, что идея новых реформ, социальной справедливости и борьба за ее осуществление приобретала, так сказать, бешеный размах. Эта эпоха, от Крымской войны до польского восстания, по свободе слова и мысли в России – венец царствования Александра II. Ныне (1887-1888) там нет и одной десятой той свободы, которая существовала в указанный период (1857-1863).

Тогда на ниве литературы и журналистики подвизались не обыкновенные или посредственные людишки, а гении и таланты, гордость русского народа. Передавался из рук в руки, как евангелие, периодический журнал „Современник“, где работали такие исполины, как знаменитый Чернышевский, Добролюбов и другие, ниспосланные самим провидением для того, чтобы разбудить сонное царство, разоблачить тирана, чтобы их

живое слово воодушевляло людей на протяжении целых веков. В ту пору сражался в Лондоне и Женеве славный А. Герцен, чей журнал „Колокол“, хоть и запрещенный в России, читали, заперев двери на ключ, в присутствии множества замороженных слушателей. Рука об руку с этим движением шел и Иван Тургенев. В это время вышел в свет его роман „Отцы и дети“, ознаменовавший начало нового, современного движения, отобразивший и представивший впервые тип нового человека – „нигилиста“. Метал грома и молнии Добролюбов, наэлектризовывал атмосферу Чернышевский – словом, эпоха и настроения в России были такими, как во Франции накануне великой революции 1793 года. Опять-таки в ту пору воскрес и Белинский, чьи работы вышли вторым изданием в виде собрания сочинений.

Новая школа храбрых ратников, что и по сей день волнуют Россию и заставляют ее повелителя хорониться в своих палатах, которых впоследствии упекли в Сибирь и на Сахалин, вздернули на виселицах и сгноили в тюрьмах за их убеждения, – складывалась и формировалась именно в ту эпоху. Еще не определившаяся в строгом смысле слова, находившаяся в эмбриональном состоянии, она, как это водится, по пламенности своих идей переживала апогей. Рьяные приверженцы героев „Отцов и детей“, цинично отвергавшие все существующее и сделанное на протяжении столетий; идеалисты, словно сошедшие со страниц романа Чернышевского „Что делать?“, воспринимающие свою жизнь, как модное платье, которое можно навсегда сбросить, – словом, революция, возбуждение, бег наперегонки – будто они только что очнулись от глубокого сна и кинулись догонять ушедший караван. Возбуждение достигло такой степени, что сам Чернышевский, выдаю-

щийся знаток политэкономии, критик и публицист, отложил все в сторону и засел за сочинение романов, то есть взялся не за свое дело. Этим он хотел приблизить наступление идеальной эпохи, развить теорию разрушения в России всего, что действительно было невыносимым и продолжает оставаться таковым по сей день. Позднее Писарев, молодой и талантливый литератор, превзошедший по своей увлеченности и тенденциозности и Чернышевского, и Добролюбова, и многих других, ополчился на искусство и поэзию, которые якобы служат орудием обмана народа и не имеют права на существование. В этом своем учении пламенный Писарев в запальчивости не пощадил даже лиру Пушкина, которого в России почитали, да и сейчас почитают, как бога. На всех направлениях литературы, чистого искусства и поэзии властвовала сильная тенденция, преобладали мысль и идея. Этого требовала русская действительность, требует и сейчас, пока в этом государстве господствует абсолютизм.

Нет нужды долго и пространно объяснять, что наш герой, вокруг которого разворачивалась и кипела грандиозная огненная борьба идей, был возбужден и увлечен и целиком поглощен этими устремлениями эпохи наравне с русскими. Иначе и не могло быть, ибо эта почва как нельзя полно гармонировала с его впечатлительной, поэтической натурой. Малых, прозаических уголков для тихих и мирных дел, для коммерческих идеалов и других подобных занятий в его душе не существовало. Увлечение генеральским лоском, которое, как мы видели, вначале имело место, когда Зографский застал его с подвязанной к животу подушкой, окончательно испарилось. Оно появилось ненадолго в переходный период, когда город Одесса блеснул перед ним на фоне его балканской природы, когда две противоположности – чужая и род-

ная земля, горы и море, демократический Калофер и военно-аристократическая Одесса боролись за его душу.

Сочинения вышеупомянутых русских литераторов, ставших евангелием для идейной молодежи того времени, – Белинского, Добролюбова, Чернышевского, журналы „Современник“, „Отечественные записки“ и другие – овладели всем существом Христо Ботева. По рассказам его современников – болгар, учившихся, как и он, в России, – д-ра Браделя, Христо Павлова, Зографского, подполковника Филова и других, – он ложился и вставал с книжками этих авторов. Он увлекался также Пушкиным и Лермонтовым, многие стихотворения коих выучил наизусть. Он принял близко к сердцу, влюбился в русскую борьбу и литературу, во-первых, как человек, а во-вторых, как болгарин. Как человек он встал на сторону честных русских патриотов, свободолюбивых и искренних, – его высокая, поэтическая и справедливая натура возмущалась тиранией, турецкой, русской, немецкой или любой иной. Он уважал борцов за справедливость и свободу, равно как ненавидел тиранов, в какие бы одежды и облачения они ни рядились, что показала вся его дальнейшая деятельность. А как болгарин и будущий воевода он увидел и нашел в русском движении что-то свое, что-то сходное, близкое потребностям своего отечества. Он увидел, что русский народ находится в тех же условиях, что и болгарский. Еще неизвестно, кто больше страдает – болгарская рая или русский мужик, „крепостной человек“. Для русского правительства и официальной России болгарин, находившийся под ярмом турецкого ига, был потерянным, самым несчастным человеком в подлинном смысле этого слова. Но на самом деле, истины ради надо сказать, что для Ботева и для всех умных и честных людей, не страдающих фанатическими предрассудками,

русский мужик, который шел на Дунай и на Балканы умирать за своего по вере и крови „братушку“, был во сто крат более, нежели он, рабом и более несчастным, и остался таким по сей день. Разница была лишь в том, что русские патриоты хотели освободить свой народ от своего тиранствующего правителя, а Христо Ботев – от чужеземного.

По этой причине последний охладел к гимназии и ее скучным предметам, кои казались ему противными и мертвыми, не увлекали его. Естественные наклонности взяли в нем верх и увлекли его по предначертанному пути, период ученичества был скомкан и оборван. Рано созрев, Христо Ботев, прежде чем сделаться примерным учеником, полностью закончить образование, прежде чем строго подготовиться к жизненному поприщу, как принято выражаться, стал поэтом, патриотом, революционером, бунтарем.

...Итак, первым сражением, которое воспитало Христо Ботева и помогло ему яснее определить свою жизненную позицию, была борьба русских интеллигентов против самодержавия. Ботев дружил с самыми передовыми и беспокойными представителями русской молодежи, участвовал вместе с ними в разных демонстрациях протеста, но ни на минуту не забывал, что он болгарин, никогда не считал, что чужая шапка может прийтись впору болгарской голове. Эта борьба, умственная и культурная, сыграла роль школы, необходимой для его возмужания и закалки.

Вторым событием, ознаменовавшим рассматриваемую эпоху в развитии нашего героя, было восстание в Польше и славная борьба польских патриотов против московского тирана. Само собой разумеется, это событие было во сто крат яснее, определеннее, реальнее, нежели первое, более способное увлечь и зажечь людей не-

ординарных. Оно было похоже на наши болгарские события, происшедшие позднее, в 1868-1876 годах, когда болгарский народ в отношении к Оттоманской империи разделился на два лагеря – на умеренных и непримиримых, то есть на тех, кто хотел добиться для Болгарии справедливости и прав через просветительство и политику, и на их противников, которые жаждали добыть эти права одним махом, посредством революции, кровью и ножом. Реформы в России, вроде освобождения рабов и прочие, весьма похожи на наши „фирманы“ по церковному вопросу, а бунт поляков, поставивших своей целью поразить тирана прямо в сердце, – на наши революционные выступления против Турции.

Когда этот отважный народ поднял в Варшаве и других городах свои знамена, русские патриоты и вольнолюбцы не только не протянули братскую руку повстанцам, но даже косвенно осудили их. Видно, далеко было – за тридевять земель ходить – русскому народу до польского в отношении интеллигентности и культуры. Вожаки освободительного течения в России, сознавая или не сознавая этого, пребывая в плену западных идей, надеялись миновать одну эпоху в современном политическом устройстве. Они готовили для России социал-демократическое управление, республиканское по форме, но с коммунистическим равноправием. Не подумав, что Россия – это не Франция и не Германия, где у пролетариата уже была своя история. Забыв и не учтя того, что конституционная форма правления, считавшаяся в России астраханской чумой, уже была пройденным этапом и устарела на Западе. Не обратив внимания на тот важный факт, что на Западе люди требовали от своих правительств не политического просвещения, свободы слова и собраний, а хотели разбить оковы экономического рабства, которое незыблемо и поныне. Упустив из виду, что во всей Европе,

как и в Турции, не было такого монгольского чудовища, как русское самодержавное правление. Именно против этого главного зла восстали поляки. Свергни они его, и русские интеллигенты были бы вольны выбирать себе любую форму правления, какую пожелают.

Если хоть на мгновение предположить, что Ботев занял бы сторону русских вольнолюбцев, то есть выступил бы противником польского восстания, то его встреча в Одессе с поляками напрочь опровергла бы это мнение. У него было много друзей среди польской учащейся молодежи, которые, естественно, держали его в курсе событий, происходивших в их отечестве. Страшные эти события, героическая защита польской земли от казацких орд, сожжение целых деревень, казнь через повешение женщин и девушек, зверь Муравьев*, равного коему нет во всем мире, и, наконец, высылка на заточение из страны всех молодых и интеллигентных сил этого народа – нет необходимости объяснять, какое впечатление производили эти факты на Ботева. Христо Павлов, находившийся в Одессе в бытность там Ботева, рассказывает, что на последнего сильно повлияла некая старуха-полька. Это была почтенная женщина, настоящая патриотка, благословившая на участие в восстании троих сыновей. Один из них погиб в бою с казаками, второго повесили в какой-то деревне, третьего сослали в Сибирь. Самое поразительное впечатление на Ботева произвело то обстоятельство, что эта пожилая женщина не плакала, не горевала о своем богатстве, а наоборот, гордилась тем, что принесла в жертву отечеству самое дорогое.

*М.Н. Муравьев (1796-1866) – русский государственный деятель, палач польского восстания 1863 г., получивший свое прозвище за жестокую расправу с его участниками.

Для людей незаурядных, вроде Ботева, этих событий было достаточно для становления личности еще в юности. По своему темпераменту он целиком и полностью был на стороне польских патриотов и всем сердцем поддерживал их. Здесь, в Одессе, он познакомился также с Саввой Раковским, которого уже давно объявили бунтовщиком и который скитался по разным государствам, рассказывая миру о чаяниях родного народа. Несомненно, учитель и ученик пришли к согласию по существу вопроса.

...И задумал он дело благородное, дело, не взяться за которое было бы преступлением с его стороны. Вместо того, чтобы погрязнуть в болоте либо бесцельно шататься по свету, он решил стать публицистом, испытать себя на ниве журналистики и литературы, чувствуя, что в состоянии сделать это и добросовестно выполнить свою высокую миссию. Впервые в жизни 10 июня 1871 года, почти месяц спустя после бегства из Измаила, он выпустил первый номер политической газеты под названием *„Слово болгарских эмигрантов“*. Газета была отпечатана в типографии Х.Д. Паничкова в Браиле, редактором значился Д. Чавдар (псевдоним Ботева). Под названием было напечатано: „Слово“ будет выходить каждый четверг. Стоимость на год, вносить заранее: для Румынии 10 фр., для других мест 12 фр.“ Справа помещен эпиграф: „Истина свята“, а слева – „Свобода мила“. Первую статью первого номера под заглавием „Вместо программы“ мы приводим полностью, дабы все могли, прочитав ее, составить понятие об идеях и направлении мыслей ее редактора.

„Одна из главных причин неудачи наших газет, особенно издающихся по сю сторону Дуная, заключа-

лась в том, что между программой и содержанием почти каждой такой газеты, между обещаниями редакции и их исполнением обычно была такая же разница, как между магометанским *раем* и христианским *адам*. Наши редакторы в программах своих сулили читателям золотые горы, но тотчас после этих обещаний, этих конфет и пряников, газета начинала походить на пустое поле, лишенное всяких особенностей и характерных черт, где вместо обещанных лесов читатель видел лишь какие-то колючки, на которых там и сям развешаны бесцветные лоскутья разных материй, предназначенные в качестве одежды для обносившегося народа. И раб, ожидающий, что ему укажут врагов его нравственного и политического освобождения, поддерживав, таким образом, его вековую инстинктивную борьбу против них, видел только соринки у себя в глазах, возведенные в куб и квадрат, тогда как горы, которые давят ему на плечи и не дают дышать, были обозначены одними лишь точками. И вот одни враги ускользали от него, другие оставались им не замеченными, а третьи даже выдавали себя за его друзей-патриотов. Именно так действовала широко распространенная болгарская газета, на протяжении всего своего существования являвшаяся органом так называемых „*молодых*“ *чорбаджий*. Такой же стала газета свободных болгар, поручающая обсуждение самых серьезных политических проблем сумасшедшему Диву-Дядю. Таков теперь и недоношенный плод наших поборников пицеваренья – политическая и литературная газета „Отечество“.

Этот триумвират, претендовавший на роль выразителя мнений и стремлений эмиграции, потерпел крах как раз из-за того, что не имел ничего общего с эмиграцией: первая из этих газет убегала от нее, вторая сме-

ялась и издевалась над ней, третья глубоко презирала и презирает ее с высоты своего чорбаджийского величия. И все это оттого, что они служили определенным группам, не знающим народа и неизвестным ему. Каждая из этих газет разглагольствовала, кричала, вопила о свободе, каждая одобряла воевод и эмигрантов, и в то же время все они бегали от них, никому не подавали руки, так что слово „хыш“ стало выражением порицания, презрения, недоверия; и те, которые имели несчастье носить эту кличку, терпели крайнюю нужду, так как нигде не могли найти себе работу, а если и находили, то были уверены, что плоды их труда будут присвоены другими...

Но „Народност“¹ и „Дунавска зора“ умерли и похоронили себя под собственными идеями, а „Отечество“, хотя еще не похоронено, за что должно быть благодарно своим влиятельным агентам, которые из низкопоклонства перед своими патронами обманули толпы простаков и набрали ему несколько сот подписчиков, но тоже умерло, и мучительная смерть его – такой же отвратительный процесс, какой переживают „Право“ и „Турция“.

Чтобы не погибло наше „Слово“ примерно такой же смертью, как вышеупомянутые блаженно почившие *средневековые рыцари*, мы воздержимся от всяких обещаний и, полагая, что программа газеты выяснится из содержания двух-трех первых ее номеров, ограничимся лишь замечанием относительно ее названия: „Слово болгарских эмигрантов“.

Мы смотрим на последнюю, новую группу болгарской эмиграции, с каждым днем увеличивающуюся за счет беженцев и изгнанников из всех слоев народа, как на первый кусок гранита, поражающий среди бела

¹Редактор газеты „Народност“ Ив. Касабов. Прим. З. Стоянова.

дня лысую башку тирана, как на подлинный народный протест против общественного положения, занимаемого тираном среди народа. И даже больше: наш эмигрант, *в качестве прямого и законного наследника нашего классического гайдука*, воспринял и блюдет завещанную ему традицию борьбы, сохраняя все социальные стремления, являющиеся самыми прекрасными чертами нашего народного характера. Поляк любит все польское и проливает кровь свою за всех, кто говорит на его языке, – за магнатов, за шляхту, за иезуитов, болгарин же, напротив, ненавидит не только турка; такую же, а быть может, даже более глубокую, потому что более древнюю, ненависть питает он к чорбаджиям и духовенству, этому непогребенному византийскому трупу, продавшему и разорившему наш народ, а теперь носящему на шее ключи от его оков.

Кто желает убедиться в этом, пусть вдумается в смысл нашего гайдуцкого эпоса, пусть вспомнит шопское, брайльское и дядо-николово восстания. Для нас достаточно отношения чорбаджийства по сю и по ту сторону Дуная к теперешней эмиграции, а ее – к народу и отношения народа к этим группам. С какой трепетной надеждой, с какой трогательной радостью откликается бедный народ на призывы своих изгнанных сынов, и какую антипатию обнаруживают к ним его кровопийцы – чорбаджии и высшее духовенство!

Мы сами были свидетелями этого и сами на себе это испытали в качестве пропагандиста по ту сторону и эмигранта по сю сторону Дуная... Да одни ли мы?... Сколько других несчастных проповедников было предано этими кровопийцами народа и сколько других скрывал и скрывает народ! А тут, тут не обзывали ли нас бродягами, шарлатанами, бездельниками, всячески, как только взбредет в голову таким феноменаль-

ным невеждам, какими являются наши чорбаджи? Или мы настолько глухи и слепы, что не видим их руки в неудаче петрушанских событий и решительных приготовлений Желю и Филиппа Тотю? И кто бы ни возражал против этого, мы заткнем ему рот фактами, живыми фактами; мы докажем ему, что неудача вызвана вовсе не тем, будто в народе не получила достаточного развития идея освобождения, как думают *иваны* и *сто-яны*, а исключительно противодействием этих чуждых народу элементов. По существу, идея освобождения в народе никогда не угасала, и, хотя его эмиграция сейчас притихла, она не умерла и не заснула; она только отдыхает и приходит в себя от неудачи, чтобы потом с новыми силами приняться за работу и готовиться к бою.

Вот с какими убеждениями, с какими надеждами и мыслями открываем мы уста и в канун грозного часа вызываем к каждому эмигранту, каждой благородной душе, каждому сознательному болгарину, оставившему родной очаг не для того, чтобы променять одно рабство на другое, – вызываем к ним, чтобы высказать все, что накопилось в груди за *эти несчастные четыре года*, чтоб поставить вопрос о нравственно-политической свободе и откликнуться на страдания народа, который за рясой и камилавкой видит чалму босфорского чурбана и замахивается на чалму и на камилавку, чтоб избавиться от обеих. Из-за Дуная, белого Дуная, ждал он некогда своих освободителей от византийского ига – к Дунаю обращает свой взгляд и ныне. Ради этого мы должны сплотиться, об этом мыслить и говорить, для этого трудиться. И если пока еще есть рука, отводящая наши удары или препятствующая нам наносить их, то она уже не в состоянии заткнуть нам рот и помешать говорить...

Голос честный, благородный,
отклик в сердце встретит вещей,
и, слышав глас народный,
враг в испуге затрепещет.

Эта программа – первый плод литературной и публицистической деятельности нашего героя – столь ясно говорит сама за себя, столь ярко характеризует ее автора, что нам остается добавить немного. Чорбаджия, ряса и камилавка и пр. были ненавистны народу, гайдуки же, гайдуцкий славный эпос должен быть народным идеалом! Сама эпоха, великий и беспокойный дух и душа отразились в этой программе с поэтической пронизательностью. В этой программе – весь Ботев, тот самый, какого мы видим в поэме „Гайдуки“, затем в „Борьбе“, в „Моей молитве“, в стихотворении „Хаджи Димитр“ и в других произведениях. Читатели, которые вместе с нами встречали Ботева в селе Задунаевка, когда он тешил силу молодецкую на свадьбах и кормил собак, когда он с Христо Карловцем ночевал на заброшенной мельнице и всерьез сражался с призраками в трактире „Алдракулуй“, вряд ли поверят, что это тот самый Ботев написал такую программу, что в его груди бушевало это пламя. Таковы истинные поэты!

Редактирование, административная часть работы, печатание и техническое обеспечение газеты распределялось поровну следующим образом: Ботев – редактор, дед Паничка* – печатник, Киро Тулешков-Гурбет – наборщик, а братья Василевы, табачники из Браилы, кассиры и гаранты газеты. Словом, все как полагается. На первой полосе ясно указано, что газета будет вы-

*Димитр Паничков (1810-1909) – уроженец Калофера, видный болгарский печатник, собственник типографий в Константинополе, Браиле, Плоешти, Свиштове.

ходить еженедельно – по четвергам. На практике же получилось иначе. Пять номеров, которые лежат перед нами, отпечатаны в такой последовательности: первый номер, как уже сказано выше, – 10 июня, второй – 25-го того же месяца, третий – 8 июля, четвертый – 17 июля (слава богу!), а пятый – 25 августа! Человек работал на совесть, подписчикам негодовать нечего. В первом и во втором номере нет никаких жалоб на финансовые трудности и другие хозяйственные проблемы. Но в третьем номере в заметке „От редакции“ можно прочесть:

„До настоящего, третьего номера „Слово“ не могло выходить регулярно по той причине, что печатник и наборщики приболели (бедняги, как же так всех сразу болезнь свалила! – Р.) и кроме того, не было гаранта и покровителя. Сегодня мы с благодарностью сообщаем, что все утряслось и газета будет выходить регулярно, т.к. господа бр. Василевы из сочувствия к нашим идеям согласились быть гарантами *нашего эмигрантского „Слова“*.

Пусть теперь те интриганы в Браиле, коим наш политический вопрос, как бельмо в глазу, и кои возрадовались закрытию „Свободы“ и поморщились при появлении „Слова“, – пусть распускают слухи, что нам не уцелеть. Признаемся, что начали мы, не располагая большими средствами (да быть того не может! – Р.), но расходы у нас меньше, чем у „Свободы“, да и редактор не проживает в гостиницах и не содержит прихлебателей наподобие тех, кто распускает всяческие слухи... Свободные люди на всех меридианах сочувствуют друг другу, и наши эмигранты не бросят нас в беде, не позволят нам замолчать...”

После этого известия, напоминающего по своему духу ультиматум, в котором читателям с благодар-

ностью сообщается, что выход „Слова“ гарантирован, что у газеты есть свой хозяин, можно бы надеяться и ожидать ее регулярного получения. Но лишь следующий номер, четвертый, как уже сказано выше, вышел вовремя – 17 июля, – без жалоб. А пятый отпечатан лишь 25 августа, причем с таким худосочным содержанием, что стало ясно, как божий день, что пера Ботева там нет и в помине. Нет ни одного стихотворения, как было в первом, втором, третьем и четвертом номерах, где их и по одному, и по два; нет ни одной искрометной статьи, за исключением приложения „Болгарские повстанцы 1868 г. под руководством воевод Хаджи Димитра и Стефана Караджи“ и рассказа „Образцы турецкого правосудия“, которые были продолжением из предыдущих номеров и публиковались за подписью *Д. Чавдар*. Даже известие в начале пятого номера, в котором объясняются причины его опоздания, написано другой, посредственной рукой. Ради сравнения помещаем и его:

„По причине того, что редактор сильно болен, газета не могла выйти вовремя на прошлой неделе. О чем мы сожалеем, поелику не смогли сообщить о неурядицах в Книжном обществе, действительно существующих, как выяснилось на его годовом собрании 25 июля“.

За этим известием следует преглупейшая статья под еще более глупым заглавием „Гражданский обзор“, где в варварском стиле повествуется о том, как Стефан Берон¹ торжественно преподнес в дар Книжному обществу сердце Петра Берона, помещенное в „*обработанную по тому способу банку из серебристого металла!*“ Встречаются в тексте и такие фразы: „Вот и

¹Стефан Р. Берон (1820-1898) – племянник видного болгарского ученого, литератора и просветителя Петра Берона.

резоны от тому сбособу“ и другие русизмы и малороссийские словечки, по которым можно заключить, что таинственные ближайшие друзья Христо Ботева, малороссы Иван Иванович, А. Шапченко, Гримарди Флореску* и другие сделали весь пятый номер „Слова“.

Главная и самая уважительная причина того, что Ботев оставил газету и позволил, чтобы в ней печатали такие безграмотные и бессодержательные статьи, в том, что его в самом деле свалила с ног болезнь, как и гласит само сообщение. Это был тиф. Печатник дед Паничка и наборщик Киро Тулешков рассказывают, что он заболел после того, как вышел четвертый номер „Слова“. Пятый был напечатан уже во время его болезни, а шестой, в чем мы лично сомневаемся, якобы, позднее, на чем газета прекратила свое существование. О болезни и положении Ботева в ту пору Киро Тулешков, всегда состоявший при нем на правах адъютанта, рассказывает: „...У него не было за душой ломаного гроша, когда он заболел, не было денег ни у меня, ни у его товарищей, которые вечно окружали Ботева. Я хотел заложить часы, но их нигде не приняли (наверное, потому, что были чересчур хороши, да и закладчик бы человеком, достойным доверия и уважения – Р.). А он при смерти, больной и голодный. Наконец, я пошел к одному его другу и сообщил, в каком критическом состоянии находится Ботев. Этот друг – я как сейчас его вижу, словно он здесь, без промедления вместе со мной отправился к доктору, и мы привели его к больному. Тот осмотрел его и выписал рецепт, а, узнав, что больной – газетчик, редактор, отказался от

*Иванович, Шапченко, Флореску – вероятно, псевдонимы русских революционеров. Иванович – псевдоним С.Г. Нечаева (1847-1882), а под именем Флореску, вероятно, скрываются разные лица.

платы за свой труд. Все вышло как нельзя лучше, но откуда взять денег на лекарства? Аптекарь приготовил снадобье, но не дал его мне, да еще и рассердился – почему я ему сразу не сказал, что у меня нет денег? Что же делать? Пошел я к Ангелаки Саввичу, но и этот добрый человек и искренний патриот в то время пребывал в крайней нужде. Все же его встревожила болезнь Ботева, он побежал к Стефану Берону и попросил его спасти юношу. Берон написал аптекарю записку, и тот выдал лекарство. Беготня, хлопоты заняли 2-3 часа, а заплатить-то надо было не более двух-трех франков...”

Четыре номера, но и их вполне достаточно, чтобы охарактеризовать и оценить Ботева – и его политические убеждения по разным вопросам, и его литературные и поэтические способности. Как мы уже не раз подчеркивали, в Болгарии он желал сокрушить все основы, прямо или косвенно крепившие „босфорского чурбана“. Чорбаджии, духовенство, жалкие газетчики без каких-либо идей и определенных мнений, прочие просветители были, по его определению, вредными и пустыми элементами. Гайдуки – только перед их идеалами и последователями он преклонялся – вот кто должен стать знаменем честных эмигрантов... „Наш эмигрант в качестве прямого и законного наследника классического гайдука, воспринял и блюдет завещанную ему традицию борьбы, сохраняя все социальные стремления, являющиеся самыми прекрасными чертами нашего народного характера“, – говорит он.

В этой небольшой, состоявшей из трех узких колонок, газете, в ее четырех номерах он успел сказать несколько слов и о славянской конфедерации, совсем еще новой тогда идее. А поводом послужила новоиспеченная сербская газета „Югославия“.

„Приветствуем появление болгаро-сербской газе-

ты „Югославия“, – писал он... – Идея югославской конфедерации есть идея западных панславистов в противовес идее русских, чья программа заключается в словах их великого поэта: „Славянские ль ручьи сольются в русском море? Оно ль иссякнет?...“ Нет славянина, ни южного, ни западного, нет нормального человека, который сочувствовал бы такой абстрактной идее вроде той идеи русских, при осуществлении которой будут поглощены целые уже обособившиеся народности со своей историей, литературой, нравами и обычаями. Химическое слияние этих народностей дает композицию рабства, порождает яд, который уже почти целое столетие принимает больная Польша. И наоборот, нет славянина, южного или западного, нет нормального человека, который не сочувствовал бы идее югославской конфедерации, в коей отсутствуют принцип рабства и идея слияния разных народностей, а напротив, обеспечивается свободное развитие всех входящих в нее народов.

Идея эта возникла недавно среди южных славян, но в нашем народе она мало распространена по той причине, что проповедовалась неискренне и в ущерб его целостности. Германское объединение с его деспотической Пруссией и итальянское единство с его Пьемонтом под властью своего Эммануила – вот примеры, кои пугают наш народ, потому как и Россия для него не Пруссия, и Сербия – не Пьемонт. *Югославскую конфедерацию* нужно проповедовать и создавать на других, свободных началах, чтобы ни одна из народностей не была обижена. *Пруссак* – это немец, *пьемонтец* – итальянец, *болгарин* же – не серб, а *серб* – не русский...”

Принципы и идеи, высказанные в этой короткой заметке, достаточно полно характеризуют Ботева и как болгарина, и как славянина, и, наконец, как чело-

века. Еще тогда, 17-18 лет назад, он смотрел на этот вопрос так, как сегодня смотрят на него в его отечестве болгарские патриоты. Но эти последние по сравнению с Ботевым не заслуживают никаких лавров – их глаза раскрылись от оглушительного грохота событий и фактов (1885-1888 гг.). Будь мы, современники, даже слепыми, нам все равно пришлось бы открыть глаза и просветиться по вопросу о славянстве – какое именно славянство спасительно и желательно и от какого надо нас воротить. С Ботевым дело обстоит совсем иначе. На основе глубокого изучения истории славянских племен и их жестокого покровителя, следуя своим собственным чувствам и патриотическим побуждениям, он сумел предугадать и предвидеть то, что обыкновенным смертным стало ясно лишь после грубых фактов и событий. Так и должно было быть.

В то время, когда Ботев издавал свое „Слово“, во Франции, вернее, в Париже, совершались великие события. Французские рабочие в Париже, воспользовавшись падением своего авантюриста-императора, названного Наполеоном III, поднялись против своих угнетателей – аристократов, буржуазии, чиновников, попов, монахов и пр. Они образовали временное правительство, спалили дворец классических тиранов, разрушили памятник Наполеону I, порешили лицемерных попов и монахов – словом, ради собственных интересов нанесли первый удар старой цезаревой школе. Обитатели Версаля – Фавр, Мак-Маган, Тьер* и прочие – собрали силы, жандармов, войска и верных приверженцев, ударили по Парижу коммунаров и после отчаянного сражения овладели им. Полымя и кровь, жестокая

*Жюль Фавр – член Версальского правительства; Адольф Тьер – первый президент Третьей республики, правительство которой сбежало из Парижа в Версаль и организовало расправу с коммунарами; Мак-Маган командовал войсками, разгромившими Парижскую Коммуну.

сеча, какой не довелось изведать ни нашему Батаку от башибузуков, ни Дамаску от арабов, завязалась внутри одного и того же народа, между рабочими и чорбаджиями. Малых детей, называемых *поджигателями*, закалывали прямо на улицах, раненых расстреливали в лазаретах из митральез. Республика прошагала по трупам почти 25 000 бедняков и утвердила знамя своего торжества, отправив в изгнание еще несколько тысяч. Эта ужасная резня в цивилизованном Париже, эта схватка между бедняками и богачами закончилась за несколько месяцев до того, как Ботев приступил к изданию своего „Слова“.

Разумеется, симпатии во всем мире были на стороне Версальского правительства, которое водворило в Париже *порядок*. Слова *коммуна* и *коммунары* были равносильны обозначению некоей породы собак, варваров, разбойников, мародеров и грабителей, вроде наших башибузуков и черкесов. „Они спалили красивейшие дворцы и памятники, опустошили прекрасный город“ и прочие охи и вздохи издавали разные поклонники прекрасного. Жители города Браила были того же мнения, т.е. не жалели никаких слов, чтобы заклеймить и очернить коммунаров. Ботев вместе с таинственным Флореску был исключением. Они ходили по трактирам и другим заведениям, где собирались болгары и где к ним прислушивались, убеждая и разъясняя, что коммунары – спасители человечества, мученики, пострадавшие за бедняков, рабов и т.д., но глупцам все еще не дано было этого понять. Как-то в трактире один молодой купчишка, отличавшийся тем, что бухгалтерские книги и счета у него были в полном ажуре, возразил им, заявив, что парижские коммунары – собаки.

– Шапки долой! На колени, подлецы! – крикнул взбешенный Флореску, смахнув шляпу с головы умно-

го купчишки. — На колени, когда разглагольствуете о ста тысячах, погибших во имя идеи!..

Купчишка нагнулся, поднял шляпу и вместе с остальной публикой покорно ретировался. Все разбежались. По некоторым свидетельствам, в том числе и самого Ботева, Флореску был коммунистом не только на словах, но и сражался на парижских баррикадах против версальских войск, а потом ему удалось бежать, меняя имена в каждом городе и государстве. Иван Вазов рассказывал мне, что в ту пору наш герой был столь ярким коммунистом и защитником парижских событий, что после нескольких встреч с ним он, Вазов, начал верить, что коммуна спасет мир. Коли Ботеву удавалось увлечь таких людей, как Вазов, кротких и благодушных, то можно себе представить, каким было его красноречие и способность убеждать.

А вот, наконец, и статья в защиту коммуны, напечатанная во втором номере *„Слова“* под заглавием *„Смешной плач“*.

„Плачьте о Париже, столице разврата и цивилизации, школе шпионства и рабства. Плачьте, филантропы, о дворцах страшных вампиров и великих тиранов — о памятниках глупости и варварства, сооруженных из отсеченных глав стольких предтеч, стольких великих мыслителей и поэтов, из обглоданных костей стольких мучеников ради хлеба насущного. Плачьте! Никто не может утешить безумцев, никто не может укротить взбесившихся.

Проклинайте коммунаров за то, что они разорили вашу столицу и умерли с разбойничьими, на ваш взгляд, словами: *„Свобода или смерть, хлеб или свинец!“* Плюйте на их трупы и на трупы тех жертв цивилизации, которых вы обнимали и обнимаете в лице своих жен, сестер, матерей, а теперь называете взбе-

сившимися блудницами – за то, что они нашли в себе силы взять в руки оружие и вырваться из вертепа разврата! Кидайте грязь, и камни на могилу Домбровского¹ за то, что он не стал слугой какой-нибудь коронованной головы, а был поборником великой идеи, высокой цели, решительно выступив против предателей Франции и виновников стольких несчастий человечества.

Весь мир оплакивает Париж, весь мир прокликает коммунаров, и бедная наша журналистика не отстала от других: она тоже заплакала о бездушном и прокляла разумное. Смешной плач! Как будто от Нимврода* до Наполеона**, от Камбиза*** до Вильгельма**** вой-

¹Домбровский (Ярослав) – поляк. Ребенком его забрали у родителей и отдали в военное училище для дворян, называвшееся Константиновским, вместе с другими молодыми поляками. Цель императора Николая заключалась в том, чтобы они забыли свою национальность. В семнадцать лет он стал поручиком от артиллерии, служил на Кавказе, потом поступил в военную академию, окончил ее и был направлен в варшавский гарнизон. Здесь он стал членом революционного Центрального комитета польских патриотов. Арестован до восстания и приговорен к смертной казни, но за неимением серьезных доказательств помилован и сослан в Сибирь на 15 лет. Из ссылки Домбровскому удалось бежать. В схватке парижан с Версалем он предложил свои услуги коммунарам. Был назначен комендантом Парижа. Он поражал своей энергией и хладнокровием не только парижское население, но и врагов. Тьер и министры неоднократно пытались подкупить Домбровского, но, к стыду своему, должны были признать, что он – человек иных нравственных устоев, чем они. Домбровский погиб на баррикадах. Вполне возможно, что Флореску, таинственный друг Ботева, сражался под его командованием.

*Нимврод – основатель Вавилонского государства.

**Наполеон I – видный французский государственный деятель, полководец и император.

***Камбиз – старший сын персидского царя Кира, известного своей жестокостью.

****Вильгельм I Гогенцоллерн (1797-1888) – прусский король и император Германии.

на не представляет одно и то же зрелище, не имеет одну и ту же цель, не применяет одни и те же средства! Как будто Наполеон во имя цивилизации и Вильгельм во имя божьего провидения не наделали больше зла, больше варварства в XIX веке, чем, например, Александр Македонский со своими походами много столетий тому назад. Но видят варварство там, корят и проклинают там, где раб – человек, словами и разумными доводами которого пренебрегли, – вынужден пойти на крайность и вступить в борьбу не на живот, а на смерть, пустив в ход все средства, даже грубые, потому что у него их мало, а мало их потому, что их отняли у него хозяева. Тогда человека называют разбойником, развратником, злодеем, варваром! Такими оказались и коммунисты.

У христианства были свои мученики, пока оно не добилось, что раба назвали „сыном божьим“, „сыном человеческим“; есть они и у революции, которая хочет „сделать бродягу гражданином“; они есть и будут у социализма, *желающего „сделать человека больше, чем сыном божьим и гражданином – не идеалом, а настоящим человеком, так, чтобы город зависел от него, а не он от города“*. Христианство, революция и социализм – монархия, конституция и республика – это факты и эпохи исторические, которые способен отвергать только ум, не признающий прогресса человечества.

Школа и только школа избавит Европу от социального переворота, – говорит бабушка „Македония“*. Школа и только школа подготовит Европу к этому перевороту, – утверждаем мы. Но не школа Златоуста**

*Бабушка „Македония“ – ироническое название газеты „Македония“, издававшейся П.Р. Славейковым.

**Иоанн Златоуст (347-407) – архиепископ Константинополя, один из самых красноречивых апостолов христианства.

и Лойолы*, Вильгельма и Наполеона, а школа Фурье и Прудона, Кювье** и Ньютона, и еще – школа жизни.

Коммунары – мученики, ибо важны не средства, применяемые ими в борьбе за свободу, а идея этой борьбы. „И у свободы будут свои иезуиты“ – говорит Гете.

Пусть же наша журналистика побережет свои слезы, как и журналистика европейская, чтобы оплакать другие столицы, другие варварства и страдания, когда раб крикнет своему хозяину: „Кто ты такой, что плачешь? Мужчина, женщина или гермафродит, зверь или рыба?.. И будет день – день первый...“

И здесь мы не прибавим ничего к тому, что сказал Ботев о коммунарах. Своей горячей симпатией к ним он доказал, что ратует за свободу и справедливость во всем мире, для всех народностей, и его болгарский и славянский дух отнюдь тому не помеха. Тем самым он доказал, что является истинным поэтом, что прежде всего он человек, потом болгарин, а уже потом славянин. Потому-то он и пребудет великим. Желал ли он Парижской Коммуны и в Болгарии? Ради его памяти мы протестуем против этого предположения, ибо это неверно. „Поляк, – утверждал он, – проливает кровь свою за всех, кто говорит на его языке, – за магнатов, за шляхту, за иезуитов; болгарин же – напротив“. Для Болгарии он желал политической свободы и демократического управления, по возможности, в республиканской форме, как хотели того же Любен Каравелов, Васил Левский, Ангел Кынчев и другие. Они прошли одну и ту же школу. Как революционер в своем отечестве, как современник Наполеона III, Александра II

*Игнаций Лойола (1491-1556) – основатель ордена иезуитов.

**Жорж Кювье (1769-1839) – известный французский ученый-естествоиспытатель.

и усмирения Польши, он естественно и логически должен был симпатизировать коммунарам во Франции и нигилистам в России. Было бы эгоизмом, фанатизмом как крайней степени патриотизма, если бы он ненавидел только султана Абдула Азиза, защищая Людовика, Наполеона и Александра II, как более свободлюбивых монархов. На такую позорную роль способны какие-нибудь посредственные, заурядные националисты, православные аскеты и прочие, но не поэт Ботев. Свергнуть в Болгарии турецкую власть и чорбаджиев, или даже осуществить лишь первое – ведь чорбаджия без паши и кадии ничто – вот в Болгарии и наступит коммунизм и нигилизм, о каком мечтают во Франции и в России.

Представьте, что встретились бы Ботев, русский нигилист и французский коммунар и завели бы между собой такой разговор. Ботев клянет и ругает их – дескать, у вас свое народное правительство, своя армия, своя литература, все свое, а вы все равно бунтуете и убиваете друг дружку, вместо того, чтобы объединиться да помочь болгарам прогнать султанов и пашей. – А зачем? – спросили бы его собеседники. – Да затем, что болгарский народ изнемогает и жестоко страдает под игом турок, – ответил бы, по всей вероятности, наш герой. Всякий умный человек, знакомый с жизнью французского и русского народов, очутившись на месте коммунара и нигилиста, возразил бы Ботеву, потому что во Франции и России народ вынес во сто крат больше, нежели болгары. Болгарин и при турках был сам себе господин, чего французам и русским и не снилось. Болгарина лишь грабили, иногда колотили, обзывали по-всякому, он был политическим рабом. Француз имел одну голую свободу, носил пистолет на голом брюхе, а голодал и бедствовал так, как у нас голодают

и бедствуют немногие. А у горемыки-россиянина не было даже пистолета на голом брюхе. Он терпел и голод, и нищету, и бесправие, жил по-скотски, хуже, чем скотина у болгарина. Если по всей Болгарии в год туркам случалось украсть четыре-пять девушек, обычно с их согласия, то на великой Руси это делалось совсем по-христиански. Мы можем назвать среди русских помещиков таких, что обесчестили по 50, а то и по 80 девушек. Такого турка, бея, аги, паши в Болгарии не было. Да что тут говорить? В России двух крепостных девушек обменивали на одну суку! Все это было прекрасно известно Ботеву, вот почему он заявил: всякий раб – ему брат, независимо от его веры и народности. Не был он ни министром, ни государственным мужем, ни консулом и т.д., чтобы из угодливости и приличия, ради дипломатии и политики молчать и сдерживаться. Ниже, когда речь пойдет о второй его политической газете – „Знаме“ („Знамя“), мы поговорим подробнее о его взглядах по различным общественным вопросам, о его политических убеждениях как человека, славянина и болгарина.

Газета „Слово болгарских эмигрантов“ отличалась еще и тем, что в ней помещались поэтические произведения нашего героя. Во всех четырех номерах, которыми мы располагаем, есть по одному стихотворению, а в первом номере – два: „Моей первой любви“¹ и „Дележ“, посвященное Л. Каравелову. Во втором номере – „На прощание“, 1868“, в третьем – „Гайдуки“, а в четвертом – „Беглянка“ (посвященное М.И. Гвой²). В первом же номере он поспешил известить свою первую любовь Ш., чтобы она замолчала и забыла о прошлом, о детских шалостях.

¹В первом издании – „Моей любви“, а во втором – „Моей первой любви“.

²Неизвестно, кто эта М.И. Г-ва.

Не тешь меня песней любовной,
Что в сердце вливается ядом.
Я юный, но юность не помню,
В ушедшем копать не надо,
Я все, что испытано нами,
Топчу, ненавидя, ногами.

Забудь, как молил со слезами
О вздохе, о ласковом взгляде.
Невольник, гремящий цепями
Улыбки единственной ради
Безумствовал, мир презирая,
В грязи все святое купая..

Не помни безумства былого.
Любовь уже сердце не греет.
Оно не воротится скоро...

.....

Ты чудно поешь – молода ты,
Но слышишь ли леса напевы,
Рыданий бедняцких раскаты?
Томится по голосу гнева
Душа и стремится с любовью
Туда, где все залито кровью*.

Прочитайте это стихотворение – „*Моей первой любви*“, из которого взяты эти отрывки, и вы увидите в нем Ботева, всего, целиком, с эпохой вместе, со всей его мрачностью, отчаянием и злобой ко всем довольным, сытым, благодарным судьбе, настроенным любить, миловаться и увлекаться. Было время, говорит он, когда я молил со слезами о вздохе, о ласковом взгляде, но та пора, когда я был рабом и безумцем, ми-

*Перевод А. Суркова.

новала безвозвратно. И действительно, жизнь Ботева была уже отравлена, покоя и мирной жизни для него больше не существовало. Более того. Он запрещает и другим быть веселыми и довольными, желая, чтобы весь мир стал таким же, как он, в том числе и его возлюбленная – слабое и заурядное существо.

Велико Попов*, его верный товарищ, рассказывает, что когда Ботев издавал *Слово болгарских эмигрантов* и заболел, он находился в следующем положении: на краю города жил некий уроженец Калофера, содержавший захудалый трактир, где собирались ломовые извозчики, грузчики и слуги. Здесь и проживал Ботев, у которого не было ни денег, ни кредита. За тем же столом, где чокались пьяные валахи и болгары, где орали разом по двадцать человек, а слушал он один, сочинялись статьи для „Слова“ о праве коммунаров и зверствах монархов! Здесь же написаны и стихотворения „Моей первой любви“, „Беглянка“ и пр. и пр. Здесь, в этом трактирчике, находилась его постель, его ночные покои. Кровать его состояла из одной доски – скамьи, на которой днем и до позднего вечера сидели гости, и лишь глубокой ночью, когда они, наконец, покидали сие убогое заведение, он укладывался спать. Несколько раз он пытался выгнать этих посетителей, дабы отдохнуть от них, однако хозяин трактира оскорбился, в форме ультиматума заявив нашему герою, что пьяницы, которых он хочет выгнать, обеспечивают ему средства к существованию. Много раз, примостившись где-нибудь в уголке, опершись на локоть, чтобы хватило места и остальным, он читал газеты и книги,

*Велико (Величко) Попов (1848-1927), родом из Стара-Загоры, учитель, друг и единомышленник Христо Ботева. Вдвоем с Ботевым они направили приветственную телеграмму Парижской Коммуне и основали коммунарский комитет. По этому поводу Ботев пишет одну из самых ярких своих статей – „Символ веры“.

а некоторые крепко выпившие гости, противники подобных занятий, подстраивали ему разные пакости. Одни усаживались так, чтобы заслонить свет маленькой лампы, другие иронически спрашивали, скоро ли будет война с царем турецким, третьи интересовались, уж не в попы ли он собрался, все читает да читает, и т.д. Подстилкой, одеялом и подушкой ему служили собственная одежда и обувь. Когда не было дров, он жег газеты и на этом огне жарил мясо! На рассвете, спозаранку ему приходилось устраивать аудиенцию для своих многочисленных помощников и товарищей, которые были вдесятеро беднее его. Ему завидовали, что он ночует в трактире, поскольку сами они ночевали в кустах, а то и вовсе проводили ночь на улице.

– Хлеба, господин Христо, – умоляли они в отчаянии. – Если и ты не поможешь нам, одна дорога – вниз головой в Дунай.

Глава III „РАДЕЦКИЙ“

Наступил 1876 год, этот страшный, великий и знаменательный год, эта замечательная эпоха в истории нашего рабского прошлого. Он был крылатым, волшебным, обаятельным и идеальным. Стремительный приход весны, расцветшие подснежники какой-то неведомой силой околдовали покорную и мирную раю. Как никогда прежде, она вдруг вообразила, что в состоянии померяться силами с дряхлой империей, что может сразиться с ней не на жизнь, а на смерть, что несколько кремневых ружей – по одному на тридцать-сорок человек, серпы, косы, садовые ножницы и топоры сотворят чудо! А почему бы и нет? Ведь рассказывают

же старики, как шопы* с дубинками захватили Константинополь! Что они чуть было не посадили на престол и своего царя, но хитрые греки провели их, пустив везде вместо воды вино – и пропала их победа! Да разве только это? А столь же достоверная история о том, как Кара Георгий с помощью пушек из стволов черешен освободил Сербию? Разве этого мало?

Сестра Сербия кинжалу и ружью молится, храбрый черногорец вьется соколом, крылатый воевода Тотю ждет по ту сторону Дуная с 500 молодцами, воевода Панайот давно бродит по Балканам, из Тырново налетит огненная конница, от которой разбегутся все, кто не поклоняется кресту; из Врацы уже шлют письма, писанные кровью, сливенцы давно провозгласили свою Стара-Планину независимой; в Константинополе подвизаются 300 человек черногорцев, которые подожгут город в 300 местах; Турция совсем растерялась и в замешательстве не знает ни что ей делать, ни что думать; паши подают в отставку; войска разбегаются; Европа больше денег не дает – пробил тот знаменательный час, когда каждый болгарин восстать должен, когда турецкому царству пришел конец, как предсказано самим 1876 годом, если перевести цифры в буквы церковной азбуки! А великая Россия? О, она выжидает и делает вид, что ничего не замечает, но как только увидит наши развевающиеся знамена, ее огромные пушки заговорят сами.

Да, год был таким, какого рая еще не видала и не помнила за пятивековое свое рабство. Болгарина, который не верил... нет, погодите, который только смел подумать, что болгары не смогут справиться и одержать победу в грядущей битве, считали предателем, прокаженным, черной душонкой. Этот вопрос вступил

*Шопы – болгары, населяющие районы близ Софии.

в такую фазу, что не подлежал критике. В Румынии все знали о том костре, что полыхал внутри Болгарии, который зажгли отважные проповедники, называемые апостолами. Направляя письма в Бухарест, Джурджу и пр., посылая своих курьеров по каким-то делам, они не сообщали новостей и сведений о том или ином округе, а просто ставили резко ультиматумы с такой самоуверенностью, будто сочиняли проект Сан-Стефанского договора*. Один из них написал, что он уже не в состоянии удерживать от бунта свой округ, подчиненных ему патриотов, которые жаждут померяться силами с обветшалой Турецкой империей. Другой превзошел первого, уверяя, что уже с месяц, как он блокировал издалека подступы к городу и занял все самые важные стратегические местности на Балканах, где его юнаки, будто соколы, ждут не дождутся, когда им позволят сразиться с тираном, и т.д. и т.п. В Румынию непрерывно прибывали посланцы с деньгами – у них было по 800, 1000 и больше лир, чтобы купить оружие для своего округа. Торговцы мигом почуяли, что запахло барышами, и поспешили доставить из Австрии и Германии самые простые и дешевые ружья и револьверы, которые охотно раскупались и переправлялись в Болгарию. Многие приказчики и писари, служившие у купцов, сборщики налогов забирали из касс, принадлежавших их хозяевам и совладельцам, выручку и бежали в Румынию. Один купец из Врацы, некто М. Цветков, украл у турка большую партию жира, привез его в Джурджу и, продав, купил оружие. Кризис был ужасным.

На того, кто находился в ту пору в Болгарии, кто

*Мирный договор, заключенный между Россией и Турцией 3.III. 1878 г., который положил конец русско-турецкой войне и ознаменовал рождение свободной Болгарии.

изнутри наблюдал эти удивительные приготовления и передвижения, все это, наверное, не производило особого впечатления. Но тот, кто жил за ее пределами и изо дня в день был свидетелем приготовлений и известий из Болгарии, непременно должен был прийти к заключению, что весь болгарский народ, составлявший тогда, согласно данным, семь миллионов, восстанет, как один человек. Были среди апостолов и будущих главнокомандующих и такие, кто заказал себе в Бухаресте дорогую униформу. Все истинные болгарские патриоты в Румынии были в курсе происходящих на их родине дел, их кровь тоже кипела, они разделяли общее настроение своих братьев по ту сторону Дуная. Нет сомнения, что наш герой знал больше всех и больше всех волновался. Он разъезжал по румынским городам, привозил отовсюду деньги, оружие, лекарства, военное снаряжение, а молодежь спешила записаться к нему в отряд. Эти приготовления делались на всякий случай, чтобы, получив радостное известие из Болгарии о том, что взмыли ввысь народные знамена, румынским болгарам было с чем идти на помощь братьям.

...Но время проходит, терпение болгарских изгнанников в Румынии достигает своего предела, известия, поступающие из румынских городов, говорят об одном и том же – что ребята готовы, *товар*, как они выражались, собран; в Крайове, где работали 40 человек, уже заготовлено около десяти тысяч патронов; новости из Болгарии сыплются градом; горячие врачанцы ждут у Дуная с телегами своих дорогих гостей! Но одно смущает еще молодые и буйные головы, одно их беспокоит и не радует: где же воеводы, где грозный Тотю, которого в те времена почитали, как бога? Где офицер Кекеров, весь увешанный железом? Нету Тотю, нету

Желю, не слышно Панайота! Кто поведет молодых и неопытных ребят, кто покажет им дорогу?

– Я!.. Я буду вашим воеводой, я поведу вас! – воскликнул однажды вечером наш герой, сидя среди таких же, как и он, болгар, которые недоумевали, куда подевались воеводы.

– Да здравствует наш воевода Христо Ботев! – радостно вскричали ребята. – Где ты умрешь, там умрем и мы!

Ничего не поделаешь. Против своей воли пришлось нашему герою стать воеводой, взять на себя такую роль в драме, которая не была предназначена для него. Ничего не скажешь, минута была важная и торжественная, надо было как-то выручать борцов за свободу, поставить кого-то во главе тех, кто искал вожака и командира, вместо того чтобы он их подбирал. Рассказывают, что он заплакал, когда узнал, что воеводы-предводители изменили делу и покинули посреди поляны молодых и неопытных патриотов. Тогда он и решился. Само время, обстоятельства и события выдвинули в воеводы того, кто ради гайдуцкого эпоса, ради знамени и Стара-Планины пожертвовал молодостью, талантом и карьерой. Переправиться через Дунай, умереть под знаменем за свободу и справедливость – к этому он был готов, не стоит сомневаться. Вся его жизнь, его прошлое, все написанное им, само его существо, наконец, последовательно вели к тому, что он должен был умереть под знаменем не своей смертью, а среди зеленой дубравы, у студеного ключа, под свист пуль. Это настолько ясно, настолько очевидно и предопределено, что любой стих его пламенных песен, какой ни возьми, послужит актом, документом, пророчеством, если хотите. Захват чужого парохода среди бела дня на чужой земле, торжественное появление на палу-

бе этого парохода с развевающимся знаменем; командование; грохот ящиков, арест капитана и провозглашение таковым себя; ожидание сочувствия, потрясения, пробуждения, которые должны были возникнуть в каждом городе и селе при появлении смельчаков; клятва и сознание, что ратники, вставшие под это знамя, идут на смерть за свободу и избавление рабов, и сотни других мыслей и воображаемых идей, обуревавших эту буйную голову, вытекают как строго определенное заключение. Невозможно было бы Ботеву больше жить и писать о правах раба, о свободе и участии каждого истинного патриота и настоящего человека в день, *когда раб восстанет*, если бы он упустил этот случай и остался в Бухаресте. Этого не могло быть. Если мы признаем, что он был поэтом, что во всем, что написано и сказано им, участвовали сердце и душа, то душа, сказавшая:

Укрепи мне, боже, руку,
Чтоб когда народ восстанет,
Я пошел на смерть и муку
В боевом народном стане*,

не могла бы после этого продолжать жить, существовать и смотреть в глаза людям. Ботев должен был умереть в борьбе, *борьба* – это слово было для него выше всех святынь, и он должен был запечатлеть своей кровью то, о чем писал кровью чернилами, должен был погибнуть *героем*. И погиб!

Так вот, речь шла о воеводстве, а не о том, хотел он идти с отрядом в Болгарию или нет – этот вопрос,

*Предпоследняя строфа стихотворения Х. Ботева „Моя молитва“.
Пер. А. Суркова.

согласно всем сведениям, вообще не подлежит сомнению. Он пошел бы и простым повстанцем, может быть, писарем кого-нибудь из воевод. Тяжкое бремя вожака ему пришлось взять на себя тогда, когда он увидел, что время идет, а воеводы, кекеровы и тотевцы, накупившие снаряжение на народные деньги, бессовестно изменили, отказались от первоначальных намерений. Один запросил невозможного, другой потребовал несколько тысяч франков под гарантию и т.д. Наконец, эти судари – Тотю и Кекеров – в тот вечер, когда молодцы должны были отправиться на Дунай, сели в поезд и сбежали в Сербию. Это случилось в Крайове. Тогда и провозгласил он себя воеводой, потому что среди собравшихся не было более авторитетного человека, чем он.

Многие говорят, что Ботев пошел на верную смерть лишь для того, чтобы выполнить долг, абсолютно не веря в какой бы то ни было успех. Это неверно, это варварское предположение, если можно так выразиться. Идти на дело первое и последнее, на дело грозное, акт о свершении которого придется подписывать кровью, вести за собой несколько сот людей и притом идти только из приличия, без уверенности, без святой надежды на успех дела – этого не допускает ни теория, ни практика великого и пламенного идеализма. Мы не знаем Ботева в эти последние минуты его жизни, нам не довелось ни видеть его, ни разговаривать с ним, но нам известна та эпоха, ее деятели и жертвы, так что мы можем с уверенностью сказать и о нем, что он верил в успех дела, если и не в конечный, то по крайней мере в его блестящее начало, надеясь на то, что когда поднимется народ, откликнется Европа, что они привлекут внимание к Болгарии. Подтверждением тому – сами факты и события, которые будут изложены ниже.

Новость о том, что наш герой провозгласил себя воеводой в Бухаресте, хотя ее еще и держали в тайне, быстро распространилась по всем городам, среди всех болгарских изгнанников-патриотов. Тайну сообщали шепотом, на ухо, только проверенным людям, но разве все, кто решился встать под его знамя, не были проверенными? Эта новость произвела на всех – выразимся по-современному – самое благоприятное впечатление. Кто из бедствовавших на чужбине патриотов не знал Христо Ботева, кто не бывал у него в гостях, не отведал его хлеба?

– А где же Тотю, Желю, Панайот и прочие? – спрашивали друг друга изгнанники.

– Они... там, где они, дай бог и мне, и тебе туда попасть! Но божьей милостью доберемся! – отвечал какой-нибудь дипломат-эмигрант, кривя душой и давая понять, что упомянутые воеводы уже в Болгарии, в самом пекле.

Вскоре после того, как наш герой присвоил себе столь высокий титул воеводы, он приказал всем болгарам, жившим в Румынии, немедленно выступить в поход и сосредоточиваться в следующих дунайских городах: Браила, Калараш, Ольтеница, Зимнич, Корабие, Бекет и Турну-Мэгуреле, где они должны были ждать дальнейших приказаний. Повстанцам надлежало представляться огородниками, а оружие и боеприпасы следовало уложить в ящики из-под грузов и выдавать в пароходных агентствах за замледельческий инвентарь: лопаты, мотыги, тесла, оселки, кирки и т.д. Дерзкий план демонстративного захвата какого-нибудь из австрийских пароходов, чтобы под австро-венгерским флагом переправить через Дунай наших людей, находившихся вне закона, понравился многим. В ходе выяснения истины нам довелось выслушать как мини-

мум 25-30 человек, которые выдают себя за авторов этого плана. Каждый говорит, что эта идея родилась именно в его голове, он предложил ее на таком-то собрании, или написал, или рассказал Ботеву, и она была обсуждена и принята. Христо Ц. Брычков, один из деятельных и ревностных патриотов из Свиштова, уверяет всех и настаивает, чтобы все признали, что именно он, встретясь в Зимниче с Иваном х. Димитровым*, внушал ему, что через Дунай переправиться невозможно, кроме как на австрийском пароходе. У нас нет оснований не верить этому, но одно дело – беседовать в Зимниче с Иваном Хаджидимитровым, и совсем другое – с воеводой этого похода. Иван Хаджидимитров не стал соратником Ботева, не был и в числе его сотоварищей, да притом неизвестно, знал ли он тайну и план похода – ведь тайну блюли строго. Весьма вероятно и возможно, что эта идея была высказана одновременно многими, но мы узнали из рассказа Ивана Андонова, что еще зимой, в декабре, наш воевода бредил пароходами, взятием Свиштова и переправой населения из Румынии.

Кроме того, само приключение с пароходом по своей демонстративности и дерзости было по сердцу и по душе Ботеву – чтобы разнеслось, прогремело во всех четырех концах Европы, что такой-то воевода, с такой-то дружиной, во имя того-то и того-то, ратуя за свободу и права рабов, таким-то способом сумели перебраться в свое отечество. И эпоха, в которую захвачен „Радецкий“, и настроение его завоевателя – одно другого стоят. Без „Радецкого“ драма была бы куцей, а образ Ботева потускнел и лишился своего содержания.

Никола Обретенов сообщает, что примерно 10 или 12 мая, т.е. за 4-5 дней до отправления дружины,

*Старое написание фамилии. В современном написании – Хаджидимитров.

Г. Апостолов вернулся в Бекет из Бухареста вместе с М. Цветковым. Они и принесли в этот город весть о том, что Ботев избран и провозглашен бухарестскими повстанцами воеводой и что переправляться решено на пароходе. Состоялось собрание, на котором присутствовали также Ванков, Горов и другие, и были предложены различные планы, например, высадка у Свиштова, разделение дружины на несколько отрядов и т.д. И тут Ботев заявил, что его план такой-то и его-то и будут осуществлять. Званных было много, да избранных-то мало. Из стольких отрядов, из 5-6 знамен, которые должны были пристать к берегу в разных местах между Видином и Тульчей, верным слову остался лишь отряд нашего воеводы, лишь герои „*Радецкого*“.

Глава V МИЛИН-КАМЫК

Во вторник, 18 мая, восход солнца застал наших героев в долине у Оходенского моста, в 50 километрах от Дуная, в 5-6 от горы *Милин-Камык*, в 25 километрах от Врацы.

Милин-Камык как самое высокое место в этих краях видно не только с Оходенского моста. Издалека белет скалистая вершина, торчит конусообразно над зелеными грабами и ясенями.

Дождь уже перестал, день обещал быть хорошим, на небе ни облачка, по всему, солнце будет палить с утра до вечера, жара установится, ниоткуда не веет ветерок. В утренней тишине дружина услышала какой-то глухой гул, который постоянно приближался.

Через несколько минут все сомнения насчет источника гула рассеялись – справа и слева налетела черкес-

ская конница и после короткого маневра открыла, не спешиваясь, огонь, засвистели винчестерские пули! Сзади по следам дружины подошли пешие черкесы, подобралась к ней, прячась в кюветах. Всего врагов было человек двести, видно, собрали на скорую руку кого попало из окрестных сел. Повстанцы заметили среди них старика-разбойника, которого воевода недавно отпустил на все четыре стороны. Он больше всех лез на рожон.

Первая серьезная стычка с заклятым врагом. Ботев вдруг преобразился в грозного, смелого воеводу, оглядел товарищей и решительно произнес:

– Ребята! Битва вот-вот грянет... Покажем, братья, что мы умеем умирать за наше дорогое отечество!

Произнес он эти слова и поскакал по густой траве прямо на неприятеля по правой стороне дороги, размахивая над головой саблей, блестящей в лучах утреннего солнца. Пули градом посыпались на него, ударяясь о землю и взметая высоко в воздух вырванную с корнем траву. По приказанию Н. Войновского*, разбиравшегося в военном деле, двое всадников бросились к воеводе, который отправился на верную гибель. Он остановился, выстрелил несколько раз по неприятелю и вернулся к отряду.

Черкесы начали наступать, пальба участилась, дружине была дана команда открыть огонь, но беречь патроны. Ползком пробирались повстанцы вперед, таясь в кюветах, сам воевода спешил и начал стрелять. От первых же выстрелов несколько черкесов свалились со своих коней, что воодушевило наших. Отгонят черкесов выстрелами, встанут и бегут по дороге. Так и двигались перебежками. А вся местность от Оходенского

*Н. Войновский (1849-1876) – видный болгарский революционер, военный командир четы Ботева.

моста до села Баница и подножия Милин-Камыка – голая равнина.

Так продолжалось более часа, и все убедились, что добраться таким образом до Врацы и ее гористых окрестностей невозможно – через каждые 50 шагов приходится останавливаться и отражать атаки.

Но вот перед ними открылось село Баница, населенное татарами и болгарами, уже давно разбуженное пальбой. Может быть, дружина собиралась пройти через Баницу, потому что дорога делит село пополам, но как только она приблизилась на 300-400 шагов, оттуда затарахтели ружья – стреляли, конечно, по ней. Это были татары, выстроившиеся вдоль плетней. Тогда дружина свернула вправо и обошла село по двум соображениям: во-первых, потому, что оно было враждебно настроено, а во-вторых, потому, что Милин-Камык находился с другой стороны, в 700-800 шагах от села. Повстанцы прибавили ходу. Начались балки, овраги – тут телегам не развернуться, да и не угнаться обозу за дружиной. Речь идет о военном „oboze“, который до тех пор следовал за дружиной. Повстанцы сняли с повозок все необходимое, и насмерть перепуганные горемыки-крестьяне быстро выпрягли волов и побежали в деревню. Там их поджидали другие освободители, которые по-настоящему „помогли“ им – черкесы догнали несчастных и всех порубили саблями.

На запад от Баницы высится холм, покрытый лесом, высотой около 200 метров, а длиной около одного километра. Это восточная оконечность той гряды, в середине которой возвышается Милин-Камык. Западный край гряды обрывается у села Чирен. Длина всей гряды – около трех километров. Она образует нечто вроде подковы, обращенной внешней стороной к Враце, т.е. к Стара-Планине, а внутренней – к Дунаю. По-

что везде гряда покрыта растительностью. Со стороны Дуная – крутые горные уступы, поросшие густым лесом, а к Враце тянутся пологие склоны. Гряда эта – как бы преддверие Балканских гор и предместье приютившейся среди скал Врацы. От Дуная до нее раскинулась ровная, без единого холмика, убийственно однообразная равнина. В общем плане вся эта местность по виду своему напоминает редут, если предположить, что с северной его стороны должен обороняться хозяин от наступающего с юга неприятеля. Отличие от редута лишь в том, что северная его часть абсолютно непроходима. Мы еще вернемся к Милин-Камыку, а сейчас последуем за пожаловавшими сюда нежданно-негаданно гостями.

Эти последние, как мы уже сказали, были вынуждены свернуть в сторону от прямой дороги, чтобы укрыться где-нибудь до наступления ночи. Когда они приблизились к восточному краю этого естественного редута, Войновский сразу же оценил его и предложил воеводе воспользоваться им, занять высоту. Он отобрал сорок человек и приказал им как можно быстрее забраться туда и залечь. По-видимому, неприятель не предвидел такого поворота событий, предполагая, что наши только обойдут село и снова вернутся на дорогу, поэтому не обратил внимания на высотку, на которую конница могла бы взлететь в два счета, опередив дружину. Увидев, что от нее отделились сорок человек, он спохватился и ринулся было наперерез смельчакам, но было поздно.

Тем временем бой продолжался, наши снизу целились лучше, чем их враги сверху, с коней. Жители Баницы рассказывают, что, когда двое черкесов упали замертво, а рядом со знаменем пропела боевая труба, лишь тогда они догадались, в чем дело, и побежали прятаться по домам.

Передовой отряд в сорок человек уже занял высоту, а остальные, пятась, приближались к ней, не прекращая пальбы. Новые позиции дружины заставили черкесов изменить свои планы. Они на мгновение замешкались, заметив, куда направляются наши, преследовать их в лесу не входило в их расчеты.

На опушке леса была ровная лужайка, со всех сторон окруженная вековыми деревьями. Тут дружина пустилась в пляс, крестьяне были свидетелями, уверяя потом, что слышали азартные возгласы „Уха-а!“ Нет сомнения, что наши герои затеяли хоро исключительно назло врагу.

К этому времени потери были невелики – погиб один семнадцатилетний паренек, причем по собственной вине. Вокруг было много земляники, ему захотелось полакомиться, вот он и оторвался от своих. Тут же коршуном налетел на него черкес и одним махом отрубил бедняге голову!

Взобравшись на описанную высоту, повстанцы разглядели средний холм, самый высокий в гряде. Это и был Милин-Камык, который удостоился чести быть вынесенным в заголовок настоящей главы. Вожаки четы мигом сообразили, что на Милин-Камыке им будет безопаснее, и поспешили перебраться туда, преодолев расстояние не более двух километров.

С Милин-Камыка просматривались все окрестности почти со всех сторон. На севере взор утомляет однообразная, унылая равнина, простирающаяся почти до самого Дуная. На юге красуется *Веслец*, царство врачанских виноградников, о которых еще пойдет речь ниже. За ним, будто приклеенный, хоть это и обман зрения, синее гордый пик Стара-Планины Вол, представляя чело солнцу – словом, как на ладони, весь путь нашего героя и его товарищей от козлодуйского берега

до самого его лобного места, притом в строго иерархической последовательности. Там, где он пал сраженный, пик достаёт до облаков, где кружит лишь горный орел. Высота его – 1800-2000 метров. *Веслец*, где накануне отдыхал воевода под шум водопада вытянулся ввысь на 800-1000 метров. Милин-Камык, где находимся мы с читателями в данный момент, – образуя с двумя упомянутыми вершинами строгую, прямую, как свеча, линию, достигает 600 метров. Позади уже пройденное и знакомое пространство, высшая точка Козлодую – 300 метров. Какая последовательность! Наконец, на юго-западе показывается краешек, узкая полоска зажатой меж холмов и скал Врацы, земли обетованной, центра, штаб-квартиры главнокомандующего. До нее от Милин-Камыка самое большее 14-15 километров. Настолько близко священные Балканы, что, кажется, протяни руку – дотронешься. Как видите, чудесная позиция, если бы гулять по этим холмам с тросточкой и чтоб внизу тебя ждала лошадь с коляской.

Насколько мы разбираемся в военных позициях, по нашему мнению, Милин-Камык был не очень-то выгодной местностью для наших, так как они находились с его лобовой стороны и не могли воспользоваться его северной неприступной „спиной“, которая, как уже упоминалось, представляла собой отвесную стенку, так что неприятель, который мог наступать с трех сторон: в центре – с юга и с боков – с востока и запада, – мог видеть всех. С любой стороны он мог подобраться к ним на расстояние сотни шагов под покровом пологих склонов и растительности. У наших был один путь – северная отвесная стена. Станешь отступать – спускайся по одному, а внизу их можно было перебить даже камнями. Южные же склоны, где располагались неприятельские позиции, – сплошь ровные поляны, хоть в карете разъезжай.

Солнце стояло почти в зените, когда дружина овладела Милин-Камыком. Неприятель еще не объявился. Как только все подтянулись, воевода и Войновский набросали план местности, разбили ее на участки и приказали соорудить заслоны в три ряда из камней, которых тут было превеликое множество. Они были уверены, что сражения в этот день не миновать. И не ошиблись. Черкесская конница, отставшая у Баницы, неожиданно появилась со стороны села Мраморен. Покружив по холмам и оценив занятую нашими позицию, враги спешили, привязали коней под горой и атаковали дружину с трех сторон. За три дня бытности Ботева воеводой здесь произошла самая отчаянная битва. В этом отношении Милин-Камыку принадлежит пальма первенства. На левом фланге командовал Никола Войновский, на правом – сам воевода. Он был настолько дерзок и неосторожен в порыве неудержимой ярости, что его сподвижникам приходилось несколько раз остерегать его, чтобы не лез под пули. От непрерывной стрельбы его ружье, кажется, системы „Шаспо“, страшно раскалялось, и, пока оно остывало, он пользовался чужими.

– Палите, братцы! Вон она, Враца! Там, небось, наш шум слышат, подмога того и гляди подоспел!

И ребята то и дело вскакивали, чтобы глянуть на врачанское ущелье.

– Надо же, Враца-то совсем рядом! Надо было нам поживее шагать да к ней пробираться, – раздавались голоса.

У неприятеля, кроме винчестеров, были и так называемые черкесские ружья, настолько легкие, что стрелять можно было и одной рукой. По рассказам очевидцев, черкесы стреляли из этих ружей пулями-

теллиями¹, которые срезали верхушки деревьев, как ножом, а одному казанлыкскому пареньку распороли живот.

Через два часа непрерывных атак, отбитых повстанцами, черкесы устроили передышку, посоветовались и снова пошли в наступление. Явно настал решительный момент сражения. Сделав по два-три выстрела, они выхватили сабли, готовые броситься на дружину. Войновский выстроил шеренгой на передней линии тех, у кого были револьверы. Поскольку расстояние между лагерями было незначительное – каких-нибудь 80-100 шагов, – нападавшим пришлось отойти под ураганным огнем. Тогда они пустили в дело свойственную им хитрость. Развесили на ветках свои островерхие шапки, а сами попрятались. Повстанцы целятся, стреляют, дырок в шапках понаделали, клочья шерсти из них повырывали, а толку никакого – шапки ни с места.

– Погодите, не стреляйте по шапкам! – смекнул, в чем дело, Перо.

Таким образом он спас много патронов, из которых уже немало пошло впустую, зато и сам пострадал: одна из неприятельских пуль угодила ему в правое колено, отчего нога повисла плетью. Немного погодя ранило Савву Катрафилова, как уже знают читатели, одного из самых доверенных товарищей воеводы. Пуля прошила ему обе ноги, порвав задние сухожилия. Сам воевода оставил свою позицию и бросился на помощь его святейшеству, осмотрел его страшные раны и кое-как перевязал их. Потом подозвал одного бойца, и они вдвоем перенесли раненого в тень.

¹Отливая такие пули, внутрь засовывают витую проволоку и крепко припаивают. Расстояние от одного конца проволоки до другого – 3-4 пальца. Непрактичность этой системы очевидна, но среди болгар и среди турок распространено поверье, что в иноверца надо стрелять пулей-теллией.

– Водицы дайте! Господи помилуй, водицы испить дайте, не то живьем сгорю! – стонал священник.

Но откуда ж быть воде на Милин-Камыке, на солнцепеке среди грабов и кизила? Вода в долине, в овраге, где растут липа, лещина, ива и клен. А солнце, как было заметно еще по утренней зорьке, пекло немилосердно, от жары трескались и рассыхались дерево и камень. Ни малейшего дуновения ветерка – чтобы хоть разогнать пороховой дым, висевший над головами наших молодцов и оседавший копотью на их разгоряченных, потных лицах.

– Весь день синий дым стлался над Милин-Камыком, а под его пеленой гремели выстрелы, – рассказывали жители ближнего села Мраморен.

Многие по совету старого гайдука брали в рот пули, сосали их, пытаясь этим холодком обмануть мучившую их жажду. Люди совсем обессилели, не могли говорить, падали на землю, их губы слипались, как медовые лепешки.

Неприятель, напротив, относительно этой жизненной потребности находился в завидном положении. В его лагере оказался родник с ключевой водой, бывший из-под камней под сенью высоких деревьев.

Вдруг среди бойцов появился пастушонок, который пригнал коз в овраг как раз под Милин-Камыком из любопытства – что за гром и грохот на холме? Дружина увидела мальчика, а Ботев спросил его – не голосом воеводы, а страждущего – не скажет ли он, где тут поблизости вода и не принесет ли он им попить, если она недалеко. Мальчик, которому, как и всем неразумным детям, было невдомек, что он совершает преступление против властей, побежал со своей кратункой* вниз, к грушевым зарослям с северной стороны, набрал клю-

*Сосуд из выдолбленной тыквы особого сорта.

чевой воды и вскоре вернулся. Ботев так обрадовался, что дал пастушонку целую лиру. А водой напоил раненого священника и других товарищей, кто едва дышал от жажды.

Бой продолжался, хотя неприятель иногда делал передышки и отходил назад, но лишь для того, чтобы атаковать дружину с еще большим остервенением. К нему подоспело подкрепление, положение защитников высоты становилось с каждой минутой все критичнее, некоторые смельчаки-черкесы подбирались к ним на 30-40 шагов. Всех лошадей с припасами и снаряжением поубивало, пал и конь самого воеводы. Ни одного коня не осталось в чете. А солнце стояло еще высоко, до заката было далеко.

В это время над Врацей, на которую были устремлены все взоры, поднялся какой-то дым, а потом на дороге, ведущей к Банице, т.е. к Милин-Камыку, взвилось облако пыли, словно по ней двигалась толпа людей. Заметили это многие, заметил и сам воевода. Он поглядел в свой бинокль и радостно воскликнул:

– Подмога, ребята! Вперед, братья! Враца в огне, а жители вышли из города и направляются к нам! Вперед, мы не одни! Бейте душегубов!

– Да здравствует Болгария! Да здравствует воевода! Смерть тиранам! Вперед! – посыпались радостные восклицания изнемогающих от жары бойцов.

Минуту назад вконец отчаявшиеся и изнуренные, они вскочили на ноги и ринулись, как львы, на врага. Лавина грохота и криков покатилась на черкесов по всей протяженности гряды, и те обратились в бегство, сметенные этой неожиданной атакой, удивляясь, наверное, чем вызвана такая дерзость мятежников, их воинственные вопли. Отогнав неприятеля, дружина вернулась на свои позиции. Все опять с надеждой стали

всматриваться в спасительную Врацу. Черкесы оглядывались по сторонам, догадавшись, что защитники увидели что-то такое, что придало им смелости и сил. А во Враце, как узнают далее читатели, действительно случился пожар и люди вышли на дорогу. Сражение вспыхнуло снова, но не с таким ожесточением, не на всех направлениях. Повстанцы забыли и про жажду, и про зной. Всех вдруг охватило веселье, воскресла угасшая было святая надежда, они опять размечтались, как прежде, на пароходе, в начале похода. Сам воевода сиял от радости, с торжественным видом прохаживаясь перед молодцами и строя радужные планы.

– До сих пор мы находились собственно в Турции, все равно, что на чужбине, – говорил он. – Самое трудное позади. Дальше за Врацей – в Софии, Панагюриште, Копривштице, Этрополе, Карлово, Сливене и других городах развеваются болгарские знамена, проклятые турки изгнаны.

Некоторые даже запели. Толпа, вышедшая из Врацы, т.е. подмога, подходила к Милин-Камыку все ближе. Ее местонахождение можно было определить по облаку пыли, стоявшему над дорогой, потому что самих людей скрывал лес. Было видно, что они спешат изо всех сил, и это еще больше радовало наших молодцов, которые рассчитывали на неожиданный удар по неприятелю с тыла.

Наконец, подмога подошла к позициям на Милин-Камыке и очутилась лицом к лицу с дружиной.

– Да это же турецкое войско! – слышались голоса, и от этих слов у всех мурашки пробежали по спине.

Да, подмога, подоспевшая из Врацы, которую они ждали с таким нетерпением и которая подняла боевой

дух наших бойцов, оказалась турецким войском ¹.

Турецкие солдаты построились колоннами позади черкесов, труба сыграла сигнал атаки, слышались команды турецких предводителей. Черкесы, ободренные прибытием подкрепления, решительно атаковали позиции наших бедолаг. Завязался бой, дело принимало серьезный оборот в полном смысле этого слова. Красные воинские фески, труба, четкие команды, знакомые почти всем нашим бойцам с детства, – стоит ли объяснять, какое тягостное впечатление они произвели, в какое отчаяние повергли всех. Только что испытывать безграничное торжество от того, что дело твое идет блестяще, что Враца тебя ждет, что она посылает тебе подмогу, чтобы пробиться через вражеский заслон, и вдруг увидеть красные фески султанской армии, которую ты считал изгнанной, уничтоженной, такая резкая смена событий безбожно отравляет душу, это нож в сердце тех людей, которые подчиняются не холодному разуму и рассудку, а чувствам и идеалам. Мрак, уныние и глубокое отчаяние воцарились в нашем лагере. Все примолкли, лица покрылись могильной бледностью, только хмурые, удрученные взгляды скрещивались друг с другом среди зеленых грабов и ясеней – взгляды немые, но точно выражавшие настрой омраченной души: „Мы пропали!“

В довершение ко всему, как знамение прихода султанского войска и начала поражения, зеленый стяг с вышитым на нем львом, развевавшийся до тех пор над головами бойцов, закачался и упал наземь, и падение это сопровождалось грозными и торжествующими во-

¹Турок было не более 100 человек пехоты. Чтобы скорее поспеть на выручку черкесам, их посадили на лошадей. Войско прислали из Врацы. Наши говорили, что это был один табор, но это неверно. Всего в битве на Милин-Камыке со стороны неприятеля участвовало не более 350 человек.

плями с позиций неприятеля. Знаменосец Куруто был ранен пулей в живот, рухнул наземь и застонал. Эта потеря потрясла поэтическую душу Ботева. Он приказал снять знамя с древка, сказав, что в нем более нет нужды. Один сливенский паренек снял его и обернул вокруг пояса. На позициях лежали тела десятка убитых бойцов и столько же раненых, стонавших и моливших кто о воде, кто о помощи, кто о смерти. Картина обычная, но Ботеву она представлялась невероятно страшной.

– Где воевода, что с ним? Куда он подевался? – слышались голоса, хотя Ботев исчез всего минут десять назад.

Стали искать его, кто-то сказал, что видел, как он спустился в овраг к подножию холма. Под самой вершиной Милин-Камык с северной стороны торчит скала, по которой почти ползком можно спуститься вниз. В нижней ее части, в 5-6 метрах от верха, есть пещера, вход в которую загораживают липы. В этой пещере и нашли Ботева М. Цветков, Апостолов, Обретенков и другие, кто пошел искать его. И как вы думаете, что делал здесь наш герой? Опершись одной рукой о камень, глубоко задумавшись, с глазами, полными слез, мрачно и отчаянно смотрел он на густой лес, начинавшийся у его ног. Посетители, о которых мы уже упоминали выше, робко подошли к нему. Он и не собирался скрывать от них обуревавших его чувств, прятать выступившие на глазах слезы. Наоборот, заметив товарищей, он заплакал еще горше.

– Господин Ботев, что с вами? – удивились они, хотя очень хорошо знали причины его отчаяния. – Ребята спрашивают про вас, опасно, как бы они не бросили позиции!

Ботев молчал и ничего не отвечал, искоса сердито

посмотрев на Апостолова и Обретенова, бывших апостолов в этом краю.

– И мы пришли освобождать народ! – наконец произнес он. – Где же народ? Где же эти исстрадавшиеся рабы, которые звали нас? Где Заимов, этот обманщик – я бы его зубами разорвал! Двух дней было довольно, чтобы опровергнуть все, о чем я думал и чем занимался всю жизнь, чтобы показать мое глубокое заблуждение!.. Все впустую, все напрасно, двести человек погублено, история нам никогда этого не простит... Лучше бы я утонул в Дунае, чтоб не видеть этого позора, ибо болгарский народ – это стадо!

Апостолов попытался было возражать, вселить какие-то надежды на успех, но Ботев перебил его:

– Убирайтесь с глаз долой и вы, идиоты несчастные! Помните, как вы ввали в Валахии, что народ встретит нас еще на Дунае? А мы сейчас для этого народа все равно что разбойники!..

Все молчали, слушая гневный монолог воеводы, возразить было нечего. Ботев вытер глаза и вышел из укрытия на позицию с саблей, чтобы командовать. Он притворялся веселым, но мог ли он скрыть свои истинные чувства? Все, кто видел его лицо, всё поняли.

II

Спустились сумерки. Стемнело для обыкновенных и лагерных людей, но для наших бойцов настало весеннее утро, день настал, они вздохнули свободно. Наступила тихая майская ночь, повеял ветерок с Дуная, рассеявший пороховой дым, принесший траве и листьям свежую росу, началась *майна* (передышка в обоих лагерях), заиграла турецкая труба, исчезли неприятели,

повстанцы увидели своими глазами, как войско отступило к подножию холма.

Наши ребята почувствовали себя вольнее. Выиграли они в этот день лишь то, что им удалось удержать позиции с рассвета до заката. Собрались они вместе, порассуждали, обменялись впечатлениями и мнениями, стали рапортовать о потерях и победах – кто в кого попал и кого видел павшим, помянули А. Горова, десятника Николу из Сопота, хаджи Георгия и еще многих других. Недосчитались около 25-30 человек, которые или были убиты, или, раненые, не могли держаться на ногах, а кое-кто, может быть, заблудился или сбежал¹.

Пока шла проверка и отдавались распоряжения, раненые братья не переставали заявлять о своем существовании. С четырех сторон позиции доносились крики тех, кто просил воды, другие умоляли товарищей не бросать их, третьи хрипели, отходя, четвертые бредили и пр. Воевода ужасно переживал, их предсмертные голоса так действовали на него, что он не был способен рассуждать и строить планы на будущее. Он подходил к каждому из них, пытался облегчить страдания, расспрашивал, кто куда ранен, как зовут, прощался, целовал некоторых в лоб, все это было для него очень мучительно. Наконец, он махнул рукой и приказал выступать скорее. Так и должно было быть. Человек, сказавший о ранах Хаджи Димитра:

Обломок сабли он бросил вправо,
Отбросил влево мушкет свой грубый.
В очах клубится туман кровавый
Мир проклинают сухие губы*,

¹Жители ближнего села Мраморен рассказывают, что через два месяца, когда был отдан приказ похоронить убитых на Милин-Камьке, они нашли 22 скелета в траве и еще неизвестно сколько обгоревших в лесной избушке. Их останки захоронены в мраморенской церкви св. Спаса.

*Перевод А. Суркова.

причем не видевший этого воочию, не присутствовавший на месте гибели воеводы, — можно вообразить, что переживал он теперь в качестве воеводы, слыша своими ушами жуткие стенания.

Естественно, всех раненых пришлось оставить там, где они лежали, решительно никакой возможности не было нести их с собой через горы и долины, без коней и телег, отправляясь неведомо куда, не зная, что их самих ждет, в дорогу, которая была бегством более опасным, чем бегство ночных грабителей, когда селяне преследуют их с собаками.

Среди оставшихся, в числе которых был и знаменосец Куруто, по всей вероятности, находился и поп Савва Катрафилов. Дед Димитр Мазната уверяет, что прятал в Стара-Планине попа, раненного в ноги, который осенью сбежал в Валахию, но многие опровергают это сообщение.

Как уже упоминалось, убитые лежали на поле боя целых два месяца, и никто из местных жителей не смел приблизиться к Милин-Камыку, только орлы да собаки имели на это право. Через два месяца в село Мраморен явился стражник, который собрал селян и повел их закапывать трупы. Это были вовсе не трупы, а скелеты, иссохшие кости, 22 кучки костей.

Недалеко от места сражения стояла пастушья избушка некоего Дилова, где сгорело несколько, точное их число неизвестно, повстанцев, вероятно, почти все раненые. Их выдали чабаны, а спалили их турки, так как они не сдались, а начали стрелять. Кто были эти мученики, мы не знаем.

Среди черкесов убитых было, по крайней мере, вдвое больше, чем наших. Их подобрали и развезли по селам на следующий день. Жители Баницы рассказывают, что их везли на телегах завернутыми в одеяла,

черкесы всем говорили, что это бунтовщики. Только один болгарин, Йоца Коев, лесник, был допущен на поле боя, он был там и во время сражения, и когда подбирали трупы черкесов, и когда подожгли избушку вместе с находившимися там ранеными, бывал и позже, когда туда никого не пускали. Но от него ничего толком не узнать. В 80 лет он впал в детство и рассказывает не правду, а свои сны. Будто бы, когда Ботев сражался с душегубами, среди последних были и болгары. Ботев заметил это и будто бы, по словам деда, кричал:

– Дула вверх, ребята! Вверх, не стреляйте по людям, не видите, что ли – впереди братья наши, болгары, идут, господь нас накажет!

Поэтому, мол, Ботев был побежден.

А через несколько дней после сражения, когда дед ночевал на Милин-Камыке, во сне ему якобы явился Ботев, тронул за плечо и спросил:

– Ты, старик, рассказал людям про нас? Спросил у них, что делать будут? Чтоб позвали на это место священников из семи сел, часовню поставили да три дня и три ночи молитвы читали!..

Дед Йоца и вправду первым проявил инициативу воздвигнуть крест на вершине Милин-Камык, который ныне укреплен. Построена часовенка, где каждый год 18 мая служат молебны, проводится собор, на который приходят жители окрестных сел и даже из Врацы.

До двух часов ночи наша дружина совещалась на Милин-Камыке, на своей позиции, меж тел убитых товарищей, что делать дальше. Воевода, последователь Герцена, Гейне, Прудона и К. Маркса, принимал решения парламентарным способом, ставя вопрос на голосование. Решили идти вперед по трем соображениям: во-первых, чтобы подойти ближе к Враце, куда Ботев все еще надеялся войти с развевающимся знаменем, во-

вторых, чтобы подойти ближе к главному хребту Балканских гор – царству повстанцев, откуда рукой подать до мятежной Фракии, и в-третьих, потому что если дожидаться рассвета в этой местности, то назавтра их атакуют втрое бóльшие силы неприятеля. Они понимали, что окружены, но решили вырваться из окружения.

Повернув немного на восток, пройдя по своим следам, они очутились над долиной, через которую пролегает дорога Ряхово – Враца, откуда они утром были вынуждены свернуть у села Баница. На позиции у Милин-Камыка белели листовки – это были прокламации, которые сначала разбрасывались на „Радецком“. Раненого в ногу македонца или герцеговинца Перо несли по очереди на руках.

Ночь стояла безлунная, троп не было видно, дружина – голодная, умирающая от жажды, не передохнувшая с тех пор, как переправилась через Дунай. Только они спустились к подножию Милин-Камыка, невядалеке от дороги, близ студеного родничка, о котором мы упоминали выше, что находился в неприятельском лагере, из кустов раздался резкий окрик: „Ким сыныз?“, а затем выстрел, и был убит Давид Теодоров¹, советник воеводы! Эта ощутимая утрата приумножила горечь потерь, понесенных дружиной на Милин-Камыке. Наши отомстили за товарища, тут же застрелив какого-то мюлезимина или чауша*.

Черкесы шныряли в кустах, как ласки. Один из них, не успев убежать при приближении отряда, прибежал к хитрости. Бросив ружье, он раскинул руки и притворился плен. Наши разглядели его и зарубили. Вдруг повстанцы стали что-то очень часто спотыкаться, сна-

¹Давид Теодоров, как мы сказали, был человек европейский, знал немецкий, французский и румынский языки. Занимался торговлей в Вене и Бухаресте, словом, не был ни нищим, ни бродягой.

*Младшие командиры в турецкой армии.

чала никто не обратил на это внимания, каждый думал, что товарищ просто зазевался. Но, приглядевшись, заметили, что от куста к кусту протянуты ветви дикой лозы. И эту чертовщину придумали хитроумные черкесы.

Когда завязалась схватка с турками, Перо, которого несли на руках, закричал:

– Бейте их, ребята, бейте, чтоб помнили и знали, когда проходил здесь Ботев-воевода!

Десять-двенадцать километров отделяет Милин-Камык от противоположной, южной гряды холмов, куда устремились наши братья, однако крошечная тьма, густой лес, овраги, бессонная ночь, плутания вправо и влево увеличивали это короткое расстояние вдвое и втрое. Приходилось поджидать отставших, многие падали, поднимались и шли вперед. Рассвет они встретили на том холме, где расположены врачанские виноградники. В местности *Веслец*, или *Речката*, они остановились возле водопада, примерно в двух часах пути до Врацы, с северо-восточной ее стороны.

Миновав дорогу и углубившись в густой лес, дружина больше не встретила неприятеля. Странно, что мы не смогли установить его местонахождения не только в этот день, 19 мая, но и в дальнейшем. То ли турки потеряли след дружины, то ли вернулись во Врацу – неизвестно. Скорее всего, они отошли к Враце, опасаясь за ее безопасность, ожидая как бунта изнутри, так и нападения извне. Кирилл Ботев и Иван Данчев, отставшие в тот день от товарищей, видели черкесов на виноградниках.

Как бы то ни было, дружина в тот день стояла лагерем у воды, ела и отдыхала, вела, как мы увидим ниже, переговоры с врачанским главнокомандующим Заимовым. На холме Веслец позиция была удобной. Почув-

ствовав свободу, отдохнувши, поевши, утолив жажду, бойцы воспрянули духом. Воевода был весел и бодр. Н. Войновский¹ занялся военным обучением, все воодушевились. Этот день – 19 мая – был единственным, когда они по-настоящему вкусили вольной жизни. Владельцы расположенных на холме кошар и хибарок, *держав* по-врачански, принесли туши баранов и ягнят, их тут же свежевали, жарили мясо на вертеле. Ботев с биноклем в руках расхаживал по гребню холма, поглядывая то на Балканы с их каменными утесами, то на Врацу, то на Милин-Камык, который, как мы сказали, был виден отсюда и который он никак не мог забыть из-за оставленных там павших товарищей. Он-таки был поэтом, а не воеводой.

Над Милин-Камыком кружили орлы, слетевшиеся на белое человеческое мясо, с вершин Стара-Планины подлетали другие и носились над Веслецом, привлекаемые добычей. Он долго следил за ними.

– Смотрите, как величественно они парят в небе, но как хищно и немилосердно расправятся с телами наших мертвых товарищей! – говорил он.

И эта ночь была жестокой к нашим бойцам, и она оставила горький след в душе их чувствительного воеводы. Когда все подтянулись на холм Веслец, они были поражены, что недостает самых отважных, самых заметных бойцов. Будто мало было гибели Давида Теодорова. Они не досчитались Георгия Матева, Мити Цветкова, Иваницы Данчева – русского князя или барона, Димитра Дашлии, старейшего гайдука, брата воеводы Кирилла¹ и многих других. Воевода заламывал руки, посылал людей на поиски, звал, свистел и пр., но тщетно.

¹Кирилл Ботев еще в Румынии вышел больным, его трясла малярия, и все советовали ему остаться. Он никого не послушался. В ночь с 18 на 19 мая его опять прихватил приступ лихорадки, и он отстал от отряда вместе с Ив. Данчевым.

Однако покинем ненадолго дружину, дадим ей отдохнуть на живописном холме, куда мы снова вернемся. Давайте заглянем во Врацу, упомянутую нами столько раз и интересующую нас и в связи с дружиной и ее воеводой – она манила их к себе, так как они оказались на Веслеце, да и просто надо удовлетворить любопытство читателей. Как известно еще из наших „Записок“ (т. I), Враца считалась Третьим революционным округом. Апостолами здесь были С. Заимов, Г. Апостолов, Н. Обретенков, Ив. Данчев и С. Соколов, думаю, это был единственный округ, где было так много апостолов. Заимов, побывавший в ссылке в страшной диарбекирской тюрьме, мало-помалу начал злоупотреблять почестями, которые ему оказывали окружающие. Превратился в ужасно мелочного сборщика налогов, стал грубым и честолюбивым. Остальные апостолы были святыми во всех отношениях, вина и ракии в рот не брали, а он поселился в доме известной патриотки бабушки Хаджийки и начал устраивать пирушки. Докатился до того, что стал проводить заседания комитета втайне от других апостолов. Последние, оскорбившись, перестали с ним общаться. Он пошел еще дальше и науськал Врачанский революционный комитет прогнать их, что и было сделано. По этой причине Г. Апостолов и Н. Обретенков с большим риском для себя тронулись в путь и у Ряхово перебрались в Румынию, отказавшись и от апостольства, и от округа. Это случилось еще в конце марта.

Теперь Заимов остался один в целом округе и совсем распоясался: готовя кровавое восстание, он слал письма в другие округа и в Румынию. Писал он о том, что рождалось в его воображении, а не о том, что было в действительности. Панагюриште, Копривштица, Батак и вся Фракия восстали месяц назад, поцарствовали

и угасли, уже и трава выросла на пепелищах, а Заимов все еще сидел в доме бабушки Хаджийки, сочинял „кровавые письма“ и только заблуждал других, что „если 11 мая сам Александр пожалует, то услышит грохот и выстрелы!“ А о том, что случилось во Фракии, он не мог не знать в подробностях. Он не только получил *Кровавое письмо*¹, но и лично встречался с двумя панагюриштенскими повстанцами, которые около 1 мая пожаловали во Врацу с двумя турецкими головами в переметных сумах.

Весть о переправе нашей четы через Дунай близ Козлодую 17 мая, которую врачанцы собирались встречать на телегах, застала Заимова все в том же расхристанном состоянии. Новость была, как гром среди ясного неба, – сухая и суровая, она воодушевила сначала всех, в том числе и Заимова. Он составил приказ о восстании, но, как увидят в дальнейшем читатели, этот приказ был совершенно липовым – выходило, будто обязанности горожан сводились лишь к тому, чтобы торжественно встретить Ботева и пожелать ему удачи и доброго пути. Во вторник вечером, когда наши бойцы сражались на Милин-Камыке, врачанские заговорщики стояли уже, так сказать, одной ногой в стремени. Сначала они в нескольких местах устроили в знак революции пожары, которые были потушены самими же болгарами, а потом у дома бабушки Хаджийки сделали несколько выстрелов. Турецкое население, коему уже было известно о событиях в Копривштице и Панагюриште, а также о том, кто высадился на берег в Козлодую и куда направляется, увидев пожары и услышав выстрелы во Враце, перепугалось до смерти. Все турки разбежались кто куда: одни нашли убежище среди скал, что высились возле города, городскую управу за-

¹См. наши „Записки“, т. I.

крыли, а взвод солдат заперся на постоялом дворе, где был расквартирован, – словом, наши стали хозяевами города. Бравые молодцы, вооруженные до зубов, в островерхих шапках со львами, в обмотках и с патронташами слонялись по улицам, заходили в дома. Предводителями восставших были сам апостол Заимов, покойный ныне поп Коста и Анков.

Часов в восемь вечера они подняли повстанческий народный флаг с надписью „Свобода или смерть“, вышитый Мицей Крысткевой, и вся чета, в составе около двухсот человек во главе с воеводой и священниками, отправилась в церковь Вознесения, обнесенную каменной оградой, которая превращала божий храм в неприступную крепость. Они торжественно прошествовали по торговым рядам, подожгли какой-то склад и опять постреляли для острастки. Войдя в церковь, они, целуя крест и евангелие, поклялись в верности делу и готовности сложить головы за отечество. И, представьте себе, всю ночь провели в церкви в полном бездействии! Ни турок не атаквали, ни к Ботеvu на подмогу не поспешили. Теперь они говорят, что было решено ждать, пока подойдут остальные, рассчитывая, что по меньшей мере соберется две тысячи человек!

Рабы божьи, они живыми и здоровыми встретили в церкви рассвет, а утром стали разгуливать по церковному двору с ятаганами и ружьями, выхваляясь друг перед дружкой и с нетерпением спрашивая: когда же, наконец, пожалует Ботев, чтобы выйти ему навстречу и торжественно приветствовать его? Других намерений и планов у наших врачанских друзей не было, насколько я выяснил. Город еще был в их распоряжении. Гачо Иванов делал обход улиц с патрулем из десяти человек. Вышли из церкви и другие заговорщики, опять попытались поджечь несколько домов, застрелили без-

домную собаку. Воинская часть турок, завидев патруль, спряталась.

Итак, в этот день мы имеем два повстанческих лагеря, в двух часах пути друг от друга. Ботев на Веслеце с дружиной из 150 человек и Заимов в церкви Вознесения во Враце. Последний написал „Кровавое письмо“, что все готово к выступлению, что восстание может начаться в любой день, что он хозяин положения, турки у него в руках. Другой, опираясь на эти вести, отправился в путь и подоспел к Заимову с тыла. Он пришел к нему на подмогу, а вышло наоборот. Кто кому должен пособлять? Помогают человеку, который начал уже что-то делать, который подал какие-то признаки жизни. Один исполнил свой долг блестяще, вырвался с чужбины, захватил пароход, переправился через реку и оказался на пяточке. Другой ошибся адресом. Как бы то ни было, уже с утра начались переговоры между лагерями. Курьеры беспрепятственно проникали в город и в церковь и обратно. Первым к Заимову явился связной от наших бойцов с Веслеца и принес командиру письмо от воеводы. В письме Ботева говорилось, что чета прибыла с целью помочь восставшим врачанцам, которые собирались встречать ее на берегу Дуная, но, к сожалению, пока еще никто из них и пальцем не пошевелил, хотя чета целый день вела сражение на Милин-Камыке не на жизнь, а на смерть. Он взывал к патриотизму врачанцев, а Заимова грозился проклясть, если тот как апостол не выполнит своих обязательств и данных в письме обещаний. „Если вы не восстанете и не захватите город, – заключал воевода, – это станет несмываемым позорным пятном на челе болгарского народа“. После полудня от Заимова был получен ответ, который принес Никола Стоянов. По дороге его несколько раз останавливали дозорные четы, сторо-

жившие подступы к Веслецу. Наконец, его отвели к воеводе, стоявшему под деревом, и посланец апостола вручил ему письмо. Заимову, который мнил себя хозяином города, не хотелось покидать Врацу и церковь Вознесения, поэтому он сообщал, что не может уйти из города и что Ботев должен спуститься с Веслеца и вступить во Врацу. Прочитав письмо, Ботев вышел из себя и назвал Заимова предателем. Он настроил ему второе послание и отправил с тем же курьером, спросив его на прощание:

– Почему вы медлите? Кого еще ждете, чтобы начать восстание? Почему не держите своего слова?

После ухода второго курьера Н. Войновский и Обретенов подошли к краю скалы и стали смотреть в бинокли на Врацу. Город замер. Не было заметно никакого движения. На улицах было безлюдно. В какой-то момент Ботев рассердился и предложил напасть на Врацу, дабы отомстить изменникам. Однако три обстоятельства мешали ему осуществить это намерение. Во-первых, чета отдыхала впервые с тех пор, как покинула Валахию, во-вторых, из Врацы ему сообщили, что на Костелевском мосту его ждет другой воевода, Митю Спахийчето, с дружиной в 300 человек, жителей окрестных сел Долна-Кремена и Горна-Кремена и других, а Костелевский мост стоял на дороге на Стара-Планину; в-третьих, он боялся, что черкесы и турецкие воинские части, оставшиеся на Милин-Камыке, кружат поблизости и, как только чета спустится в долину между Врацей и городом, нападут на нее. Эта осторожность была уместной.

Врачанским заговорщикам удалось стать хозяевами города, расхаживать по улицам с развевающимся знаменем и убивать собак вместо людей по той причине, что Ботев стоял на Веслеце. А причиной того, что вра-

ги оставили ночью чету на Милин-Камыке в покое и не атаковали ее днем девятнадцатого, была Враца. За нее тревожились турки, поэтому предоставили чете возможность спокойно продвигаться к Балканам, т.е. к Веслецу, а сами блокировали дорогу на Врацу, так как были уверены, что она непременно направится в город. Так что черкесы и воинская часть турок, которых мы видели на Милин-Камыке, в этот день бездействовали и только зорко следили за четой, не желая пропускать ее во Врацу. Если бы врачанцы отправились на Веслец, турки и черкесы очутились бы меж двух огней.

На самом деле не произошло ни того, ни другого. Ботев встретил ночь на Веслеце, разуверившийся в своих надеждах, отчаявшийся более, чем на Милин-Камыке. А что происходило с Заимовым и его дружиной в церкви Вознесения? И на них нашлась управа. Должно же было прийти если не с востока, то с запада то, чего они заслуживали и ждали.

– Солдаты, солдаты! – раздались крики сначала на улице, а потом и в самой церкви.

И действительно, по Орханийской дороге подошел батальон турецкой армии, той армии, которая уже расквиталась с Панагюриште и Копривштицей. Ну, и задали же тут наши стрелкача. Да так, что только пятки засверкали! Шапки и подсумки долой, кинжалы и ружья в сторону, разбрасывая ненужное им теперь снаряжение в святых приделах. В дверях церкви давка – до того спешили разбежаться заговорщики по своим домам, забыв о клятве и обещаниях.

Завидев паническое бегство бунтовщиков, напуганное было турецкое население вскоре вернулось к своему первобытному состоянию. Начались резня, грабежи. Для болгарского населения, дрожавшего от стра-

ха, настало второе пришествие. В одночасье двадцать болгарских голов – ни больше, ни меньше – были снесены с плеч. В числе убитых оказался священник Коста, честный и благородный пастырь!

Заимова не тронули. Сначала, слушая рассказы о его апостольской деятельности, читая его шутовские письма, подписанные кровью, видя его отношение к Ботеву, мы скрипели зубами от ярости. Но сейчас, вспоминая финал его комического восстания – а такими же были они и в большинстве других мест, – да еще по прошествии двенадцати лет, мы довольно снисходительны к его личности. Он виноват перед нами лишь в одном – как мы сказали, он не был бунтарем по натуре, а решил податься в бунтовщики, стал апостолом, но это не преступление, это не его вина. Не было в нем ни энергии, ни решительности, ни искорки мятежного огня, но при отсутствии этих качеств обладал он одним достоинством – был патриотом. А апостолом и главнокомандующим стал по необходимости, может быть, даже против своей воли. Старался, хотел сделать как лучше, трудился, но смог столько. Если мы недовольны Ботевым в селе Борован, то чего же спрашивать с Заимова, который сроду ружье в руках не держал? Письма „кровавые“ строчил – да просто ему так нравилось, он думал, что это и есть лучший метод!

Когда во Враце резня закончилась, он стал лишним человеком в этом городе. Никто не хотел пускать его к себе в дом. Все двери перед ним были закрыты, и скитался он, горемычный, по улицам один-одинешенек, как прокаженный. Переодетый в женское платье – его безбородое лицо помогало маскарadu – он бродил с мисочкой, будто бы вышел за уксусом, а солдаты заигрывали с ним. Кто-то из заговорщиков рассказывал, что его мать нечаянно обнаружила Заимова в своем погре-

бе и ужасно испугалась. Начала кричать, плакать, так что пришлось ему снова взять мисочку и выйти на улицу. Врачанцы оказались порядочными людьми, ведь никто не выдал его туркам, хотя те искали его везде и всюду. Это делает им честь.

Наконец, убедившись, что не будет ему жизни во Враце, что после разгрома восстания все для него пошло прахом, он отыскал где-то мотыгу и пошел по дороге, ведущей в Ряхово, будто бы на поле окапывать кукурузу. Это случилось уже несколько дней спустя после восстания. В часе пути от города стоит на дороге так называемый Хаджи Манов постоянный двор. У входа сидел на скамейке билюкбаши и рассказывал о победах то ли над врачанцами, то ли над Ботевым. Тут приблизился наш апостол с мотыгой на плече, босой, в рабочей одежде. Билюкбаши подозрительно оглядел его белое лицо и ноги.

– А ну-ка постой, женщина! Кто ты, далеко ль путь держишь? – окликнул он Заимова.

Заимов начал что-то объяснять, но до того запутался, что все испортил, возбудив подозрение даже к тем обстоятельствам, которые еще свидетельствовали в его пользу. Несколько ударов палкой, и вот уже руки связаны за спиной! Так завершилось врачанское восстание, так пособило оно Ботеву, так завершил путь его апостол.

Ботев узнал от окрестных селян о приходе турецких войск и резне в городе. Той же ночью он покинул Велесец и направился к Балканским горам, что находились примерно в пятнадцати километрах. У Костелевского моста он остановился, дабы дожидаться четы Мити Спахийчето, как договорились. Часа два ждал – ни четы, ни Спахийчето. Потом явился один крестьянин и сказал, что по приказу из Врацы чета распущена. И тогда

наша дружина стремительным броском добралась до равнины, пересекла орханийскую дорогу и устремилась к Стара-Планине.

Глава VI ГИБЕЛЬ БОТЕВА

I

Стара-Планина спала, спали белые орлы на ее зазубренных утесах, спали твари лесные, затаились гордые звери, отдыхали на рассвете пастухи и чабаны, сонно грызли траву овцы и тонкорунные козы, не блеяли ягнята, не верещали козлята, не лаяли собаки – спала вся природа. Никто ничего не подозревал, никому и в голову не приходило, что для необитаемых в этой части Балканских гор, которые остались девственными и при падении Римской империи, не почувствовали ни царствования древних болгарских царей Крума и Симеона, ни прихода турок, настанет день, когда явятся неизвестные гости. Ранний рассвет, ясное майское утро, отцветающий уже первоцвет, вечнозеленая дикая герань, ясенец и сотни других лесных былинков, ранняя птица, гайдуцкий друг черный дрозд, что приветствовал наступление нового дня, прыгая с ветки на ветку; алмазные капельки росы, сверкавшие на каждом стебельке, чуть слышный шелест гигантских буков, сказочное благоухание цветов и трав – все колдовскими чарами умиротворяло и убаюкивало даже хищного волка. Кто не встречал рассвет в Стара-Планине, кто не видел восхода солнца в горах, тот ничего не изведal и не может любить свое отечество так, как надо.

На рассвете наши бойцы карабкались по здешним

крутым, отвесным склонам Стара-Планины. Местность эта под названием Курдовица находится между Врацей и селом Челопек над орханийской дорогой. К ней ведет лишь узкая тропинка, проложенная пастухами и дровосеками, – крутая и каменистая, с резкими поворотами. Двоим на ней не разминуться. Вот по этой тропинке поднялись гуськом наши бойцы и остановились наверху, на полянке, где стояли кошара и хибарка Димитра Мазната. Это первый пояс Балканских гор. За ним еще два, конечно, поменьше, а выше – горные вершины. Картина, открывающаяся отсюда, – из тех волшебных уголков земного шара, кои способны очаровать любую живую душу. У подножия – узкая, но длинная полоса полей и лугов, что на западе достигает Берковицы, на востоке принимает в свое лоно пенистые воды реки Искыр, на севере к ней жметя уже знакомый нам Веслец, а с юга встает стеной Стара-Планина, которая здесь настолько скупа, что стремительно взлетает в голубое небо, разом подобрав полы. Вот почему только во Враце и ее окрестностях климат и растительность такие, как и далеко на юге – если не как в Казанлыке, то хотя бы как в Сливене и Карлово. Рядом с пшеницей и виноградной лозой легко приживаются бук и папоротник – все равно, что порох рядом с огнем.

Подальше, у подножия противоположных склонов, нанизаны, как бусы, села Костелево, Вырбешница, Крапец, Воденица, а на востоке – Паволче, Моравица, Руска-Бяла и другие. А за ними заявляет о своем существовании царь балканских рек Искыр, он пронзает сердце гордых Балканских гор и спешит отдаться Дунаю, лишь перед ним смиряясь. Видна и северная рана на теле Балкан, откуда змеей выползает Искыр и мчитя по равнине. Утренняя заря освещает лишь часть его русла, а потом его заслоняют синие балканские хреб-

ты, опоясывающие Орханийский и Этропольский край. Смотришь, не насмотришься, пока глаза не утомятся, пока не разыграется фантазия, пока колдовская сила не овладеет всем твоим существом!

Эта живописная поляна, где собралась дружина, усталая и запыхавшаяся от подъема в гору, с восточной стороны упиралась краем в редкостное творение природы – просторную квадратную яму, по 500-600 шагов с каждой стороны, окруженную острыми неприступными утесами, на которых выют гнезда орлы. На дне этого своеобразного ущелья журчат прозрачные ручьи, кое-где виднеются заросли кустарника, но больше всего там камней, трудно преодолимых даже для коз. Внутри этого замкнутого пространства постоянно существует воздушное течение, такое сильное, что пули меняют направление и не достигают цели, хотя расстояние от стены до стены, как я сказал, небольшое. Орлы, которые спокойно, чуть ли не засыпая, парят над более высокими скалами, попадая в зону этой ямы, вынуждены работать крыльями изо всех сил, чтобы не угодить в струю воздушного течения.

С запада вдоль ямы простирается редкая гряда скал, а чуть выше начинаются Балканы.

Некоторые бойцы из дружины Ботева, прошагав всю ночь и с трудом взобравшись по крутым скатам, сразу свалились на мокрую от росы траву и заснули. Другие забирались на валуны и дивились необыкновенной природе. Среди последних был и воевода. Как не был он подавлен и разбит физически и нравственно, какие мрачные и отчаянные мысли не терзали его, поэтическая душа взяла в нем верх. На мгновение он забыл горькое прошлое, безвозвратно ушедшую надежду, высокие идеалы и тернистое будущее и залюбовался открывшейся перед ним чудной картиной. В первый и

в последний раз после стольких лет довелось ему увидеть, как из-за горных вершин встает солнце. Это было как искупление... И прощание. Он прыгал с валуна на валун, глядел и не мог наглядеться, ахал от изумления, вздыхал и, наконец, не выдержав, не сознавая, что делает, стал декламировать:

Взошла красавица Рада
на горную поляну
и три знамени воткнула посреди муравы:
первое – зеленое, второе – алое,
а третье – как снег, белое
да с голубым отливом.
Трижды Рада клич кликнула,
триста душ сбежалось на клич тот,
триста молодцов-удальцов,
удальцов да славных богатырей.
И поведала им красавица Рада:
„Ой вы, ребятушки, добры молодцы,
добры молодцы – триста удальцов,
удальцов да славных богатырей!
Наберите вы сухого хворосту,
разожгите костер высокий,
приведите барашка из стада,
да не режьте его, шкуру не обдирайте,
а отсеки́те сук с терновника потолще,
да не обтесывайте, не рубите,
живьем барашка на кол насадите,
да так живым и пожарьте“.
Костер пылает, барашек блеет,
красавица Рада песню заводит...¹

¹Эту песню Ботев очень любил. Мы разыскали ее в рукописях Л. Каравелова, который и записал ее.

– Ребята, достаньте знамя! – крикнул он, закончив песню. – Поднимите его! Пусть еще раз взвывается над гордыми Балканами, чтоб перед смертью взглянуть на то, как оно полощется на ветру! Смерти не миновать! Воткните знамя посреди поляны, разожгите костры, зажарьте барашков, принесите ключевой воды – вот и все, что нам остается!

Все было выполнено в считанные минуты. Поблизости стояла кошара пастуха Димитра Мазната. Ягнята еще не были выпущены на пастбище. Молодцы засучили рукава, отобрали не одного, как в песне, а 17 барашков, зарезали их и приготовились жарить. Ботев, Войновский, раненый Перо, которого еще продолжали нести по очереди, и другие вожаки четы расселись в сторонке и стали обсуждать, что делать, куда идти и чем заниматься в горах. Фракия, Панагюриште и Копривштица, знаменитые очаги болгарского мятежного духа, – вот куда были обращены их взоры, вот куда они решили направиться, а о Враце, куда они так стремились ранее, никто даже не упоминал.

– Надо было нам спалить ее, отомстить этим „патриотам“, – сказал вдруг Ботев.

Кое-кто считал, что чете лучше повернуть на запад, скрываясь в горах, и перейти сербскую границу: бог его знает, а вдруг панагюриштенцы и копривштенцы окажутся вроде врачанцев. Это предположение не получило особой поддержки, так как дружина все же верила в конечный успех святого дела.

Все это хорошо, но давайте посмотрим, что поделяют турки, которым принадлежит решающий голос в этих делах, где они застряли, куда они подевались с Милин-Камыка, каково их мнение насчет будущего четы – забыли они про нее, что ли, или испугались? Потерпите немного. Покончив с Врацей, обезглавив заво-

дил и расправившись с оставшимися, кого упрятав за решетку, кого примерно наказав и т.д., обеспечив себе тыл, они смогли уже позаботиться и о чете. Сколотив сильный отряд из черкесов, башибузуков и солдат регулярной армии, еще ночью отправили его вдогонку за четой, путь которой был им известен. Воинская часть углубилась в горы, конница поскакала по равнине в обход и очутилась у Челопека, а пехота прямо по тропинке двинулась к поляне, где дружина готовилась отвеждать свежатинки. Дозорные несколько раз докладывали, что по равнине движется большой конный отряд, но от них отмахивались: враг, дескать, далеко.

Не успело мясо зарумяниться с одной стороны, не успели перевязать раненого Перо, не успел Ботев переобуться в царвули – сапоги натерли ему ноги, как турки показались с двух сторон. Одни карабкались по следам дружины, другие взбирались на соседнюю вершину. В это время у входа в избушку, где расположился воевода со своим штабом, появился чабан – хозяин ягнят, с палкой в руке.

– Кто у вас старший? Платите мне за ягнят, и я пошел, – сказал он.

Всем было не до него, никто не обратил на его слова внимания, а он встал, как пень, перед Ботевым и заладил:

– Деньги давайте! Да поживее, того гляди, черкесы пожалуют!

– О господи! И я пришел освобождать этот народ! Уж лучше бы мне вовсе на свет не родиться! – воскликнул Ботев жалобно, чуть не плача. – Дайте ему, ребята, эти несчастные деньги, пусть возьмет сколько хочет, – добавил он, вынув кошелек и кинув его наземь¹.

¹Чабан Димитр Мазната говорит, что ему заплатили по 15 грошей за ягненка, но добровольно; не признается, что требовал у Ботева денег.

Кинулись бойцы занимать удобные позиции, хватывая с собой недожаренные туши. Ботев совсем отчаялся и сказал окружавшим его товарищам: „Тут нам и погибать, спета наша песенка“. Турки открыли огонь, стали стрелять и наши, взорвав тишину, разбудив все живое в девственных горах. Орлы взмыли ввысь, залаяли собаки чабанов, испуганно шарахались в кошарах овцы и козы, разбежались чабаны и пастухи, горы огласились раскатами эха. Мазната рассказывает, что, получив свои деньги и услышав выстрелы, он выпустил овец из кошары и помчался в город. Убежали во Врацу и другие пастухи, бросив отары на произвол судьбы.

Пришлось повстанцам не пивши и не евши, поспав всего несколько часов на Веслеце, снова вступать в сражение, или, скорее, держать оборону. Отступая к вершине, они, оборачиваясь, стреляли на ходу, оставляя позади поляну Таушаница с зажженными кострами. Они взбирались еще выше по берегу живописного озера Лясковец. В какой-то момент им показалось, что неприятель отстал, и они снова остановились, разложили костры, чтобы жарить мясо. Но огонь даже разгореться не успел. Турки бросились в атаку с новыми силами. Наши опять повскакивали со своих мест и вступили в бой с неприятелем, бросив ягнят возле костров.

II

Вол – так называется одна из вершин Стара-Планины, что высится на угодьях Черепишского монастыря св. Богородицы, в двух или трех километрах к юго-западу от местности Таушаница, где были задраны 17 ягнят из кошары Димитра Мазната. Здесь и заняла дру-

жина свою последнюю боевую позицию, здесь нашла приют – не по воле и желанию, а по необходимости, спасаясь от преследования. Вершина эта – одна из самых высоких в этой части Балканских гор. Она имеет форму подковы: с западной стороны – неприступные отвесные кручи, а с востока – пологие и лесистые скалы. Утесы на западе похожи на изгородь высотой в 5-6 метров, а за ними расстилается ровное плато на 800-900 метров. На плато расположено село Крушево. Раньше это было болгарское село, но сто лет назад население покинуло его из-за сурового климата и заселилось в Ряховской долине на берегу реки Скыта, сохранив старое название – Крушево. За селом, т.е. напротив вершины Вол, торчат два острых утеса, которые природа расставила так, что по виду они напоминают старинную римскую крепость. Сходство это обусловлено их внешним видом. Пояс голых камней сменяется зарослями дикой герани и других трав. С востока, т.е. со стороны села Челопек, к ним примыкает живописная долина, где находится Крушевское озеро. А еще дальше высятся другие белокаменные вершины, поросшие лесом. Плато, которое начинается сразу же за каменной изгородью вершины Вол, как уже было сказано, представляет собой хребет с покатыми боками, один из которых спускается к озеру Лясковец, а другой – к Крушевскому озеру, т.е. к Челопеку. Этот последний скат – вогнутый, как корыто – заключен между изгородью и еще одной каменной грядой из валунов помельче, вдоль которых выстроились высокие деревья. Эта местность называется Монастирското-Пладниште (Монастырское пастбище).

Дружина вскарабкалась на склоны, укрылась за камнями и вступила в бой. Ботева, который наблюдал за передвижением неприятеля, окружили черкесы на

узкой площадке над скалой. Они накинулись на него с саблями, а он отстреливался от них из револьвера. Несколько человек бросились воеводе на помощь и оттеснили врага. Неприятель окружил вершину с трех сторон. Войска, пехота выстроились с западной оконечности селения, а башибузуки и черкесы – с юга и севера. Воевода командовал в центре, а Войновский взял всех, у кого были игольчатые ружья, и выступил навстречу пехоте. Она не приближалась, а стояла в 700-800 шагах от вершины. Когда до нее начали долетать пули наших, она оттянулась немного назад.

Сражение не прекращалось весь день. Да иначе и быть не могло – турки хотели здесь, на этом месте, в этот день уничтожить всех до единого опасных для их государства и народа мятежников. День выдался на редкость хорошим, день как раз для сражения. Положение наших бойцов было таким же, как на Милин-Камыке. Из-за большой высоты воды здесь не было, а из-за нагретых гигантских камней, несмотря на высоту, стоял нестерпимый зной, среди раскаленных валунов было жарко, как в печке. Голод и жажда тоже были серьезными врагами, туркам же в этом смысле повезло – в их распоряжении было три холодных источника: озеро Крушевское, озеро Лясковское и источник Чучурчето в самом селе. Турок на этот раз было вдвое больше, чем на Милин-Камыке. Они атаковали целыми колоннами, но впустую, потому что каждый боец укрывался за камнем, впятеро крупнее его самого. Только дымок поднимался из-за камня, а человека не было видно.

Воевода в этот день был сам не свой. Это был не тот Ботев, что переправлялся на пароходе, что сражался на Милин-Камыке. и не тот, что ждал подмоги на Веслеце. Ни от веселости, ни от озабоченности не оста-

лось и следа. Это был человек, полный отчаяния, поставивший на себе крест, охваченный агонией. И потому он кричал товарищам, чтобы не жалели патронов, чтобы стреляли, не думая о том, что будет потом.

Несомненно, неприятель находился в невыгодной позиции, хорошо просматривавшейся, его пули ударялись о гранит и с громким свистом отскакивали вверх, в воздух.

После полудня один отряд черкесов обогнул вершину и попытался взобраться на подкову. Войновский бросился им наперерез с 40 бойцами и, увлекшись, стал их преследовать. Воинское подразделение прижало его с фланга, и он, не сумев вернуться обратно, миновал долину Крушевского озера и занял противоположное ущелье. Ботев же и другая часть дружины остались на Воле.

Близился вечер. Из наших в этот день, благодаря каменным брустверам, никого не убило и не ранило. Потери врага составили 5-6 турецких солдат и неизвестно сколько черкесов и башибузуков. Солнце покатилося за гребни утесов, заиграла военная труба, и стрельба со стороны неприятеля смолкла, черкесы завопили „улю-лю-лю“ и стали собираться кучками. Прекратили огонь и из нашего каменного лагеря, не нашлось любителей без нужды продолжать сражение. Воевода с бойцами правого фланга решил спуститься вниз по знакомому уже нам корыту к Крушевскому озеру, на юго-восток.

– Давайте вниз, вниз! – звали они за собой всех защитников.

– Здесь пониже, может, вода найдется? – говорил Ботев, оглядываясь вокруг.

А это направление для спуска он выбрал потому, что, во-первых, отсюда лежал путь во Фракию, во-вто-

рых, туда ушел Войновский, и в-третьих, незачем им было цепляться за эти камни, надо было продвигаться вперед, искать провиант. В 10-20 шагах от Манастирско-Пладниште воевода присел на зеленую лужайку, неподалеку от малой каменной гряды, которую мы описывали выше, – отдохнуть от ратных трудов. Все последовали его примеру, упали на траву, кто где стоял, усталые до смерти, опаленные солнцем. Вот уже сутки, как они были на ногах. Эту местность не назовешь ни поляной, ни лесом. Кое-где росли невысокие деревья, боярышник, перемежавшиеся лещиной и шиповником. Ботев устроился под пышным кустом шиповника, покрытым шапкой алых цветков и бутонов, а рядом с ним расположились Г. Апостолов, Перо, Н. Обретенов, Савва Пенев, Янко Боянов, албанец и еще двое-трое ребят. Здесь же оказалось и зеленое повстанческое знамя.

– Снимите его опять с древка, оно нам больше не пригодится, – сказал Ботев.

Кружком улеглись те, кого я перечислил, вокруг своего воеводы. Все больше молчали, чем говорили, но говорили они или молчали – мысли у них были одни и те же: „Это конец!“ Всех охватило отчаяние. В этот день – 20 мая, в четверг, вместе с заходом солнца закатались и последние надежды; правда, они еще грезили о Фракии и ее знаменах, но это уже было просто утешением – ведь настоящее всегда перекликается с будущим, которое представляется более светлым, более привлекательным, так как неведомо.

– Я начинаю сомневаться, что внутренние районы Болгарии восстали, – сказал Перо. – Если бы горы кишели повстанцами, если бы Фракия полыхала огнем, то здешние турки почувствовали бы это и присмирели, а они преследуют нас вместе со своими псами.

Присутствующие пожали плечами. Кое-где по обе стороны похлопывали редкие выстрелы: с десятков ружей никак не могли уговориться. Зная только что было снято с древка, и знаменосец обратился к Ботеву с вопросом, что с ним делать, когда в стане неприятеля снова просигналила труба.

– Чего это они рассигналились, душегубы проклятые? – удивился кто-то.

– На кормежку кличут, – ответил один паренек, который служил в казацком полку Садык-паши.

– А ну-ка, я взгляну, кажись, турки зашевелились, – сказал Ботев и привстал с места.

Он даже не успел выпрямиться как следует, когда с юго-западной стороны, т.е. со стороны малой гряды, раздался выстрел, и воевода рухнул на землю навзничь у алого куста шиповника!..

– Воевода! – вскрикнули присутствующие и вскочили на ноги. Одни схватились за ружья, другие поползли туда, откуда прогремел роковой выстрел, третьи пытались поднять воеводу. Шум, суматоха.

Храбрый и умный Перо с перебитой ногой первым сообразил, что надо делать в эту страшную минуту. Он нагнулся, приблизив палец к губам, давая знак не кричать и не распространять весть о постигшем их страшном несчастье, дабы не узнала о нем и без того павшая духом дружина.

А что же наш герой, поэт и воевода? Неужто так быстро умолкли эти никогда не молчавшие уста, неужто так быстро успокоилось его высокое чело, на котором всегда лежал отпечаток бури и грома? Да, он уже спал вечным сном, притихший и довольный, алая кровь струилась из смертельной раны и двумя ручейками стекала по белой шее, которая никогда не была в рабском хомуте! Ни слова, ни мысли, ни последнего прощаль-

ного взгляда на верную дружину, на любимые Балканские горы, на рабскую землю, на красоту отечества перед вечной разлукой! Ни прощания, ни завещания, никакого торжественного церемониала по случаю того, что погиб поэт, что пало знамя свободы, что драма заканчивается, уходит целая эпоха, что Ботев с душой расстается! Спит Ботев, спит и природа, тихи Балканы, ни грозы, ни бури, ни ветерка, – вот бы всколыхнуть леса да раскачать деревья, чтоб поклонились они покойному, чтоб с грохотом и треском приняли они душу, которая так любила и так воспевала свое вечное пристанище – вас, Балканы. Какая неблагодарность!

Смертельная бледность разлилась по лицу мертвеца, которое рядом с алым шиповником и зеленым боярышником, утопающее в высокой благоухающей траве, после заката солнца стало еще красивее, милее и выразительнее. Остальные бойцы отдыхали спокойно в нескольких шагах оттуда, ничего не зная о случившемся. А очевидцы произошедшего, опираясь на ружья, с благоговением окружили покойного и вздрагивали от сдерживаемых рыданий, слезы капали из их воспаленных глаз прямо на отходящего.

– Воевода! Взгляни на нас! Скажи нам хоть что-нибудь! – произнес Апостолов и, нагнувшись, тронул руку воеводы.

Дернулись жилы, сморщился лоб, приоткрылся глаз, но это была всего лишь агония. Медлить было больше нельзя, быстро смеркалось, надо было спешить уходить, пока повстанцы не узнали о смерти воеводы и не разбежались. Перо, опершись на раненое колено, склонился над умирающим, перекрестил его и поцеловал в трепещущие еще губы.

– Эх, воевода, прощай, брат мой милый! Почему я не погиб вместо тебя? – прошептал Перо и заплакал.

Все последовали его примеру. Поклонились, прошептали последнее „прости“. Отломили несколько веток цветущего шиповника и положили на тело воеводы – вот и все похороны. Тут тебе и причащение, и отпевание, и все остальное. Когда они отошли на несколько шагов, кто-то догадался, что надо бы забрать письма, списки и другие документы, которые воевода держал за пазухой. Вернулись обратно, Апостолов расстегнул на нем верхнюю одежду и вынул залитую кровью карту Европейской Турции. Товарищи сняли с Ботева часы, взяли письма, револьвер и кое-что еще из вещей. Албанец незаметно взял его саблю. Шагов десять еще было слышно, как хрипел герой, умирая. Как только подтянулась вся дружина, те, кто ничего не знал о гибели воеводы, сразу заметили его отсутствие.

– А воевода где? – начали допытываться.

– Впереди идет, сейчас его догоним, – отвечали те, кто был свидетелем его гибели.

III

Оставим дружину и вернемся к герою нашей книги, побываем на его тризне, сообщим некоторые подробности последних минут его жизни. Целились в него специально: то ли с большой гряды, то ли из ущелья напротив – неизвестно. Кто выстрелил в него – тоже неизвестно. Мы предполагаем, что кто-то желавший его смерти по своей воле приблизился к тому месту, где отдыхала чета, и как только Ботев выпрямился, тут же выстрелил и сразу убежал. Некоторые из товарищей Ботева, очевидцев его гибели, говорят, что его ранило в грудь, ссылаясь в качестве доказательства на окровавленную карту. Другие утверждают, что пуля попала

в лоб. Янко Боянов вспоминает даже, что видел кровь у него на лбу, над глазом, у самой кромки волос. Покойный Иордан Кыршовский, оставивший нам записки, тоже совсем определенно пишет, что воеводу ранило в лоб. Мы поддерживаем последнее мнение на том основании, что, как бы ни тяжела была рана в груди, он все-таки помучился бы немного, прежде чем умереть, сказал бы хоть несколько слов перед смертью. А он, упав, тотчас закрыл глаза и ни слова не сказал, не охнул, не застонал, не взглянул ни на кого, не шевельнулся. Что же касается крови на груди, то она могла натесть со лба. Товарищи в сумерках да в спешке не рассмотрели.

В турецком лагере находились тринадцать пастухов, которых схватили и связали в тот день в окрестностях. Они слышали, как прибежавшие в лагерь черкесы докладывали командиру, что воевода уже убит.

— Быстро тащите его голову! — приказал он.

Тем же вечером голова была отрублена и отвезена во Врацу. Ее торжественно носили по городу, а потом надели на кол и выставили рядом с головами других повстанцев с Милин-Камыка на главной площади города. Бойцы из дружины, схваченные турками живыми под Врацей, подтвердили, что это голова их воеводы, а врачанцы рассказывают, что голова была крупная, с высоким лбом, наполеоновским подбородком, черными усами и бровями. Через три дня ее вместе с другими головами зашвырнули в овраг близ города. Священник Гено достал их оттуда и закопал во дворе церкви св. Петра и Павла, но вскоре он умер, скончалась и прислуживавшая в церкви старушка, бабушка Савва, так что место, где покоится буйная головушка Ботева, неизвестно.

Тело же осталось на том месте, где погиб воевода, и стало добычей орлов и лесных тварей. Через два ме-

сяца, когда вышел приказ захоронить останки убитых, и кости нашего воеводы удостоились чести быть погребенными. В этой местности нашли только его и еще двух мертвецов, но с другой стороны, ближе к монастырю св. Богородицы. Одного обнаружили возле родника – нагнулся водицы испить, там и упал. По всему видать, ранен был. Второго через два месяца нашли с огромным куском жареного барашка в руке. Бедняга, наверное, бежал и ел на ходу, и когда пуля в него угодила, так и умер, не расставаясь с мясом. И рука, и кусок барашка превратились в сухие кости, не поймешь – где человечьи, где бараньи... Не удалось нам установить и место, где зарыты останки нашего героя.

Погиб Ботев в таком живописном уголке Стара-Планины, о каком он и мечтал всей душой. Сбылось его поэтическое завещание. По всем пунктам. Тут был и тихий прохладный ветерок, и гроза в горах, и стон высоких буков, и благоухание дикой герани, и горные орлы, и злые волки, и росистая трава!.. Крушевское озеро – всего в 300-400 шагах от того куста шиповника, чуть ниже в долине.

Читатели уже могли составить приблизительное представление о нашем герое из отдельных фактов и рассказов, но мы все-таки считаем необходимым посвятить ему еще несколько строк, дать общий комментарий. Это наш долг биографа. Ботев был редкостным человеком среди своих современников. Он был личностью необыкновенной, незаурядной, человеком высоких порывов и идей, он олицетворял собой всю тогдашнюю эпоху со всеми ее безобразиями и идеалами. И он жил для этой эпохи, а не для себя. Она возвысила его, но обрекла лишь на одну крайность: отрицать, разрушать и ненавидеть. На своем жизненном поприще он чувствовал себя столь уверенно, что предпочитал го-

лодать по три дня, чем попросить помощи у людей ординарных, заурядных. Наделенный от природы всеми качествами великого человека, он обладал железным характером и гранитной волей. Он умел и живым словом, и пером, и своей наружностью, и поведением увлечь людей, заставить их пожертвовать жизнью за идею. Кто хоть раз слушал его речь, кто видел, как он живет и общается с людьми, тот не мог забыть его никогда. Никакой спесивости, заносчивости, никакой надменности в отношении к тем смертным братьям, которые торговали бузой или содержали трактиры. Он покидал их жалкие лачуги и шел на встречу с каким-нибудь ученым или дипломатом обсуждать важные вопросы. Богатые и знатные, религия и церковь, то, что служило сохранению и мешало разрушению, были, по его убеждению, язвами. Религию он называл развращением народа, а храмы – язвами. У него было три желания на этом свете: быть таким сильным, чтобы одним махом, мановением руки разбивать целые полчища врага, уметь летать, как птица, вызывать дождь, где это нужно.

Его роль революционера и разрушителя выполнял прежде Любен Каравелов. Надо ли говорить, что сие было насилием над самим собой, хоть он и держал это красное знамя четыре года? Он выпустил немало стрел по своей мишени, оставил нам целую литературу, полную отрицания, разрушительной силы и ненависти к угнетателям Болгарии; замечательно и весьма талантливо изобразил муки народа, свирепость турецкого ятагана и церковного костыля; убийственной была его последовательность, невероятным его упорство и настойчивость. Еще с 1860 года он начал писать повести и рассказы на трех языках – болгарском, русском и сербском, подрывая ими основы турецкого царства. В

этом благородном начинании он не был лишен ни энергии, ни патриотизма, ни знаний, ни веры, ни таланта. По сравнению с его учеником Ботевым ему не хватало лишь одного: огня, возвышенности чувств, гениальности и поэтического дара последнего. Одного только стихотворения, одной лишь строфы достаточно, чтобы провести четкую грань между этими двумя писателями и современниками, показав, что Любен Каравелов — одаренный писатель, замечательный стилист, основатель литературной школы, талантливый рассказчик, сатирик и публицист, обладающий более обширными познаниями, чем Ботев, однако он не поэт по вдохновению. Мысль и формы превосходны, легкость неподражаемая, тонкая сатира и ирония налицо, но везде разум, техника и тенденция берут верх над его поэзией.

Прочтите ботевские стихотворения *„Жив еще, жив он...“*, *„Моей первой любви“*, *„Прощание“* и другие. Каждая строфа, каждое слово рисуют перед нами разнобразные картины, за каждым словом виден человек, который пылает огнем, кипит от возмущения и беспощадно разит врага; которому известны муки и страдания родного народа, и он передает их со страшной, отчаянной мощью. Ботев писал не то, что диктовал ему разум, а то, что извергала, как вулкан, его пламенная поэтическая натура. Да и что он писал? Месяцами и годами декламировал он массу стихов, уже друзья знали их наизусть, а он все не записывал их на бумаге. Заимов рассказывает, что оду *„Хаджи Димитр“* он написал в Джурджу в доме Д. Горова как-то вечером за несколько минут. Поводом и источником вдохновения послужил рассказ бабушки Тонки о Хаджи Димитре. Ботев никогда не писал по принуждению, по заказу, но всегда под впечатлением чего-либо, особенно в

тяжкие минуты, давая волю фантазии и впадая в мрачное расположение духа. Со злостью, яростью и ненавистью обрушивался он тогда на все общество. Как-то раз он напился в трактире и заявил, что сделал это на зло врагу и патриотам. И ненависть, и отчаяние, скопившиеся в его душе, были вызваны народными страданиями и равнодушием соотечественников. Он занес меч и готов рубить и рвать оковы, но лишь немногие протягивают ему руку помощи.

Однако его лире ведомы и другие песни, она умеет плести небесные венки и в состоянии воплотить героев в ангельских образах. Например, взять Хаджи Димитра – раненый, сабля сломана, потеряно ружье, он вот-вот испустит дух один-одинешенек среди горных вершин, погибнет во имя свободы. История богатыря-гайдука передана так божественно, сцена с лесными самодивами* нарисована с таким благоговением перед покойным, что, читая ее, хочется пасть на колени. Лишь воображение поэта способно создать подобные картины.

Как ни странно, Ботев написал лучшие свои стихотворения в молодые годы (1870-1871), будучи босяком и бродягой. Позднее (1874-1875), когда его жизнь более или менее наладилась и его окружали интеллигентные друзья, он совсем перестал писать – вероятно, сфера его деятельности в ту пору помешала этому.

*Лесные русалки.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ	5
ВАСИЛ ЛЕВСКИЙ (ДЪЯКОН).	
Эпизоды жизни	10
ЭПИЗОДЫ ЖИЗНИ И ПИСАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЮБЕНА КАРАВЕЛОВА.	
Речь к вечеру памяти писателя, состоявшемуся 3 марта в Пловдиве	90
ХРИСТО БОТЕВ. Попытка биографии	113

ОТЧИЗНЫ СЛАВНЫЕ СЫНЫ

Захарий Стоянов

Составитель *Александр Йорданов*
Редактор болгарского текста *Елизар Декало*
Редактор перевода *Сергей Снегов*
Художественный редактор *Скарлет Панчева*
Технический редактор *Донка Алфандари*
Корректор *Светла Иванова*
Формат бумаги 54/84/16. Печ. листов 14
Государственная типография „Балкан“
31/22331/5506-47-89

